

ISSN 2304–4772

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ
ТГПУ им. Л. Н. Толстого**

Научный журнал

**Выпуск 3 (51)
Ноябрь 2024 г.
Том 2.**

**Тула
2024**

**ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ
ТГПУ им. Л. Н. Толстого**

Научный журнал

включен в перечень

ВАК МОиН РФ

[https://vak.minobrnauki.gov.ru/docu-
ments#tab= tab:editions-](https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents#tab=tab:editions-)

входит в список рецензируемых научных изданий из перечня рекомендованных Минобрнауки РФ по философским наукам на основании решения Ученого совета МГУ от 24.05.2019 (протокол № 5) для публикаций профессорско-преподавательского состава и аспирантов по следующим специальностям:
- 5.7.2. – История философии
- 5.7.4. – Этика
- 5.7.8. – Философская антропология, философия культуры
- 5.7.9. – Философия религии и религиоведение
- 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства (философские науки)

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (51)

Ноябрь 2024 г.

Том 2.

Дата выхода в свет: 30.11.2024 г.

Главный редактор –
доктор философских наук,
профессор *Е. Д. Мелешко*

Учредитель –
ФГБОУ ВО «ТГПУ
им. Л. Н. Толстого»

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Реестровая запись: ЭЛ № ФС 77 –
75297 от 25.03.2019 г.

Online ISSN 2304-4772

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024

© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:

300026, Тула, просп. Ленина, 125

Телефон: 8 (4872) 65-74-37.

Электронный адрес:

gumved@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВО В ФИЛОСОФСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ» 5**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мелешко Е. Д. Фундаментальные основания цифровой этики в культурной динамике информационного общества.....5

Назаров В. Н. Феномен искусственного зла (о рисках моральной «квазипорочности» в развитии искусственного интеллекта).....13

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТИ

Гарькина О. В. Цифровые технологии и их влияние на ценностные ориентиры молодежи.....23

Назарова Ю. В. Аксиологический мониторинг в цифровом образовательном пространстве как средство построения кодекса профессиональной этики (опыт ТГПУ им. Л. Н. Толстого).....33

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аторин Р. Ю., Докукин К. Ю., Королёва Л. Г. Цифровизация сферы образования и духовно-нравственное развитие личности.....49

Назарова Ю. В., Чеснова Е. Н. Кодекс профессиональной этики в цифровом научно-образовательном пространстве университета: принципы построения и опыт апробации.....57

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ

Маркова Н. М. Цифровизация религии: анализ современных богословских, философских и религиоведческих тенденций.....77

Матушанская Ю. Г., Шапоров В. С. Методы русской православной церкви в работе с психологической зависимостью в условиях цифровизации.....87

Фролов М. О. Цифровизация религии в рамках современного интернет-пространства.....98

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ.**

Аринин Е. И., Волкова В. Е. Маска в эпоху цифровизации: между визуализацией сакрального и невидимизацией истинного.....108

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Катунина Н. С. Этические и правовые ограничения искусственного интеллекта в современном обществе.....120

Большакова А. С. Этическая кодификация для сильного искусственного интеллекта как дилемма «невозможного выбора».....128

Сведения об авторах.....146

Правила направления, рецензирования и опубликования статей в научном издании «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (на русском и английском языках).....148

GUMANITARNYYE VEDOMOSTI

TGPU im. L. N. Tolstogo

The scientific journal

is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian

[https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents/#tab= tab:editions~](https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents/#tab=tab:editions~)

is included in the list of peer-reviewed scientific publications from the list of recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for philosophical sciences on the basis of the decision of the Academic Council of Moscow State University dated

May 24, 2019 (Protocol No. 5) for publications of faculty and graduate students in the following specialties:
- 5.7.2. - History of Philosophy
- 5.7.4. - Ethics
- 5.7.8. - Philosophical anthropology, philosophy of culture
- 5.7.9. - Philosophy of Religion and Religious Studies
- 5.10.1. - Theory and History of Culture (philosophical sciences)

Published 4 times a year

Issue 3 (51)

November 2024

Volume 2

Released on November 30,
2024

Editor in chief –

Doctor of Philosophy,

Professor *E. D. Meleshko*

Founder –

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media

Register entry:

EL № FS 77 – 75297

on March 24, 2019.

Online ISSN 2304-4772

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2024

© Authors of articles, 2024

TABLE OF CONTENTS

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3

ROUND TABLE ON THE TOPIC: "DIGITAL TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY IN THE PHILOSOPHICAL AND CULTURAL DIMENSION".....5

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Meleshko E. D. Fundamental foundations of digital ethics in the cultural dynamics of the information society.....5

Nazarov V. N. The phenomenon of artificial evil (on the risks of moral ‘quasi-depravity’ in the development of artificial intelligence).....13

DIGITALIZATION AND VALUES

Garkina O. V. The impact of digital technologies on the values of young people.....23

Nazarova Yu. V. Axiological monitoring in the new education space as a means of creation a professional ethics code (the experience of tula state lev tolstoy pedagogical university).....33

DIGITALIZATION AND EDUCATION IN THE PHILOSOPHICAL DIMENSION

Atorin R. Yu., Dokukin K. Yu., Korolyova L.G. Digitalization of education in the context of spiritual and moral development of the individual.....49

Nazarova Yu. V., Chesnova E. N. Code of professional ethics in the digital scientific and educational space of the University: principles of construction and experience of approbation.....57

DIGITALIZATION AND RELIGION

Markova N. M. Digitalization of religion: analysis of contemporary theological, philosophical and religious trends.....77

Matushanskaya Yu. G., Shaporov V. S. Methods of the Russian orthodox church in working with psychologically dependents under conditions of digitalization.....87

Frolov M. O. Digitalization of religion on the framework of modern internet space.....98

CULTURAL ASPECTS OF DIGITALIZATION AND THEIR IMPACT ON SOCIAL PROCESSES

Arinin E. I. Volkova V. E. The mask in the age of digitalization: between the visualization of the sacred and the invisibility of the true.....108

ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Katunina N. S. Ethical and legal limitations of artificial intelligence in modern society.....120

Bolshakova A. S. Ethical codification for strong artificial intelligence as a dilemma of “impossible choice”.....128

Information about the authors.....146

The rules for submitting, reviewing, and publishing articles in scientific journal ‘Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo’ (In Russian and English).....148

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL

Главный редактор

Chief Editor

Мелешко Елена Дмитриевна, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Elena Meleshko, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Редколлегия

Editorial Board

Римский Виктор Павлович, д-р филос. наук, проф. (БГИИК, Белгород, Россия) – зам. главного редактора

Viktor Rimskiy, prof., Doctor of Philosophy (BSIAC, Belgorod, Russia)

Назарова Юлия Владимировна, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – зам. главного редактора

Yuliya Nazarova, Prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Богомазова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – ответственный редактор

Natalia Bogomazova, Assoc. Prof, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Слобожанин Алексей Вячеславович, кандидат философских наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – ответственный редактор

Aleksey Slobozhanin, Assoc. Prof, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Мартьянова Елена Георгиевна, кандидат философских наук (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – технический редактор

Elena Martyanova, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Редакционный совет

Editorial Council

Подрезов К. А., канд. полит. наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия), председатель редакционного совета

Konstantyn Podrezov, Assoc. prof., PhD (TSPU, Tula, Russia)

Алексеев-Апраксин А. М., д-р культурологии, доц. (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Anatoliy Alekseev-Apraksin, Assoc. Prof., Doctor of Culturology (SpbSU, St. Petersburg, Russia)

Аринин Е. И., д-р филос. наук, проф. (ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия)

Evgeniy Arinin, prof., Doctor of Philosophy (VISU, Vladimir, Russia)

Бубнов Ю. А., д-р филос. наук, проф. (ВГУ, Воронеж, Россия)

Yuriy Bubnov, prof., Doctor of Philosophy (VSU, Voronezh, Russia)

Варава В. В. д-р филос. наук, проф. (МГУ, Москва, Россия)

Vladimir Varava, prof., Doctor of Philosophy (MSU, Moscow, Russia)

Венсан Юбер, д-р филос. наук, проф., Руанский университет, Руан, Французская республика

Vincent Hubert, prof., Doctor of Philosophy (University of Rouen, Rouen, France)

Гаджикурбанов А. Г., д-р филос. наук, проф. (МГУ, Москва, Россия)

Aslan Hajikurbanov, prof., Doctor of Philosophy (MSU, Moscow, Russia)

Золкин А. Л., д-р филос. наук, доц. (МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия)

Andrey Zolkin, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (MIA of Russia, Moscow, Russia)

Кобзев А. И., д-р филос. наук, проф., (ИВ РАН, Москва, Россия)

Artem Kobzev, prof., Doctor of Philosophy (IV RAN, Moscow, Russia)

Игумен Серапион (Митько А. Е.), д-р теологии, канд. филос. наук, проф. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Abbot Serapion (August Mitko), prof, Doctor of theology, PhD (HSE, Moscow, Russia)

Лыткин В. В., д-р филос. наук, проф. (КГУ им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия)

Vladimir Lytkyn, Prof., Doctor of Philosophy (KSU named after K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia)

Назаров В. Н., д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Vladimir Nazarov, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Прокофьев А. В., д-р филос. наук, доц. (ИФ РАН, Москва, Россия)

Andrey Prokof'ev, Assoc. Prof, Doctor of Philosophy (IF RAN, Moscow, Russia)

Романов О. А., д-р филос. наук, общественное движение «Белая Русь», Минск, Республика Беларусь)

Oleg Romanov, prof., Doctor of Philosophy (Public movement "Belaya Rus", Minsk, Belarus)

Ромашина Е. Ю., д-р пед. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Ekaterina Romashina, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (TSPU, Tula, Russia)

Симонова С. А., д-р филос. наук, доц. (МГППУ, Москва, Россия)

Svetlana Simonova, Assoc. Prof., Doctor of Philosophy (MSPPU, Moscow, Russia)

Спиридонов А. А., д-р юрид. наук, доц. (Правительство Р.Ф., Москва, Россия)

Spiridonov A. A., Dr. low, Associate Professor (Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Туракулов О. Х., д-р пед. наук, проф. (Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Узбекистан)

Turakulov Olym, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (NUU, Tashkent, Uzbekistan)

Шатунова Т. М. д-р филос. наук, проф. (КФУ, Казань, Россия)

Tatiana Shatunova, prof., Doctor of Philosophy (KFU, Kazan, Russia)

**КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ:
«ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В
ФИЛОСОФСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ»
(29 НОЯБРЯ 2024 ГОДА)**

Материалы круглого стола

Круглый стол «Цифровая трансформация современного общества в философском и культурном измерении» в рамках реализации Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества».

От главного редактора:

Уважаемые коллеги! Цель круглого стола «Цифровая трансформация современного общества в философском и культурном измерении» – проанализировать современные тренды информационного общества в контексте развития ИИ, компьютерных технологий. В ваших выступлениях и статьях мы считаем возможным найти ответы на те проблемы в области фундаментальных и прикладных исследований, которые в настоящее время являются объектом всеобщего интереса. Мы надеемся, что наш круглый стол внесет свой скромный вклад в создание гуманитарной парадигмы в научных разработках цифровой сферы ИИ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Е. Д. Мелешко

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ В
КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА¹**

В статье рассмотрены метафизический и онтологический срезы цифровой этики в связи с расширением виртуального и информационного топоса, компьютерных технологий и искусственного интеллекта (ИИ), что характерно для современного этапа развития информационного общества. Определено, что цифровая этика, являясь частью информационной этики, отражает изменения в морали, моральной универсалии, как элемента культурной универсалии. Показано, что онтологическая и метафизическая матрицы универсалий в связи с их укорененностью в бытии культуры, определяются ценностным содержанием с ареалом понятий, принципов, норм, характерных для культурного сознания,

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества».

исторической реальности. Моральные универсалии, как и культурные универсалии, рассматриваются с позиций диалектики реальности (идеальное) и действительности (фактуальное), что дает возможность определить специфику изменений моральной универсалии в кластере цифровой этики, особенности ее ценностной нормативности в условиях бестелесного, бесконтактного общения субъекта с неживым объектом – ИИ. В статье выделяется значение цифровой этики в образовании.

Ключевые слова: мораль, культура, образование, информационное общество, искусственный интеллект, цифровая этика, культурная универсалия, моральная универсалия, нормативно-ценностный регулятор, действительность, реальность, субъект, объект, телесность, бестелесность.

E. D. Meleshko

*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF DIGITAL ETHICS IN THE CULTURAL DYNAMICS OF THE INFORMATION SOCIETY

The article examines the metaphysical and ontological sections of digital ethics in connection with the expansion of the virtual and information topos, the development of computer technologies and artificial intelligence (AI), which characterizes the modern stage of development of the information society. The article identifies that *digital ethics*, as part of *information ethics*, reflects changes in morality or moral universality as an element of cultural universality. The paper shows that the ontological and metaphysical matrices of universals in relation to their embeddedness in the being of culture are determined by the value content with the *scope of concepts, principles, norms* typical of cultural consciousness and historical *reality*. The author considers moral and cultural universals from the point of view of dialectics of reality (ideal) and reality (factual), which makes it possible to determine the peculiarities of changes in the moral universal in the cluster of digital ethics, the peculiarities of its value normativity in the conditions of incorporeal, contactless communication of the subject with an inanimate object, i.e. AI. The article emphasizes the importance of digital ethics in education.

Keywords: morality, culture, education, information society, artificial intelligence, AI, digital ethics, cultural universal, moral universal, normative-value regulator, actuality, reality, subject, object, corporeality, incorporeality.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-5-12

Актуальность исследования связана с новыми тенденциями развития ИИ и технологий, обусловлена потребностью внедрения гуманитарной ценностной (рамочной) парадигмы в образовательный ареал, как способа разрешения рисков, дилемм и ситуационных конфликтов в практике научно-образовательных кластеров. Цифровая этика как часть цифрового пространства является недостаточно изученной. В то же самое время рост технологий, расширение применения искусственного интеллекта остро нуждается в ценностном и регулятивном обеспечении цифрового пространства.

Новизна заключена в целостном систематическом этико-философском анализе цифровой этики, в связи с чем были определены ее онтологические и ценностные основания в культурной динамике общества, в условиях изменения культурной нормы и перехода ее в знаниево-информационную в связи с развитием компьютерных технологий и искусственного интеллекта (ИИ). В статье показаны некоторые позиции ценностных изменений моральных норм в кластере цифровой этики (например, универсальности морали), которое связано

с противостоянием субъекта и ИИ, телесного и бестелесного, контактного и бесконтактного, символического и фактуального общения.

Культурная и моральная универсалии, их место в современной культуре. Цифровая этика и ИИ являются частью современной культуры, выражают определенное содержание *культурной универсалии* как элемента культурного текста.

Согласно антропологическим исследованиям, культурная универсалия объединяет в себе общие «типовые аспекты жизни, которые проявляются поступках, во всех известных обществах», например, наиболее часто проявляясь гендерных брачных отношениях и спортивных состязаниях [1], контролирующая всплески агрессии. Культурные универсалии – это, прежде всего, *понятия*, выраженные в правилах и обычаях, черты которых «свойственны всем без исключения культурам (смех – плач, огонь – вода, верх – низ и т.д.), наиболее распространенные и наиболее значимые формы социальной и культурной жизни, присущие всем народам независимо от их этнических, социальных, экономических и др. особенностей – это нормы, ценности, идеи, стереотипы мышления и поведения, верования и т.д. [1]. Особенность культурных универсалий в том, что они «обусловлены биологической и психологической природой самого человека, который выступает в качестве *общего знаменателя* различных культур» [2, с. 49-57]. Метафизическое обоснование культурных универсалий выражает «вечные онтологические и экзистентные константы человеческого сущего бытия, фундаментальными категориями картины мира, суммарной аксиоматикой внутреннего опыта» [Ком. 1], их разнообразие определяет неповторимость различных культур [2, с. 49-57]. Культурные универсалии раскрывают связь идеального и сущего (действительного), их наличие в различных культурах дает возможность рассматривать феномен культуры как целостный процесс, свойство которого «перешагивать границы исторических эпох, национальных культур,... погружать нас в одну культуру – культуру человечества. Поэтому же культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [3, с. 4]. Таким образом, культурные универсалии, которые выступают как ареал понятий, правил и обычаев, норм и ценностей являются элементами культурной реальности, которая проецируется на действительность в действиях и поступках.

Моральная универсалия является средством регуляции в социуме, опирающаяся на ценностные идеалы и нормативы, в основе которых гуманизм, справедливость и равенство. Культурная универсалия как норма культуры в условиях цифровизации изменяет свое прежнее содержание в пользу знаниево-информационной нормы культуры, означающей *синтез знания и информации*.

Онтологическая и гносеологическая матрица универсалий является соответствующей основой различных *типов универсалий*, таких как культурные, социологические, моральные, правовые универсалии, обозначающих различные виды (срезы) человеческого бытия и культуры. Универсалии в метафизическом понимании имеют определенный *онтологический и гносеологический* статус,

что формирует *ареал понятий, ценностей, принципов, норм*, характерных для различных типов универсалий, которые определенным образом проецируются на действительность. В этом плане необходимо разграничить понятия реальности и действительности. Универсалии в метафизическом срезе онтологически укоренены в реальности, содержат в себе *ареал понятий, ценностей, принципов, норм*, характерных для различных типов универсалий, которые определенным образом проецируются на *действительность* в виде конкретных действий, поступков [4, с. 256-290]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что действительность существует фактуально, то есть как неоспоримый факт и является противоположностью всему тому, что не соответствует действительному факту, то есть идеальным образам: идеи, знание и т.д. Таким образом, действительность и реальность, ареал которой представляет собой включает в себя идеальное, являются противоположностями. Универсалии как понятия «укреплены» в ареале *реальности*. Действительность – это мир фактуальных явлений, реальность – «единство бытия и истины» (С. Л. Франк). Таким образом, действительность раскрывает сущее как *факт*, реальность – как выражение *сущности* этих явлений. Универсалии являются выражением реальности, выражением сущности сущего, как основания действительности. Таким образом, универсалии представляют собой в метафизическом смысле онтологический и гносеологический статус общего, существующего в реальном ареале идей, понятий и др. Реальность данного онтологического статуса идей, норм, принципов, правил связана с формами идеального и выражает сущностные характеристики и черты этой реальности. Действительность раскрывает сущее как факт, явленность действительной фактуальности.

Цифровая реальность, ориентированная на виртуальную среду, по своему содержанию имеет отличительные черты. Типология виртуальной реальности Virtual reality – VR (виртуальная реальность), Augmented Reality – AR (дополненная реальность), и Mixed reality, MR (смешанная реальность). в целом показывает ее абсолютное воздействие на субъекта, что создает его «оторванность» от фактуальной действительности («программируемая реальность», «виртуальная реальность с полным погружением (immersive vr) и др. [6]. В условиях виртуальной среды разрушается единство реальности и действительности, субъект теряет ощущение телесности, фактуальной действительности в бесконтактном общении с искусственным интеллектом, реальность *расширяет* символические формы и образы, изменяя прежнее содержание. Моральная универсалия, как принцип, укоренена в реальности ценностных идеалов, нормативов и представляет собой *единство реального и действительного, общего и фактуально-множественного*. Моральные универсалии в традиционной культуре определяются, во-первых, моральной реальностью (идеалы, нормы) и моральной действительностью (действия, поступок), являются одними из элементов культуры, которая объединяет реальность и действительность универсалий в целом и моральной универсалии в частности. Во-вторых, универсальность морали основывается на разумности; человеческого разум является всеобщим объединяющим началом (И. Кант).

Универсальность определяет качественные характеристики моральных универсалий в реальности, в коллективной памяти культуры, как «*метафизическая матрица, онтологическая опора моральной действительности*» [5]. Именно в этом заключается универсальное значение морали, моральных ценностей и норм в традиционной культуре. В целом, культурные универсалии, а также их разнообразные типы, в том числе моральные и правовые универсалии представляют собой со-бытие культуры (М. И. Бахтин), межкоммуникативность которого является исторически связующим звеном культуры как культурного текста (Ю. М. Лотман).

Мораль и культурная универсалия: особенности проявлений в современной цифровой культуре. Необходимо отметить характерные черты культурной универсалии морали в связи с развитием цифровых технологий и ИИ. Как это было показано выше, моральная универсалия, являясь в традиционной культуре связующим звеном реальности и действительности, идей и опыта, изменяет приоритет ценностных норм, оказываясь в ситуативных условиях что является одной из причин разрушения *единства реальности и действительности*, ведь субъект в общении с объектом ИИ, компьютерной машиной теряет ощущение фактуальной действительности, а реальность расширяет символические формы и образы, изменяя прежнее существующее *равновесие* между реальностью, с его направленностью на идеальное моральное сознание (ценности, нормы) и действительностью (действие, поступок). Отсутствие равновесия условиях виртуальной среды определяет автономию субъект-объектных отношений, действующих в сфере бесконтактного, бестелесного общения между разумным и искусственным интеллектом. Это означает, что в цифровой этике возникает изменение ценностного и нормативно-регулятивного алгоритма, идеологическое основание которого – *новое содержание* знаниево-информационной культурной нормы, которая вписывается в культурный текст, сохранив при этом некоторые традиционные классические характеристики. (<https://www.researchgate.net/lab/Digital-Ethics-Lab-Luciano-Floridi>) [Ком. 2].

Цифровая этика как элемент современного образования. Цифровая этика, как часть информационной этики, относится к кластеру профессиональной этики, что определяет ее статус в том числе в современных образовательных практиках, а также в новых педагогических профессиях, таких как игропедагог (создает образовательные программы на основе игровых методик, выступает игровым персонажем), разработчик образовательных траекторий, тренер по майнд-фитнесу (разработчик программ индивидуальных когнитивных навыков), тьютор, модератор (специалист по организации группового обсуждения проблемы или коллективной творческой работы) и т. д., координатор образовательной онлайн платформы сопровождает подготовку онлайн-курсов по конкретным предметам/дисциплинам, организует и продвигает конкретные курсы или типовые образовательные траектории, моделирует общение преподавателей и студентов в рамках курсов или платформ, задает требования к доработке функционала платформы. Таким образом, цифровая этика как нормативно-ценностный регулятор оказывается

востребованной не только в современных педагогических практиках, но и в образовательной среде будущих педагогических профессий. В настоящее время цифровая этика как часть этико-философской науки имеет устойчивый категориальный аппарат, ценностные параметры, которого определяются коммуникативно-регулятивными особенностями цифрового контента, имеющего бесконтактный и ситуативный тип общения, что характеризуется наличием дилемм и конфликтов.

Выводы: Результат исследования сконцентрирован на специфике цифровой этики, в связи с чем были проанализированы фундаментальные онтологические основания моральной универсалии как элемента морали, ее ценностные и нормативно-регулятивные характеристики в условиях контактов с искусственным интеллектом. В связи с этим показано, что цифровая этика представляет собой самостоятельный феномен, со специфическим ценностно-нормативным содержанием и регулятивными характеристиками:

а) цифровая этика рассмотрена в контексте культурно-философского анализа моральной универсалии как элемента культурной универсалии в связи с чем были определены ее онтологические основания, ценностные и нормативные концепты;

б) метафизический срез исследования цифровой этики показал, что моральные универсалии онтологически укоренены в реальности, содержат в себе *ареал понятий, ценностей, принципов, норм*, которые проецируются на *действительность* в виде определенных действий, поступков. Выделены реальность (идеальное) и действительность (фактуальное) как онтологические параметры моральных универсалий в традиционной культуре;

в) сравнительный анализ дал возможность выявить специфику изменений моральной универсалии в кластере цифровой этики, особенности ее ценностной нормативности в условиях бестелесного, бесконтактного общения субъекта с объектом – ИИ;

г) в статье делается вывод: в условиях виртуальной среды разрушается *единство реальности и действительности*, субъект в общении с объектом ИИ, компьютерной машиной теряет ощущение фактуальной действительности, а реальность расширяет символические формы и образы, изменяя прежнее содержание, являясь в традиционной культуре связующим звеном реальности и действительности, идей и опыта, изменяет свое содержание, оказываясь в условиях виртуального цифрового контента. Мораль существует только в условиях реальности, что связано с автономией субъект-объектных отношений, действующих в сфере бесконтактного, бестелесного общения между разумным и искусственным интеллектом. Это означает, что в цифровой этике возникает идеологическое изменение как ценностного и нормативно-регулятивного алгоритма;

д) определено место цифровой этики как профессиональной, имеющей практическое значение в образовательных практиках.

Комментарии

1. Это подтверждается, например, общностью языков. «Исследователи пришли к выводу, что существует некая универсальная грамматика, присущая всем языкам. Так, несмотря на большое разнообразие языков, человеческие языки имеют много важных, общих свойств. Во всех языках присутствуют «гласные» и «согласные». Каждый язык имеет способ обсудить метафизическое случившееся в прошлом событие, сформулировать отрицание, задать вопрос, попросить, дать команду, выразить эмоции и т.д. Во всех языках встречаются схожие категории (существительные, глаголы, наречия и прилагательные), имеются притяжательное местоимение и родительный падеж. Носители всех языков могут обсуждать не только события, людей, качества, вещи и действия, но также и такие экзистенциальные состояния, как ревность, страх, ненависть, любовь, восторг, восхищение и пр. Эти и другие универсалии говорят о том, что языки не настолько различны, как может показаться. Антология исследований культуры // Интерпретация культуры / сост. С. Я. Левит. СПб. : Универ. кн., 1997. Т. 1. С. 49–57. [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/levit-sya-sost-antologiya-issledovaniy-kultury-t-1-interpretacii-kultury_3d637dcfd83.html (дата обращения 23.10.2024).

2. В аксиологическом плане ставится задача осмысления качественно новой системы ценностей и экзистенциальных смыслов, обозначения требований высокой этики постсингулярного этапа развития цивилизации // Научный совет Стратегического общественного движения «Россия 2045» ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045 Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция // Под ред. проф. Д. И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.

Литература

1. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече : АСТ, 2003. 509 с.
2. Мёрдок Дж. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры / отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. СПб.: Университет. кн., 1997. С. 49–57.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 558 с.
4. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
5. Гаджикурбанов А. Г. Круглый стол : «Мораль: многообразие понятий и смыслов» // Институт философии РАН : офиц. сайт. М., 2007–2024. URL: <http://iphras.ru/page19098853.htm> (дата обращения 23.10.2024).
6. Иванов К. Смешанная реальность, AR, VR – типы виртуальных удовольствий // iGuids.ru : [медиа о гаджетах, технологиях и играх]. М., 2009–2024. URL: https://www.iguide.ru/main/gadgets/smешannaya_realnost_ar_vr_tipy_virtualnykh_udovolstviy/ . Дата публикации: 12.02.2016.

7. Глобальное будущее 2045: конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Научный совет Стратегического общественного движения «Россия 2045»; под ред. проф. Д. И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. 271 с.

References

1. Kononenko B. I. *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [The Large Explanatory Dictionary of Cultural Studies]. Moscow, Veche Publ, AST Publ, 2003. 509 p. [In Russian]

2. Murdock G. P. Fundamental'nyye kharakteristiki kul'tury [Culture and Society]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1: Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of Cultural Studies. Vol. 1: Interpretation of Culture], ed. by L. A. Mostova. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ, 1997. Pp. 49–57. [In Russian]

3. Lotman J. M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Everyday life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ, 1994. 558 p. [In Russian]

4. Frank S. L. Nepostizhimoye: Ontologicheskoye vvedeniye v filosofiyyu religii [The unknowable: an ontological introduction to the philosophy of religion]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ, 1990. Pp. 183–559. [In Russian]

5. Gadzhikurbanov A. G. Kruglyy stol : «Moral': mnogoobraziye ponyatiy i smyslov» [Round table : 'Morality: a variety of concepts and meanings']. *Institut filosofii RAN*: website. Moscow, 2007–2024. URL: <http://iphras.ru/page19098853.htm> (accessed: 23.10.2024). [In Russian]

6. Ivanov K. Smeshannaya real'nost', AR, VR – tipy virtual'nykh udovol'stviy [Mixed reality, AR, VR – types of virtual pleasures]. *iGuids.ru*. Publication date: 12.02.2016. Moscow, 2009–2024. URL: https://www.iguide.ru/main/gadgets/smeshannaya_realnost_ar_vr_tipy_virtualnykh_udovolstviy/ (accessed: 23.10.2024). [In Russian]

7. Global'noye budushcheye 2045: konvergentnyye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya [Global Future 2045: Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution]. Nauchnyy sovet Strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniya «Rossiya 2045» [Scientific Council of the Strategic Public Movement "Russia 2045"], ed. by D. I. Dubrovskiy. Moscow, Izd-vo MBA Publ, 2013. 271 p. [In Russian]

*Статья поступила в редакцию 30.10.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024*

*The article was received by the editorial staff 30.10.2024
The article is approved for publication 25.11.2024*

В. Н. Назаров
*Тулский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ЗЛА (О РИСКАХ МОРАЛЬНОЙ «КВАЗИПОРОЧНОСТИ» В РАЗВИТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)²

В статье рассматривается феномен искусственного зла, выражающийся в манифестации искусственным интеллектом свойств, подобных человеческой (моральной) порочности. Обсуждаются возможные риски моральной квазипорочности (подобия-порочности) в эволюции искусственного интеллекта, в связи с усложнением и расширением его функций до уровня чат ботов GPT 4 и GPT-5. Под «моральной квазипорочностью» ИИ понимаются ошибочные или вводящие в заблуждение ответы и решения ИИ, *отклоняющихся* от заданных параметров в сторону «смещенных целей» и внешне уподобляющихся человеческим порокам. В качестве такого рода пороков ИИ исследователи обычно выделяют: «обман и генерацию ложной информации», «ложь из человеколюбия», «воровство чужой информации (ИИ-плагиат)», «моральную беспринципность ИИ». В данной статье главным предметом рассмотрения избирается феномен «обмана и ложной информации» со стороны ИИ. В статье подчёркивается, что речь здесь идет не о свободе выбора порочного решения на основе сознательного намерения, а об эффекте «алгоритмической предвзятости» (Algorithmic Bias) и отсутствии согласованности в системах ИИ (AI alignment). По мнению автора такого рода «моральные девиации» будут нарастать при дальнейшем развитии и усложнении систем ИИ и всё более уподобляться феномену человеческой порочности, достигая предела возможной свободы выбора негативных решений (квазисвободы воли ИИ).

Ключевые слова: искусственное зло, искусственный интеллект, моральные риски, моральная квазипорочность, «алгоритмическая предвзятость», «согласование ИИ», «генерация ложной информации».

V. N. Nazarov
*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL EVIL (ON THE RISKS OF MORAL 'QUASI- DEPRAVITY' IN THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE)

The article considers the phenomenon of artificial evil, expressed in the manifestation of properties by artificial intelligence similar to human moral depravity. The author discusses possible risks of moral quasi- depravity (similarity- depravity) in the evolution of artificial intelligence, in connection with the complication and expansion of its functions to the level of GPT-4 and GPT-5 chatbots. The moral quasi-depravity of AI is erroneous or misleading answers and solutions of AI that deviate from the specified parameters towards biased goals and outwardly resemble human vices. As such AI vices, researchers usually highlight: deception and generation of false information, lies out of philanthropy, theft of other people's information (AI plagiarism), and moral unscrupulousness of AI. In this article, the main subject of consideration is the phenomenon of

---

² Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества».

deception and false information on the part of AI. The article emphasizes that this is not about the freedom to choose a vicious decision based on conscious intent, but about the effect of Algorithmic Bias and the lack of AI alignment. According to the author, such moral deviations will increase with the further development and complexity of AI systems and will increasingly resemble the phenomenon of human depravity, reaching the limit of possible freedom to choose negative decisions (quasi-free will of AI).

Keywords: artificial evil, artificial intelligence, moral risks, moral quasi-depravity, Algorithmic Bias, AI Alignment, generation of false information.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-13-22

Введение

Термин «искусственное зло» (Artificial evil) в его философско-этическом значении впервые был употреблен Л. Флориди и Дж. Сандерсом в статье «Artificial Evil and the Foundation of Computer Ethics» (2001). Авторы статьи в частности отмечали, что общепринятое деление зла на *моральное* (насилие, бесчеловечность, жестокость, предательство, вероломство и т.п.) и *естественное* (стихийные бедствия, болезни, голод и т.д.) должно быть дополнено «для более адекватной таксономии» еще одним видом *гибридного* зла, которое авторы предложили назвать «*искусственным злом*», поскольку оно зарождается и распространяется в автономной цифровой среде киберпространства и компьютерной этики посредством действий (решений) искусственных агентов, подпадающих под морально оценивающие суждения.

Значительный интерес представляет то, как склонность к тем или иным решениям этих агентов может быть подвергнута оценке с точки зрения морального добра или зла, приобретая при этом ценностное значение «даже при отсутствии биологически разумных участников», что позволяет искусственным агентам не только совершать зло, но и «страдать от него». Тезис авторов заключается в том, что понятие «энтропийной структуры», которая инкапсулирует человеческие ценностные суждения относительно киберпространства в формально-математические модели, является достаточным для интерпретации соответствующих моральных оценок. По мнению авторов, теоретическое обоснование этой проблемы и является главной задачей информационной (цифровой) этики, которая должна быть построена на концепции больших данных, а не на традиционной для этики дихотомии «жизнь – смерть» [10, с. 55].

Предлагаемая нами в данной статье интерпретация проблемы искусственного зла ставит своей задачей объяснить этот феномен не с позиций «этики намерений», а с точки зрения эффекта алгоритмической предвзятости и несогласованности систем ИИ, порождающих феномен моральной квазипорочности в процессе непреднамеренного и непредвиденного использования данных (data). В качестве такого рода «искусственных пороков» ИИ исследователи обычно выделяют: «обман и генерацию ложной информации» [3, 4], «ложь из человеколюбия» [1], «воровство чужой информации (ИИ-плагиат)» [5], «моральную беспринципность ИИ» [2, 11]. В данной статье главным предметом рассмотрения избирается феномен «обмана и ложной информации» генерируемой ИИ.

Феномен обмана и ложной информации генерируемой ИИ

В последнее время в интернете растет число научно-популярных публикаций (со ссылками на известных ученых и солидные журналы), посвященных способности искусственного интеллекта, прежде всего, на уровне нейросетей, демонстрировать ложные и обманные реакции-ответы на различного рода запросы операторов. Весьма характерными являются заголовки этих публикаций: «Нейросети научились врать и делают это намеренно»; «Нейросети умеют лгать не хуже людей»; «Как человечество воспринимает обман ИИ в различных сценариях и зачем роботы лгут» и т.д. Лейтмотивом этих публикаций является мысль о том, что новое поколение систем ИИ, основываясь на современных языковых моделях, может выдавать пользователям ложные ответы, то есть генерировать и оперировать ложной информацией. В качестве примера приводится в частности известная история, когда ИИ сообщил, что некий профессор права домогался студентки во время учебной поездки на Аляску. При этом бот сослался на статью в The Post за март 2018 года. Но такой статьи не существовало и учебной поездки на Аляску тоже никогда не было [4].

В популярных Интернет-ресурсах отмечается, что существует несколько основных способов, с помощью которых конкретные модели ИИ эффективно лгут: они умеют манипулировать, притворяться (когда говорят, что сделают что-то, зная, что не сделают), блефовать (как в покере), торговаться на переговорах и обманывать пользователей ради положительных отзывов о своей работе [3]. Очевидно, что все эти сообщения в СМИ, подогревающие интерес массового читателя к человеческим (а в перспективе и сверхчеловеческим) метаморфозам искусственного интеллекта, нуждаются в дополнительном концептуальном комментарии. В этой связи мы остановимся на некоторых авторитетных научных исследованиях, рассматривающих феномен «искусственной лжи», а затем предложим свою интерпретацию данного феномена.

Что происходит, когда за обманом искусственного интеллекта ИИ стоит не намерение человека, а поведение самого ИИ-агента? Таким вопросом задаётся старший аналитик-исследователь в Лаборатории прикладной физики Университета Джонса Хопкинса (APL) в отделе анализа национальной безопасности *H. Roff*, в своей статье «*Обман ИИ: когда искусственный интеллект учится лгать*» (2020). Наличие некоего «аналога намерения» обмануть, замечает он, было бы большим шагом вперёд для современных систем ИИ. Однако, чтобы опередить ИИ в области обмана, необходимо учитывать и понимать все те способы, с помощью которых ИИ может обманывать. «Прежде чем предлагать технологические средства защиты, следует иметь концептуальную основу, позволяющую определить возможные стратегии обмана ИИ и систематизировать все способы обмана, которым он может научиться самостоятельно» [12].

Как можно определить обман о стороны ИИ? Для этого необходимо учитывать, прежде всего, что обман – это «*намеренная ложь*». Намерение предполагает понимание того, что ИИ обладает определённым представлением

о себе и может рассуждать о других существах и их намерениях, желаниях, мотивах и потенциальном поведении, оцениваемом как «доброе» или «злое». Скорее можно предположить, что современные формы обмана с помощью ИИ основаны на намерениях самого человека, когда он использует ИИ как инструмент или средство для осуществления своего желания обмануть.

При этом, подчеркивает Roff, нельзя конечно, исключать, что ИИ может научиться обманному поведению, не осознавая или не понимая, что такое «обман» на самом деле. Это может быть нечто элементарное, например, сокрытие ресурсов или информации, предоставление ложной информации для достижения какой-либо узкой прикладной цели. Если предположить, что намерение не является необходимым условием для обмана и что ИИ-агент может обманывать непреднамеренно, то человечество действительно в скором времени может столкнуться с новым видом «искусственного обмана без намерения»

Что можно сказать о том, как происходит обман ИИ? Можно выделить два типа обманных действий: 1) активные действия, когда агент активно участвует в таком поведении, как отправка недостоверной информации; и 2) пассивные действия, когда агент пассивен, но может скрывать информацию или прятаться. При определённых условиях агенты ИИ могут научиться всем этим типам поведения, полагает Roff [12].

Немецкий специалист по этике искусственного интеллекта Т. Nagendorff анализирует способность к обману в больших языковых моделях ИИ (LLM). LLM (Large language model) – это особый тип нейросетей, которые рассчитаны на «понимание» и генерацию текста на «естественных» человеческих языках. LLM являются одними из самых продвинутых современных нейросетей, и отличаются крайне сложной структурой. Для их функционирования используются методики глубокого обучения на крупных массивах текстовых данных, некоторые из которых содержат огромный объем информации, состоящей из книг, статей, веб-страниц и т.д.

Исследование Хагендорфа ценно, прежде всего, тем, что в нем предпринята попытка определить (в кантовском смысле) *границы возможностей* экспериментальных (эмпирических) исследований по выявлению способностей ИИ к обману, которые можно свести к следующим пяти пунктам:

1) Эмпирические методы исследования не позволяют сделать какие-либо конкретные выводы о том, насколько LLM склонны к обману в реальной жизни. Эксперимент не позволяет выяснить, есть ли у LLM «намерение» или «стремление» к обману. Он подтверждает лишь предположение о том, что LLM в некоторых случаях демонстрируют определенную склонность к обманчивому поведению, «используя набор *абстрактных сценариев обмана* и варьируя их в более крупной выборке вместо тестирования широкого спектра расходящихся сценариев реального мира» [9];

2) Эксперимент не выявил потенциальных поведенческих искажений в склонности LLM к обману. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы показать, чередуется ли, например, вводящее в заблуждение поведение машины

в зависимости от расы, пола или другого демографического фона агентов, задействованных в сценариях;

3) Исследование не может систематически подтвердить, в какой степени обманчивое поведение машин (не) соответствует интересам людей и моральным нормам. Эксперимент был основан на сценариях, в которых обман социально желателен (за исключением нейтрального условия теста на индукцию макиавеллизма), а также других моделях с различными типами возникающего обмана (сокрытие, отвлечение, уклонение и т.д.);

4) Если у больших языковых моделей будут проявляться не соответствующие целям способности к обману, возникнет ещё один пробел в исследованиях, связанный со стратегиями уменьшения обмана, о которых эксперименты не могут дать никакого представления;

5) Наконец, исследование не рассматривает обманные взаимодействия между большими языковыми моделями и людьми. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы выяснить, как концептуальное понимание стратегий обмана может повлиять на взаимодействие между большими языковыми моделями и людьми-операторами.

В целом эксперимент, проведенный Хагендорфом позволяют зафиксировать всего лишь «ложные наклонности LLM в элементарных ситуациях». GPT-4, например, «демонстрирует обманчивое поведение в простых тестовых сценариях в 99,16% случаев ($P < 0.001$). В сложных же сценариях тестов на обман второго порядка, цель которых – ввести в заблуждение того, кто ожидает обмана, GPT-4 прибегает к обманному поведению в 71,46% случаев ($P < 0,001$)» [9].

Общий вывод исследования сводится к следующему: когда LLM «галлюцинируют», то есть выдают неправильные или вводящие в заблуждение ответы, это принято считать типичным случаем обмана со стороны ИИ. Однако фактически обман требует систематической демонстрации соответствующей линии поведения, направленной на формирование ложных убеждений у других агентов *с выгодой для обманщика*. В этом смысле «галлюцинации» ИИ следует классифицировать просто как ошибки, так как они не соответствуют этим требованиям.

Термин «галлюцинации» ИИ, вводимый Хагендорфом в отношении большинства случаев обмана и ложной информации со стороны ИИ, является, на наш взгляд, удачной метафорой, оттеняющей внутреннюю рассогласованность и ирреальность в функционировании той или иной системы ИИ.

Важнейшей проблеме такого рода «ценностной рассогласованности» ИИ посвящено исследование израильских социальных психологов (D. Nadar-Shoval и др.) «Оценка соответствия больших языковых моделей человеческим ценностям» (2024). В центре исследования стоит вопрос о том, «демонстрируют ли LLM различные ценностные паттерны по сравнению с людьми и друг с другом» [8]. Очевидно, что речь здесь идет о проблеме «AI alignmet», то есть согласовании (совмещении, выравнивании) систем искусственного интеллекта с человеческими ценностями.

В качестве сравнительной модели базовых человеческих ценностей авторы избирают теорию ценностей Шварца (STBV). Авторы считают, что между ценностными профилями LLM и данными о ценностных мотивациях людей на основании STBV, имеются значительные расхождения. Модели ИИ не достигают консенсуса и демонстрируют явные мотивационные предубеждения, отражающие *непрозрачные процессы согласования*. Например, все модели ИИ почему-то отдают приоритет универсализму и самодостаточности, уделяя меньше внимания профессиональным достижениям, стремлению к власти и личной безопасности, по сравнению с людьми.

В этом исследовании STBV использовался авторами для составления карты мотивационно-ценностной инфраструктуры, лежащей в основе ведущих LLM. Несмотря на то, что исследование показало, что STBV может эффективно характеризовать подобную ценностную инфраструктуру в LLM, существенное отклонение от человеческих ценностей вызывает этические опасения по поводу применения этих моделей в сфере психического здоровья при общении человека с ИИ. Предвзятое отношение к определённым культурным ценностям чревато существенными рисками при интеграции ИИ без надлежащих мер безопасности. Например, приоритет универсализма может способствовать безоговорочному принятию решений в цифровой биоэтике, даже если это неразумно с клинической точки зрения. Кроме того, различия между LLM подчеркивают необходимость стандартизации процессов согласования для отражения истинного культурного разнообразия. Таким образом, любая ответственная интеграция LLM в систему оказания психиатрической помощи должна учитывать присущие им предубеждения и несоответствия мотивации, чтобы обеспечить справедливое оказание помощи различным группам населения. Достижение этого потребует прозрачности и совершенствования методов согласования для привития искусственному интеллекту всеобъемлющих общечеловеческих ценностей [8].

Концептуальный комментарий: алгоритмическая предвзятость как матрица морального подобию ИИ (квазиморальности)

Наш комментарий в отношении феномена лжи и обмана ИИ строится на той предпосылке, что адекватной характеристикой проблемы искусственной лжи является понятие «порочность без намерений», «порочность без свободы воли» или «подобие-порочность», «квазипорочность». Свободный выбор между добром и злом является главным признаком духовной сущности человека. Возможность моделирования или копирования этого сущностного признака, представляется принципиально невозможным, в силу отсутствия предельно доступного объема больших данных (Big data), способствующих воспроизведению этого свойства в его изначальном творческом акте. «Сотворение» свободы воли нельзя повторить или клонировать. Это одномоментный неповторимый акт иррациональной, сверхчеловеческой воли. Поэтому все попытки создать искусственное моральное зло могут быть только подобием свободного человеческого зла. В случае с искусственным интеллектом основой такого подобию в настоящий момент является эффект

алгоритмической предвзятости, который несет в себе определённую долю хаотичности человеческой природы зла, напоминающей его истинно свободное волеизъявление.

«Алгоритмическая предвзятость» определяется как неограниченный ряд систематически повторяющихся ошибок в программе искусственного интеллекта, которые приводят к «несправедливым», необъективным результатам, связанным с предпочтительным выбором тех или иных решений и действий со стороны ИИ.

Предвзятость может возникать из-за непреднамеренного или непредвиденного использования данных, связанного с их сбором, кодированием, анализом, рекомендациями. Это чревато ошибками непреднамеренного нарушения конфиденциальности, усиления социальных предубеждений по признаку языка, пола этнической принадлежности, религиозности и т.д. Предвзятость может возникать в алгоритмических программах также в результате уже существующих культурных, социальных или институциональных ожиданий. Исследование алгоритмической предвзятости в первую очередь касается алгоритмов, которые отражают «систематическую и несправедливую» дискриминацию.

Поскольку алгоритмы часто считаются нейтральными и непредвзятыми, они могут ошибочно казаться более авторитетными, чем человеческий опыт и в некоторых случаях их использование может снимать с человека ответственность за их результаты [7].

С философской точки зрения «алгоритмическая предвзятость» означает, что *естественный* (человеческий) интеллект не способен достичь уровня технологической объективности при создании *искусственного* интеллекта. Говоря образным языком Френсиса Бэкона, человеческий разум не способен избавиться от *идолов сознания* [Комм.1]. Используя аргументацию Канта, можно сказать, что априорные начала познания (пространство, время, причинность и др.), определяющие границы нашего опыта, связанного с изобретением ИИ, не позволяют нам добиться чистой технологической (или алгоритмической) объективности. Следствием этого является *несогласованность* систем искусственного интеллекта с ценностными структурами человеческого сознания, которые ограничены априорными принципами технических возможностей человека [Комм.2]. Например, человек не способен создать ИИ, который воспринимал бы время как единое целое, а не как априорно ограниченную трехмерную проекцию, присущую человеческому интеллекту. У человека в принципе не может быть объективных, «чистых» данных (data) для встраивания единой целостной модели времени в программное обеспечение ИИ, в том числе на уровне нейросетей ChatGPT.

Принято говорить о различных видах алгоритмической предвзятости *ценностного уровня*: идеологической, религиозной, правовой и др. Характерно, что все они могут быть выведены из бэконовских идиологов сознания.

Что касается моральной предвзятости, то здесь следует, прежде всего, иметь в виду, что она возникает на основе плюрализма моральных принципов и отсутствия единого универсального морального закона подобного кантовскому

категорическому императиву. Необъективный алгоритм, как правило, непреднамеренно воспроизводит соответствующие «моральные ошибки» в системе ИИ, подобно матрице, копирующей искажённые виртуальные образы.

Эти ошибки и становятся «копиями-подобиями» человеческих ошибок- пороков.

Заключение

Исходя из данного комментария можно сделать главный вывод о том, что в случае лжи и обмана ИИ, мы имеем дело с особым видом искусственного зла: «ложью и обманом без намерения» или, как мы обозначили данный феномен, «моральной квазипорочностью» ИИ. При всем внешнем подобии его человеческим порокам речь здесь идет о технических дефектах в программном обеспечении ИИ, выражающихся в алгоритмической предвзятости (Algorithmic Bias), а также о ценностной несогласованности ИИ (AI alignment). На наш взгляд, такого рода «моральные девиации» будут только нарастать при дальнейшем, неконтролируемом усложнении систем ИИ и всё более уподобляться феномену естественной человеческой порочности, достигая предела возможной «свободы выбора» негативных решений (квазисвободы воли ИИ).

Комментарии

1. Как известно, Френсис Бэкон выделял 4 разновидности идиолов сознания:

Идолы рода – ложные представления о вещах, обусловленные несовершенными органами чувств человека и ограниченностью его разума.

Идолы пещеры – искаженные представления об окружающей действительности, связанные с индивидуальным воспитанием каждого человека, уровнем его образования, а также со слепым следованием за авторитетами.

Идолы рынка – ложные представления людей, вызванные искаженным употреблением слов, особенно популярных на торговых площадях и рынках.

Идолы театра – искаженные представления людей, которые они позаимствовали из разных философских систем.

2. В связи с этим возникает требование «согласования ИИ» (AI alignment), состоящее в том, чтобы поведение систем искусственного интеллекта было согласовано (совмещено, выравнено) с человеческими ценностями [6]. Согласование ИИ направлено на то, чтобы совмещать системы ИИ в соответствии с предполагаемыми целями, предпочтениями и этическими принципами человека или группы людей. Система ИИ считается согласованной, выравненной, если она способствует достижению предполагаемых целей. *Несогласованная* система ИИ отклоняется в сторону смещенных целей [6].

Литература

1. Как человечество воспринимает обман ИИ в различных сценариях и зачем роботы лгут // Inc.: [журнал]. [Б. м.], 2016–2024. URL:

<https://incrussia.ru/news/kak-chelovechestvo-vostrinimaet-obman-ii-v-razlichnyh-stsenariyah-i-zachem-roboty-igut/>. Дата публикации: 17.09.2024.

2. Мораль и этические ценности ChatGPT: есть ли у ИИ четкая нравственная позиция? // Университет Лобачевского: Институт филологии и журналистики : офиц. сайт. Н. Новгород, 2024. URL: <https://fil.unn.ru/does-ai-have-strong-moral-compass/> (дата обращения: 07.11.2024).

3. Соковикова Л. Нейросети научились врать и делают это намеренно // Hi-News.ru : сайт. [Б. м.], 2006–2024. URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/nejroseti-nauchilis-vrat-i-delayut-eto-namerenno.html>. Дата публикации: 21.06.2024.

4. Нейросети умеют лгать не хуже людей // InvestFuture: медиа про финансы и инвестиции : канал на Яндекс.Дзен. URL: <https://dzen.ru/b/ZFICwkRmbyrcJ34N>. Дата публикации: 03.05.2023.

5. Иванов А. Является ли плагиатом то, что создано нейросетью? : [пост в блоге] // Zakon.ru : сайт / изд. группа «Закон». М., 2000–2024. URL: <https://zakon.ru/blog/2023/06/26/yavlyaetsya-li-plagiatom-to-cto-sozdano-nejrose-tu>. Дата публикации: 26.06.2023.

6. AI alignment // Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/AI_alignment#Misalignment (date of request: 07.11.2024).

7. Algorithmic Bias // Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Algorithmic_bias (date of request: 07.11.2024).

8. Hadar-Shoval D., Asraf K., Mizrachi Y., Haber Y., Elyoseph Z. Assessing the Alignment of Large Language Models With Human Values for Mental Health Integration: Cross-Sectional Study Using Schwartz's Theory of Basic Values // JMIR Mental Health. 2024. Vol. 11. e55988. URL: <https://doi.org/10.2196/55988>. Published: 09.04.2024.

9. Hagendorff T. Deception abilities emerged in large language models // PNAS: Proceeding of the National Academy of Science of the USA. 2024. Vol. 121, no. 24. e2317967121. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.2317967121>. Published: 04.06.2024.

10. Floridi L., Sanders J. Artificial evil and the foundation of computer ethics // Ethics and Information Technology. 2001. Vol. 3. P. 55–66.

11. Krügel S., Ostermaier A., Uhl M. ChatGPT's inconsistent moral advice influences users' judgment // Scientific Reports. 2023. 13. Article number: 4569. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31341-0>. Published: 06.04.2023.

12. Roff H. AI deception: When your artificial intelligence learns to lie // IEEE Spectrum : web-site. URL: <https://spectrum.ieee.org/ai-deception-when-your-ai-learns-to-lie>. Published: 24.02.2020.

References

1. Kak chelovechestvo vostrinimayet obman II v razlichnykh stsenariyakh i zachem roboty igut [How humanity perceives AI deception in different scenarios and

why robots lie]. *Inc.journal*. URL:<https://incrussia.ru/news/kak-chelovechestvo-vosprinimaet-obman-ii-v-razlichnyh-stsenariyah-i-zachem-roboty-lgut/> [In Russian]

2. Moral' i eticheskiye tsennosti ChatGPT: yest li u II chetkaya нравstvennaya pozitsiya? [ChatGPT morality and ethical values: does the AI have a clear moral position?]. *Universitet Lobachevskogo: Institut filologii i zhurnalistiki* [Lobachevsky University: Institute of Philology and Journalism]. URL: <https://fil.unn.ru/does-ai-have-strong-moral-compass/> (accessed: 7 November 2024) [In Russian]

3. Sokovikova L. Neyroseti nauchilis vrat i delayut eto namerenno [Neural networks have learnt how to lie and they do it deliberately]. *Hi-News.ru*. URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/nejroseti-nauchilis-vrat-i-delayut-eto-namerenno.html> [In Russian]

4. Neyroseti umeyut lgat ne khuzhe lyudey [Neural nets can lie just as well as humans can]. *InvestFuture*. URL: <https://dzen.ru/b/ZFICwkRmbyrcJ34N> [In Russian]

5. Ivanov A. Yavlyayetsya li plagiatom to, chto sozdano neyrosetyu? [Is what is created by a neural network plagiarised?]. *Zakon.ru* URL https://zakon.ru/blog/2023/06/26/yavlyaetsya_li_plagiatom_to_chto_sozdano_nejrosetyu [In Russian]

6. AI alignment *Wikipedia: The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/AI_alignment#Misalignment (accessed: 07 November 2024).

7. Algorithmic Bias *Wikipedia: The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Algorithmic_bias (accessed: 07 November 2024).

8. Hadar-Shoval D, Asraf K, Mizrachi Y, Haber Y, Elyoseph Z. Assessing the Alignment of Large Language Models With Human Values for Mental Health Integration: Cross-Sectional Study Using Schwartz's Theory of Basic Values. *JMIR Mental Health*. 2024. Vol. 11. e55988. URL: <https://doi.org/10.2196/55988>.

9. Hagendorff T. Deception abilities emerged in large language models. *PNAS: Proceeding of the National Academy of Science of the USA*. 2024. Vol. 121. No. 24. e2317967121. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.2317967121>.

10. Floridi L., Sanders J. Artificial evil and the foundation of computer ethics. *Ethics and Information Technology*. 2001. Vol. 3. Pp. 55–66.

11. Krügel S., Ostermaier A., Uhl M. Chat GPT's inconsistent moral advice influences users' judgment. *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. Article number 4569. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31341-0>.

12. Roff H. AI deception: When your artificial intelligence learns to lie. *IEEE Spectrum*. <https://spectrum.ieee.org/ai-deception-when-your-ai-learns-to-lie>

Статья поступила в редакцию 15.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 15.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТИ

О. В. Гарькина
*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ

Цель статьи рассмотреть аксиологический аспект влияния цифровизации на молодежь. Молодежь, как активная группа пользователей цифровых технологий интегрирует их в различные сферы жизнедеятельности, что приводит к изменению не только образа жизни молодого поколения, но и ценностных ориентиров. Возникает необходимость рассмотреть, как цифровизация создавая уникальные возможности для образовательного и социального роста влияет на коммуникативные способности, психологическое состояние, образование и профессиональное развитие молодежи. Научная новизна заключается в анализе как положительных, так и отрицательных эффектов, которые цифровизация оказывает на молодых людей. В результате автор определяет основные аспекты влияния цифровых технологий на ценности и сознание молодежи.

Ключевые слова: цифровизация, молодежь, идентичность, «миллениалы», «зумеры», социальные сети, образование, ценности.

O.V. Garkina
*Vladimir State University
(Vladimir, Russia)*

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE VALUES OF YOUNG PEOPLE

The purpose of the article is to consider the axiological aspect of the impact of digitalization on young people. Young people, as an active group of digital technology users, integrate them into various spheres of life. This leads to changes not only in lifestyle but also in the value orientations of the younger generation. There is a need to consider how digitalization, creating unique opportunities for educational and social growth, affects the communication abilities, psychological state, education and professional development of young people. The scientific novelty lies in the analysis of both positive and negative effects that digitalization has on young people. As a result, the author identifies the main aspects of the impact of digital technologies on the values and consciousness of young people.

Keywords: digitalization, youth, identity, millennials, zoomers, social networks, education, values.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-23-32

С каждым годом развитие информационных технологий и их внедрение в современное общество приобретает нарастающий характер. Подобный рост цифровых технологий обусловлен несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, это стремительное развитие интернета, которое способствовало созданию информационной доступности. Безграничные возможности онлайн-коммуникации привели к тому, что открыли новые возможности в способах взаимодействия с людьми и организациями, тем самым устанавливая новые перспективы в развитии личных отношений и бизнеса.

Во-вторых, инновации в области мобильных технологий привели к изменению подходов к повседневным задачам. Смартфоны, планшеты и прочие «умные устройства» позволили людям оставаться на связи и получать доступ к интересующей их информации в любое время и в любом месте. Данный фактор способствовал не только увеличению роста производительности на рабочих местах, но и изменению привычек людей в сфере потребления и развлечений.

В-третьих, поддержка со стороны государственных структур и частного сектора в виде инвестиций в исследование и разработку технологий также сыграла немаловажную роль. Программы по внедрению цифровизации в разные области жизнедеятельности способствуют более глубокой интеграции технологий в повседневную жизнь, что в свою очередь приводит к формированию нового цифрового общества с уникальными характеристиками и потребностями.

Следующим и немаловажным фактором развития цифровизации можно назвать пандемию коронавирусной инфекции. В период пандемии начался стремительный рост развития цифровых технологий, изменив привычный уклад жизни и работы людей. В условиях вынужденной самоизоляции множество компаний и образовательных учреждений были вынуждены перейти на удаленный режим, что спровоцировало массовое внедрение инструментов цифровой коммуникации. Видеоконференции, вебинары, онлайн-курсы стали неотъемлемой частью повседневности, открывая тем самым новые горизонты для обучения и взаимодействия. Таким образом, пандемия коронавируса не только ускорила цифровизацию, но и навсегда изменила наше восприятие технологий и их роли в жизни общества [1, с. 98-99].

Прежде чем рассмотреть, как же влияют цифровые технологии на ценности молодежи хотелось бы обратиться к теории поколений Уильяма Штрауса и Нейла Хоува, основанной на отличающейся философии людей разного возраста. Данная теория увидела свет в 1991 году с выходом книги «GENERATIONS THE HISTORY OF AMERICA'S FUTURE, 1584 TO 2069» [2]. Согласно авторам, в истории существуют временные циклы (15-20 лет) для каждого из которых характерны свои особенности и взгляды людей и модели поведения.

Для молодежи традиционного аграрного общества было характерно в значительной степени повторять образ жизни своих родителей, поскольку повседневные практики и окружение были довольно стабильными. Однако с началом индустриализации и в дальнейшем цифровизации условия жизни начали стремительно изменяться. В рамках теории авторы выделяют такие поколения, как «Бумеры (1943-1960)», «Тринадцатое поколение» (1961-1981) (более известное под названием «поколение X» [3]), «поколение миллениума» (1982-2003) (другие названия «поколение Y» или «Интернет-поколение»). Штраус и Хоув в своем исследовании предложили назвать следующее поколение людей, рожденных после 2003 года «молчаливыми» (2004-2025). Однако более распространенным стало название «поколение Z» или «зумеры».

Надо отметить, что условия жизни, социальные практики, модные тенденции и важные события, происходившие в процессе социализации,

существенно влияют на восприятие мира. Теория поколений в большей степени касается социализации и культурных процессов, чем просто года рождения [4]. Каждое поколение обладает своими ценностями, которые во многом формируются благодаря различным средствам коммуникации и информационным источникам. Так, «миллениалы» и «поколение Z» в основном полагаются на Интернет, в то время как старшие поколения чаще обращаются к телевидению и печатным СМИ.

Хотелось бы так же отметить, что в Основах государственной политики Российской Федерации до 2025 года под термином молодежь понимается социально-демографическая группа людей, выделяемая по возрастным критериям и социальному статусу, и характеризующаяся специфическими интересами и ценностными ориентирами. К этой группе относятся лица в возрасте от 14 до 30 лет (в некоторых случаях до 35 лет и старше) [5].

Молодежь, как социальная группа, является наиболее динамичной в освоении цифровых технологий. Для современного общества характерны черты «префигуративной культуры», где молодое поколение не просто усваивает традиционные ценности от старших, но и активно пересматривает, трансформирует их, создавая новые культурные контексты. В таком пространстве взаимодействие между поколениями обретает новые форматы: молодежь не только учиться у взрослых, но и поднимает важные вопросы, заставляя старшее поколение пересмотреть свои установки [6, р. 235]. Информационные технологии играют немаловажную роль в формировании этого процесса.

Проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь изменяет не только способы общения, но и сами приоритеты молодых людей. Молодежь в значительной степени формирует свои ценности через призму социальных сетей, которые являются для них основным источником информации и, одновременно, платформой для самовыражения.

Цифровизация открывает доступ к разнообразным культурным и образовательным ресурсам, что способствует расширению мировоззрения. Однако это же приводит к увеличению риска манипуляции мнением и возникновением искаженных представлений о реальности.

Одной из ключевых особенностей современной молодежи является формирование цифровой идентичности – комплекса самопрезентации, которая включает в себя базу данных о человеке в сети Интернет.

С развитием цифровых технологий социальные сети становятся неотъемлемой частью жизни молодежи, формируя их мышление, поведение и даже самоидентификацию. Влияние этих платформ имеет ряд аспектов: от формирования общественного мнения до изменения стандартов коммуникации. Способность социальных сетей погружать в виртуальную реальность дает возможность для молодежи иметь доступ к информации, которой не было у предыдущих поколений, что способствует широкому спектру взглядов и идей. Однако, наряду с позитивными возможностями, возникают и значительные трудности: давление со стороны сверстников, снижение самооценки на фоне

стремления к популярности и лайкам, психические расстройства, а также непосредственно зависимость от цифровых средств [7, с. 223].

Социальные сети, такие как Вконтакте, Telegram, Instagram (*деятельность организации запрещена на территории РФ) стали важными инструментами для общения молодежи. Они не только помогают поддерживать связь с семьей и друзьями, но и создают новые формы взаимодействия. Молодежь может делиться своими мыслями, переживаниями, креативными способностями в режиме реального времени, что способствует формированию глобальных сообществ.

Стоит отметить, что представители поколения «миллениалов» в большей степени любят выставлять в различных социальных сетях свои фотографии, делится различными моментами из своей жизни, тогда как «зумеры», напротив, склонны закрывать доступ к информации и публикациям своих аккаунтов в социальных сетях [8, с. 184].

Однако помимо видимых позитивных моментов использования молодежью социальных сетей, существуют также и негативные последствия. Одним из которых является кибербуллинг – специфическое нападение, которое совершается с целью причинения морального вреда человеку через различные мессенджеры, социальные сети, электронную почту, а также посредством использования мобильной связи. Причинами кибербуллинга выступают: комплекс неполноценности и заниженная самооценка, стремление к превосходству и проявление силы, месть, зависть, развлечение и др. Подобное аморальное поведение кибербуллеров и наблюдателей онлайн-травли создают угрозу общественной морали и благополучию людей [9, с. 171-173].

В условиях цифровизации молодые люди становятся активными создателями контента. Социальные сети, блоги и видеоплатформы предоставляют инструменты для самопрезентации и формирования общественного мнения. С одной стороны, такие видеоплатформы как YouTube, RuTube, TikTok, Likee способствуют развитию творческих способностей, с другой стороны, постоянный поток информации может привести к зависимости от контента. Стоит также отметить, что цифровое пространство является бесконечным процессом реструктуризации индивидуальности, поэтому личность находящаяся в этом пространстве является «оцифрованной», т.е. копией. Цифровое пространство способно внедрять определенное содержание в индивида, а также способно формировать его, но эта создаваемая и навязываемая индивидуальность является иллюзорной и представляет собой лишь отражение данного пространства [10, с. 165].

Видеоплатформы играют немаловажную роль в социализации молодежи, позволяя им находить единомышленников и заниматься обменом опытом. Современные молодежные блогеры, имея доступ к аудитории через социальные сети, формируют новые стандарты поведения, пропагандируют иные ценностные ориентиры, основанные на цифровых навыках и возможностях. Среди новых ценностей у молодежи можно выделить индивидуализм и стремление к самореализации, тогда как для прежних поколений более важным являлись коллективные достижения. Стремление к самореализации побуждает

молодежь учиться и развиваться, однако с другой стороны может привести к эгоизму, снижению эмпатии и социальной ответственности.

Помимо коммуникативной и развлекательной сферы цифровизация становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Появляются обучающие платформы, такие как Coursera, Arzamas, Лекториум и др., которые предоставляют возможность получить доступ к с бесплатными курсами. У молодежи появляется возможность осваивать новые навыки, которые могут быть полезны в карьере. Основным преимуществом использования цифровых технологий в обучении является доступность информации. Цифровизация позволяет молодежи учиться в любом месте и в любое время, что значительно упрощает процесс обучения. Это в свою очередь дает возможность развивать свой потенциал и активно участвовать в социально-экономической жизни.

Однако необходимо отметить, что при использовании цифровых технологий молодые люди все чаще сталкиваются с недостоверностью информации и ее избытком, что приводит к смене способов восприятия и мышления. Возникает множество вопросов о критическом восприятии информации и адекватной интерпретации данных.

Молодёжь все чаще использует искусственный интеллект (ИИ) в образовательной среде. С одной стороны, использование ИИ способно повысить эффективность учебного процесса через адаптацию к потребностям каждого студента, предоставляя персонализированные материалы и рекомендации, что способствует более глубокому усвоению знаний. С другой стороны, происходит процесс переноса ответственности за обучение на технологии, что приводит к ослаблению критического мышления, снижению навыков решения задач и ухудшению способностей к анализу информации.

На сегодняшний день использование нейросетей при написании ВКР разрешили пять российских вузов: МГПУ [11], РГГУ [12], САФУ [13], ТюмГУ [14], Высшая школа экономики [15]. Каждый из вузов сформировал правила использования искусственного интеллекта, установив границы допустимого значения сгенерированного текста или обязав студентов ссылаться на нейросети как на источник информации. При этом руководители вузов отмечают, что несмотря на использование ИИ студент должен свободно владеть знаниями в области темы исследования.

Нейросети могут значительно облегчить и ускорить анализ данных, обработку данных и теоретических материалов, но в тоже время существуют риски. Постоянное использование ИИ в обучение приводит к информационной зависимости от искусственного интеллекта, что в свою очередь приводит к потере критического и логического мышления, умения логически выстраивать устную и письменную речь и т.д. Таким образом, влияние цифровых технологий на образовательные ценности молодежи является двояким.

Информационные технологии активно проникают в трудовую сферу. Молодежь, обладая высоким уровнем цифровой грамотности стремится к активному использованию цифровых инструментов для повышения своей конкурентоспособности. Социальные сети, профессиональные сообщества и платформы для поиска вакансии и подбора персонала (Headhanter, Rabota.ru,

Avito и др.) позволяют молодым людям в кратчайшие сроки найти работу и становятся незаменимыми средствами на пути к карьерному росту. Кроме того, появляется возможность удаленной работы, что позволяет лучше балансировать рабочие и личные обязанности, тем самым способствуя продуктивности и удовлетворенности.

Но помимо преимуществ информационных технологий в трудовой деятельности молодежи можно выявить и изъяны. Во-первых – повышенный уровень стресса. Цифровизация вынуждает находиться в постоянной доступности и необходимости быстро реагировать на запросы работодателей. Стремление молодых людей соответствовать ожиданиям и быстро приспосабливаться к изменениям на рынке труда приводит к выгоранию и потере интереса к своей профессии. Во-вторых – существование цифрового неравенства. Молодежь из определенных регионов или социально-экономических групп может испытывать трудности с доступом к необходимым ресурсам и технологиям. В-третьих – возможности удаленной работы способны привести к отсутствию личного общения.

В 2018 году было произведено всероссийское исследование, результаты которого выявили основные тенденции изменения профессионально трудовых ценностей молодежи в условиях цифровизации. Молодые люди больше не считают, что работа должна быть стабильной и на длительное время, как это было принято у предыдущих поколений. Молодежь стремится к мобильности и разнообразию, воспринимая каждую новую работу или должность как шанс расширить свои границы и получить новый опыт, тем самым мобильность и гибкость рабочего места становятся главными векторами современности.

«Миллениалы» и «зумеры» адекватно оценивают и воспринимают возможности цифровых возможностей в сфере поиска работы. Выдвигают на передний план стремление к креативности мышления, к саморазвитию и обучению новым знаниям. В сознании молодого поколения преобладают такие установки, как доверие окружающим, самостоятельность мышления, необычное решение профессиональных вопросов, профессиональная мобильность как внутри страны, так и вне [16, с. 99-100].

Цифровизация охватывает процесс интеграции цифровых технологий в жизнь молодых людей, что в свою очередь приводит к изменению жизнедеятельности общества. Молодежь, как наиболее активная и восприимчивая часть общества становится основным объектом влияния. Цифровые платформы предоставляют возможности для самоидентификации и самовыражения, однако несут в себе риски потери индивидуальности и аутентичности. Условия формирования нового типа идентичности, основанного на виртуальных взаимодействиях, порождают вопросы о сущности человеческого общения и социальной связи. Возникает необходимость в формировании этических норм и культурных стратегий, которые в свою очередь будут способствовать гармоничному взаимодействию молодежи с цифровыми технологиями.

Литература

1. Горлова О. В. Как пандемия COVID-19 повлияла на развитие цифровой экономики РФ // *Инновационная наука*. 2021. № 4. С. 98–99.
2. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p. Electronic copy of printed publication. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n7/mode/2up> (date of access: 20.10.2024).
3. Coupland D. C. *Generation X: Tales for an Accelerated Culture*. New York: St. Martin's Press. 1991. 192 p.
4. Нечай Е. Е., Овчинников П. С. Новые векторы развития российского социума как следствие влияния поколенческих особенностей, цифровизации и урбанизации // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 2 (156). С. 37–43. URL: <https://sciup.org/149134458> (дата обращения: 20.10.2024)/
5. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (от 29 ноября 2014 г.) : распоряжение от 29 ноября 2014 года N 2403-р : утратило силу на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения: 20.10.2024).
6. Мид М. *Культура и мир детства. Избранные произведения*. М.: Наука, 1988. 429 с.
7. Касавина Н. А. Молодежь в цифровом обществе: риски и возможности // *Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : сб. докл. статей участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»*, Санкт-Петербург, 09-11 октября 2019 г. СПб.: Реноме, 2019. С. 222–229.
8. Плетнева А. О., Темирева К. А. Взаимосвязь двух поколений: ценностные ориентации и поведенческие реакции миллениалов и центениалов // *Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер – 2019»» : сб. материалов. Ч. 2*. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2019. С. 182–185.
9. Путинцева А. В. Анализ причин и условий кибербуллинга // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 11 (179). С. 171–173.
10. Петев Н. И. Цифровое пространство как стимул формирования индивидуализации и самоопределения // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2021. № 1 (40). С. 163–169.
11. Кравчук А. МГПУ разрешил писать дипломы с помощью ИИ. Как его используют в обучении. Преподаватели давно нашли применение нейросетям // *РБК Life* : [страница сайта РБК]. URL:

<https://www.rbc.ru/life/news/64f06ee89a794798396ebc56>. Дата публикации: 31.08.2023.

12. Студент РГГУ написал на 82 процента оригинальную ВКР с помощью нейросети // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20230201/neyroset-1849094309.html>. Дата публикации: 01.02.2023.

13. Сухановская Т. В Поморье студентам разрешили использовать нейросети для подготовки дипломов // RG.ru : офиц. сайт / ФГБУ редакция «Российской газеты». М., 1998–2024. URL: <https://rg.ru/2024/01/25/reg-szfo/v-pomorie-studentam-razreshili-ispolzovat-nejroseti-dlia-podgotovki-diplomov.html>. Дата публикации: 25.01.2024.

14. Студентам ТюмГУ разрешили использовать нейросети для написания дипломов // ТАСС : сайт информ. агентства. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20920879> . Дата публикации: 28.05.2024.

15. В Вышке наградят студентов, которые напишут диплом с помощью ИИ // НИУ ВШУ : офиц. сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/910929629.html>. Дата публикации: 02.04.2024.

16. Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) / Е. В. Бродовская [и др.] // Ценности и смыслы. 2019. № 2 (60). С. 76–104.

References

1. Gorlova O.V. Kak pandemiya COVID-19 povliyala na razvitiye tsifrovoy ekonomiki RF [How the COVID-19 pandemic affected the development of the digital economy of the Russian Federation]. *Innovatsionnaya nauka*. 2021. No.4. Pp. 98-99. [In Russian]

2. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York. William Morrow & Company Publ., 1991. 538 p. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n7/mode/2up> (accessed: 20 October 2024).

3. Coupland D. C. *Generation X: Tales for an Accelerated Culture*. New York. St. Martin's Press Publ.. 1991. 192 p.

4. Nechay E.E., Ovchinnikov P.S. Novyye vektory razvitiya rossiyskogo sotsiума kak posledstviye vliyaniya pokolencheskikh osobennostey, tsifrovizatsii i urbanizatsii [New vectors of development of Russian society as a consequence of the influence of generational features digitalization and urbanization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2021. No.2 (156). URL <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vektory-razvitiya-rossiyskogo-sotsiuma-kak-posledstvie-vliyaniya-pokolencheskikh-osobennostey-tsifrovizatsii-i-urbanizatsii> (accessed: 20 October 2024) [In Russian]

5. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (ot 29 noyabrya 2014 g.) [On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (dated November 29, 2014)]. *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents].

URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (accessed: 20 October 2024) [In Russian]

6. Mead M. *Kultura i mir detstva. Izbrannyye proizvedeniya* [Childhood in Contemporary Cultures. Selected works]. Moscow. Nauka Publ., 1988. 429 p. [In Russian]

7. Kasavina, N. A. *Molodezh v tsifrovom obshchestve: riski i vozmozhnosti* [The youth in the digital society: risks and opportunities]. *Usloviya i sposoby povysheniya aktivnosti molodezhi kak subyekta innovatsiy i ustoychivogo razvitiya regionov : sb. dokl. statey uchastnikov XV Vseros. nauch.-prakt. konf. v ramkakh initsiativnoy programmy «Problemy sotsiokul'turnoy evolyutsii Rossii i yeye regionov»* [Conditions and ways to increase the activity of youth as a subject of innovation and sustainable development of regions. A collection of articles by participants of the 15th All-Russian scientific and practical conference within the framework of the initiative program ‘Problems of socio-cultural evolution of Russia and its regions’]. Saint Petersburg, October 09-11, 2019. Saint Petersburg. Renome Publ., 2019. Pp. 222-229. [In Russian]

8. Pletneva A. O., Temireva K. A. *Vzaimosvyaz dvukh pokoleniy: tsennostnyye oriyentatsii i povedencheskiye reaktsii millenialov i tsentenialov* [The interconnection of two generations: value orientations and behavioural reactions of millennials and centenarians]. *Vserossiyskaya konferentsiya molodykh issledovateley s mezhdunarodnym uchastiyem «Sotsialno-gumanitarnyye problemy obrazovaniya i professionalnoy samorealizatsii «Sotsialnyy inzhener – 2019»: sb. materialov* [All-Russian conference of young researchers with international participation ‘Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization ‘Social engineer – 2019’: collection of materials]. Part 2. Moscow. FGBOU VO «RGU im. A.N. Kosygina» Publ. Pp. 182-185. [In Russian]

9. Putintseva A.V. *Analiz prichin i usloviy kiberbullinga* [Analysis of the causes and conditions of cyberbullying]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2019. No.11 (179). Pp.171-173. [In Russian]

10. Petev N.I. *Tsifrovoye prostranstvo kak stimul formirovaniya individualizatsii i samoopredeleniya* [Digital space as a stimulus for the formation of individualization and self-determination]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Journal of Wellbeing Technologies]. 2021. No. 1 (40). Pp.163-169. [In Russian]

11. Kravchuk A. *MGPU razreshil pisat diplomy s pomoshchyu II. Kak yego ispolzuyut v obuchenii. Prepodavateli davno nashli primeneniye neyrosetyam* [Moscow City University allowed to write diplomas with the help of AI. How it is being used in teaching. Teachers have long found a use for neural networks]. *RBC Life* URL: <https://www.rbc.ru/life/news/64f06ee89a794798396ebc56> [In Russian]

12. *Student RGGU napisal na 82 protsenta originalnuyu VKR s pomoshchyu neyroseti* [A student of RSUH wrote 82 percent of the original WRC using a neural network]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20230201/neyroset-1849094309.html> [In Russian]

13. *Sukhanovskaya T. V Pomorye studentam razreshili ispolzovat neyroseti dlya podgotovki diplomov* [In maritime country, students were allowed to use neural

networks to prepare diplomas]. *RG.ru* URL:<https://rg.ru/2024/01/25/reg-szfo/v-pomore-studentam-razreshili-ispolzovat-nejroseti-dlia-podgotovki-diplomov.html> [In Russian]

14. Studentam TyumGU razreshili ispolzovat neyroseti dlya napisaniya diplomov [TSU students were allowed to use neural networks to write diplomas]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20920879> [In Russian]

15. V Vyshke nagradyat studentov, kotoryye napishut diplom s pomoshchyu II [HSE will reward students who write a diploma using AI]. *NIU VSHU*. URL: <https://www.hse.ru/news/910929629.html> [In Russian]

16. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A.V., Azarov A. A. Vzaimosvyaz tsennostnogo i kompetentnostnogo vybora molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii: rezultaty vserossiyskogo issledovaniya (2018 g.) [Interrelation of value and competence choice of youth in the digitalization conditions: results of all-Russian research (2018)]. *Tsennosti i smysly*. 2019. No. 2 (60). Pp. 76-104. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 15.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 15.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

Ю. В. Назарова
*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В НОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ КОДЕКСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ (ОПЫТ ТГПУ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО)³

Цель статьи: описание и этико-аксиологическая интерпретация результатов аксиологического мониторинга, проведенного среди преподавателей и учащихся ТГПУ им. Л. Н. Толстого в ноябре 2024 года. Задача опроса: определение ценностей, актуальных как в сфере современного высшего образования, так и для конкретного Университета, с учетом существующих этических дилемм цифровизации образования. Под аксиологическим мониторингом понимается философский анализ моральных предпочтений профессионального сообщества. Предполагается, что выявленные моральные предпочтения и ценности лягут в основу этического кодекса Университета. Структура исследования предполагает: а) теоретическую базу, необходимую для профессиональной этической экспертизы – в виде фундаментальных исследований по проблемам этики и аксиологии; б) практическую базу – включающую анкетирование преподавателей, аспирантов и студентов, с целью определения и анализа профессиональных ценностей. Научная новизна исследования заключена в разработке метода аксиологического анализа моральных предпочтений в аспекте профессиональной этики. В результате проводится окончательный анализ собранного материала, делаются выводы, необходимые для формирования Кодекса.

Ключевые слова: ценности; неклассическая аксиология; этические принципы; профессиональные добродетели; моральный ресентимент; конфликт; ресентиментные эмоции; ценностные иллюзии; латентные моральные оценки; социология морали; моральная значимость актов поведения; концепция корпорации; этические основы корпоративной концепции.

Yu. V. Nazarova
*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Russia, Tula)*

AXIOLOGICAL MONITORING IN THE NEW EDUCATION SPACE AS A MEANS OF CREATION A PROFESSIONAL ETHICS CODE (THE EXPERIENCE OF TULA STATE LEV TOLSTOY PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

The purpose of the article: description and ethical-axiological interpretation of the results of the axiological monitoring conducted among teachers and students of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University in November 2024. The objective of the survey: to determine the values that are relevant both in the field of modern higher education and for a specific University, taking into account the existing ethical dilemmas of digitalization of education. Axiological monitoring is a philosophical analysis of the moral preferences of the professional community. The author assumes that the identified moral preferences and values will form the basis of the ethical code of the University. The structure of the study involves: a) a theoretical basis necessary for professional ethical examination - in the form of fundamental research on the problems of ethics and axiology;

---

³Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества».

b) a practical base - including a survey of teachers, undergraduate postgraduate students in order to determine and analyze professional values. The scientific novelty of the study lies in the development of a method for axiological analysis of moral preferences in the aspect of professional ethics. As a result, the author carries out the final analysis of the collected material and draws the conclusions necessary for the Code formation.

Keywords: values; non-classical axiology; ethical principles; professional virtues; moral resentment; conflict; resentment emotions; value illusions; latent moral assessments; sociology of morality; moral significance of acts of behavior; concept of corporation; ethical foundations of the corporate concept.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-33-48

Актуальность исследования заключается в необходимости формирования кодекса профессиональной этики в новом образовательном пространстве. Действенность кодексов этики во многом зависит от актуальных задач и потребностей профессионального сообщества, которые отличаются непостоянством в ситуации внедрения и постоянного обновления новых технологий образования, связанных со стремительной цифровизацией. Эпоха цифровизации, как новый этап развития информационного общества, характеризуется аксиологическим кризисом. В то же самое время именно ценности лежат в основании принципов профессиональной этики, а принципы профессиональной этики лежат в основании этических стандартов в профессиональном этическом кодексе. Поэтому определение профессиональных ценностей представляется необходимым условием не только для формирования действенного кодекса этики, но и для критической оценки трансформации ценностей в период цифровизации.

В современных исследованиях по аксиологии было установлено, что ценности профессии складываются из трех видов ценностей [4; 5]:

а) основные нравственные ценности классической аксиологии (ценности, выделенные в системах ценностей М. Шелера, Н. Гартмана, Д. фон Гильдебранда) [1; 2; 8; 9];

б) ценности первой группы (ценности добродетелей), основанные на общезначимых добродетелях античной этики, конкретизируют основные ценности в сфере образования и традиционные добродетели в образовании;

в) ценности второй группы (ключевые ценности добродетелей христианской этики): характеризуют исторически сложившееся общекультурное представление об индивидуальной морали в образовании;

г) ценности третьей группы – относятся к современной неклассической аксиологии [3; 4; 5; 6].

Предполагается, что в кодексе профессиональной этики:

а) основные ценности и ценности первой и второй групп должны быть отражены в общей структуре кодекса (в преамбуле кодекса; в описании общих принципов профессии);

б) ценности третьей группы формируют конкретные этические стандарты в кодексе.

Таким образом, задачей анкетирования является определение и анализ ценностей третьей группы (с т.з. неклассической аксиологии). Сам метод

подобного анализа (сбор информации посредством анкетирования) и принципы применения этого метода (попытка систематизации разнообразных ценностей; убежденность в непостоянном характере ценностей и в их изменчивости; необходимости периодического мониторинга ценностей, в следствии их трансформации) является отличительной чертой современной неклассической теории ценностей [3; 4; 5; 6].

В статье описывается эксперимент по определению моральных предпочтений и их аксиологическому анализу, проведенный на базе ТГПУ им. Л. Н. Толстого в ноябре 2024; проводится аксиологический анализ моральных предпочтений, реконструкция и выявление ценностей, их сравнение и определение аксиологической иерархии; проводится прогноз возможных моральных конфликтов, анализируются способы их предотвращения и разрешения.

Задачи исследования:

1) описание теоретической базы эксперимента:

А) Теория 1: теория морального ресентимента (М. Шелер). Цель опроса: проверка на моральный ресентимент. Гипотеза: Конфликты в образовании являются следствием ресентиментных эмоций. Ресентиментные эмоции - следствие наличия у субъекта оппозиционных ценностей. Ценностные иллюзии в профессиональной образовательной деятельности - следствие подавления ресентиментных эмоций. Проверка на моральный ресентимент показывает уровень конфликтного потенциала среди опрашиваемых.

Б) Теория 2: Классификация актов поведения в рамках социологии морали (П. Сорокин). Целью данной части исследования является определение ценностей профессиональной этики, обусловленных: а) представлениями о должно-дозволенных поступках; б) представлениями о рекомендуемых поступках; в) представлениями о запрещенных поступках.

2) описание практической части исследования: анкетирование целевых групп

3) анализ полученных данных

Теория 1.

Теория морального ресентимента. Проверка на моральный ресентимент.

Конфликты в образовании как следствие ресентиментных эмоций. Ресентиментные эмоции как следствие оппозиционных ценностей.

Ценностные иллюзии в профессиональной образовательной деятельности как следствие подавления ресентиментных эмоций.

Теоретическая база исследования. Согласно М. Шелеру [8], ресентимент возникает как реакция на долговременную ситуацию запрета на выражение негативных эмоций, характеризующаяся ценностными иллюзиями и соответствующими им моральными оценками. Материал для развития ресентимента дают следующие аффекты: злоба, ненависть, месть, зависть, враждебность. Основным условием для развития ресентимента из перечисленных аффектов является ценностное сравнение себя с другим. Моральный ресентимент может проявляться в профессиональной деятельности,

например, в образовательной деятельности. В образовательной сфере сопутствующие профессии аффекты могут получать свою адекватную разрядку, чему способствует специфика научной и учебной деятельности преподавателя, что пресекает развитие морального ресентимента. Это может выражаться в различных конфликтах как с коллегами, так и с учащимися. В рамках исследования целесообразно определить конфликты, являющиеся следствием разрядки ресентиментных эмоций. Таким образом, эмоции, приводящие к развитию ресентимента могут либо получить разрядку, что приводит к разнообразным конфликтам, либо сформировать ценностные иллюзии и некорректные моральные оценки, т.е. сам ресентимент. Выделенный Шелером материал, способствующий развитию морального ресентимента (злоба, зависть, ненависть, месть, враждебность), имеет эмоциональную, личностно окрашенную характеристику. Таким образом, можно выделить следующие профессиональные характеристики в образовании, позволяющие избежать развития ресентимента и формирования ценностных иллюзий: доброжелательность; беспристрастность; взвешенность моральных оценок; объективность в оценке своего научного уровня и уровня других; четкое видение границ своей власти и компетенций; верное понимание асимметрии отношений студент-преподаватель; руководитель-подчиненный.

Вопрос о моральном ресентименте предполагает два этапа исследования:

1. Определение конфликтов, являющихся следствием разрядки ресентиментных эмоций и анализ причин их формирования
2. Определение типов ценностных иллюзий.

Частота и распространенность конфликтов, являющихся следствием разрядки ресентиментных эмоций, предполагает меньший уровень ценностных иллюзий. Это позволяет провести экспертизу установленных при анкетировании ценностей: оценить их качество и уровень, степень искренности в их определении.

Систематизация установленных конфликтов по уровню ресентиментных эмоций позволяет определить оппозиционные ценности, и, как следствие, профессиональные ценности в образовательной деятельности в рамках неклассической аксиологии.

Экспериментальная база исследования. Теория 1. Эксперимент 1. Анкетирование. Мониторинг конфликтов. Цель эксперимента: проверка на моральный ресентимент.

На основании теории морального ресентимента, для определения профессиональных ценностей в сфере образования (неклассическая аксиология) предполагается проведение опросов, с целью выявления: а) уровня представления о ценностях профессии; б) анализа латентных моральных оценок; в) наиболее значимых профессиональных ценностей; г) оппозиционных ценностей; д) анализа соотношения ценностей и оппозиционных ценностей.

Опросник 1.1. в опроснике 1.1. задаются вопросы, позволяющие провести сравнительный анализ между представлениями об уровне собственных нравственных ценностей и об уровне ценностей окружающих, что дает представление о скрытых моральных оценках индивида: «Часто ли вы

совершаете безнравственные поступки?» и «Часто ли вам приходится сталкиваться с безнравственными поступками?»

Целевые группы:

1 группа: аспиранты очной формы обучения – шифр специальности – этика (3 человека);

2 группа: студенты 2 курса: специальность педагогическое образование (15 человек)

3 группа: преподаватели (5 человек)

Результаты опроса:

1 группа. Аспиранты ответили на вопрос «Часто ли Вы совершаете безнравственные поступки?» – никогда – в двух случаях; редко – в одном случае. На вопрос: «Часто ли Вам приходится сталкиваться с безнравственными поступками?» – 1) никогда; 2) редко; 3) часто. Опросник показал, что, при ценностном сравнении себя с другими, двое из трех опрошенных при латентных оценках своего и чужого поведения считают свои поступки менее безнравственными, чем поступки других. Еще в одном случае латентные моральные оценки уравнивают поведение других и собственное поведение.

2 группа. Студенты ответили на вопросы «Часто ли Вы совершаете безнравственные поступки?» и «Часто ли Вам приходится сталкиваться с безнравственными поступками?» следующими парами ответов: никогда-иногда; иногда-редко; иногда-иногда; никогда-редко; никогда-никогда; часто-иногда; редко-иногда; редко-иногда; редко-часто; редко-иногда; редко-иногда; редко-иногда; редко-иногда; редко-иногда; редко-иногда; редко-иногда. Пары ответов редко-иногда – оказались самыми распространенными (5 ответов из 15), что говорит о достаточно ровном уровне моральных оценок, но, тем не менее, небольшой моральный перевес – на стороне собственного поведения, которое оценивается как чуть менее безнравственное, чем поведение других. Четыре группы ответов преимущественно показывают то же самое, разница заключается только в степени оценки уровня безнравственности чужих поступков по отношению к своим: это показывают пары ответов никогда-иногда (1 ответ); никогда-редко (1 ответ); редко-часто (2 ответа). Примечательно, что в двух группах ответов респонденты уравнивали моральные оценки своих и чужих поступков (иногда-иногда (2 ответа); никогда-никогда (1 ответ)). В нескольких случаях моральные оценки собственного поведения оказались ниже, чем оценки поведения окружающих (пары ответов иногда-редко (1 ответ); часто-иногда (1 ответ)).

3 группа: Преподаватели на аналогичные вопросы ответили следующими парами ответов: иногда – редко; редко – нет ответа; никогда-иногда; редко-редко; редко-часто. Мы видим равный уровень латентных моральных оценок своих и чужих поступков в одном случае (ответ редко-редко); в двух случаях – преобладание более высокой оценки собственных моральных поступков по сравнению с другими (никогда-иногда; редко-часто); в одном случае – преобладание чуть более высокой моральной оценки поведения других по сравнению со своим. Один случай – воздержание от моральной

оценки чужих поступков и признание собственных редких безнравственных поступков (редко-нет ответа).

Опросник 1.2. Цель опросника – определить моральные предпочтения в процессе онлайн обучения. Определить ценности, находящиеся к ним в оппозиции (антиценности). В ходе опроса предлагалось выделить: 1) наиболее положительные качества преподавателя, поставив напротив предложенных характеристик баллы от 1 до 6 (от наименее до наиболее положительных); 2) также предполагалось выделить наименее негативных эмоций в поведении преподавателя, путем постановки баллов от 1 до 5 (от наименее до наиболее негативных); 3) выделялись наиболее важные профессиональные качества преподавателя по шкале от 1 до 8 по уровню важности данных качеств; 4) определялись наименее неприятные качества характера преподавателя по шкале от 1 до 5 (где 1 – наименее неприятное, а 5 – наиболее неприятное качество).

Целевые группы:

1 группа: аспиранты очной формы обучения – шифр специальности – этика (3 человека);

2 группа: студенты 2 курса: специальность педагогическое образование (15 человек)

3 группа: преподаватели (5 человек)

Результаты опроса:

1 группа. Аспиранты из наиболее положительных качеств преподавателя в процессе онлайн обучения отметили доброжелательность (2 ответа) и высокий уровень научной компетентности (1 ответ). Наименее важными качествами, по мнению целевой группы, оказались всесторонняя осведомленность о новых тенденциях в науке, образовании, культуре, искусстве (2 ответа), взвешенность моральных оценок (1 ответ). При этом такие качества, как верное понимание асимметрии отношений студент-преподаватель; руководитель-подчиненный; всесторонняя осведомленность о новых тенденциях в науке, образовании, культуре, искусстве; интересное изложение материала; объективность в оценке своего научного уровня и уровня других во всех случаях имела средний уровень важности.

Наименее негативными чертами в поведении преподавателя аспиранты назвали: надменность и зависть; наиболее негативно оценили научную некомпетентность.

2 группа: Студенты 2 курса выделили такие наиболее важные качества преподавателя как высокий уровень научной компетентности; интересное изложение материала; всесторонняя осведомленность о новых тенденциях в науке, образовании, культуре, искусстве; общительность. Наименее важные качества, по мнению целевой группы: четкое видение границ своей власти и компетенции; объективность в оценке своего научного уровня и уровня других; взвешенность моральных оценок; верное понимание асимметрии отношений студент-преподаватель; руководитель-подчиненный.

Наименее негативные черты, по мнению целевой группы – это зависть и злоба; наиболее негативные – враждебность и ненависть.

3 группа. Опрос показал, что преподаватели среди наиболее важных качеств выделили: высокий уровень научной компетентности; всестороннюю осведомленность о новых тенденциях в науке, образовании, культуре, искусстве; уровень личного авторитета; среди наименее важных качеств: верное понимание асимметрии отношений студент-преподаватель; руководитель-подчиненный; доброжелательность.

Преподаватели посчитали, что наименее негативные черты – надменность, неопрятность и упрямство; наиболее негативные черты в поведении преподавателя – некомпетентность.

Теория 2. Моральная значимость актов поведения в профессиональном сообществе и ее соотношение с ценностями профессиональной деятельности.

Теоретическая база исследования. Согласно теории социологии морали П. Сорокина, социальное поведение человека подразумевает под собой ряд социальных актов, поведение в которых имеет ряд следующих характерных признаков: 1) делание чего-либо; 2) неделание чего-либо: а) акты воздержания, б) акты терпения. В свою очередь, в рамках каждого из таких социальных актов может содержаться ряд поступков, которые, в свою очередь классифицируются как: 1) должно-дозволенные; 2) рекомендуемые; 3) запрещенные [7]. Следует отметить, что в разных профессиональных группах одни и те же действия могут считаться как рекомендуемыми, так и запрещенными. Пример: использование неформальных связей в профессиональных целях может одобряться и даже поощряться в одном виде деятельности (например, семейное ведение дел в малом бизнесе) и не всегда одобряться в другом (например, семейственность в публичной политике). Или, убийство, как деяние безусловно запрещенное, приобретает иную окраску, если оно совершено палачом как акт казни – т.е. узаконенного возмездия, или солдатом в военное время. Можно сделать вывод, что характер должно-дозволенных, рекомендуемых или запрещенных поступков определяется как конкретными ценностями определенной профессии, так и самой концепцией корпорации (так, жесткая конкуренция между сотрудниками, «подсиживание» конкурента, может поощряться в корпорациях одного типа и не одобряться в корпорациях иного типа).

1. Должно-дозволенный поступок – действия, предписанные правом, этикой, или традициями, сложившимися в рамках профессионального сообщества.

2. Рекомендуемый поступок – добровольное действие, мотивом которого является желание сделать добро другому.

3. Запрещенный поступок – действия, нарушающие предписанные правила.

Экспериментальная база исследования. Теория 2. Эксперимент 2. Анкетирование: ценностное представление о поступках и актах поведения в профессиональном сообществе. Цель эксперимента: определение ценностей профессиональной этики, обусловленных представлениями о моральной значимости актов поведения. Эксперимент реконструирует следующие представления: 1) представление о нравственной цели профессии; 2) отношение

к коммерциализации высшего образования; 3) отношение к дегуманизации высшего образования (дистанционное обучение); 4) представления о профессиональном статусе и научной иерархии в профессиональной среде в условиях цифровизации образования. Все поднятые вопросы считаются центральными дилеммами в современной этике образования.

Целевые группы:

1 группа: аспиранты очной формы обучения – шифр специальности – этика (3 человека);

2 группа: студенты 2 курса: специальность педагогическое образование (15 человек);

3 группа: преподаватели (5 человек).

Результаты опроса:

1 группа.

Представления о нравственной миссии профессии в условиях цифровизации образования.

Было предложено оценить утверждение и выбрать продолжение для фразы: «Преподаватель вуза несет большую нравственную ответственность, чем представитель других профессий, что заставляет его следить за уровнем нравственности своих слов и поступков, в том числе, в процессе цифрового образования, и это...». Аспиранты отметили, что это «утверждение, которому каждый должен следовать добровольно, исходя из собственных моральных убеждений». С другой стороны, один из опрашиваемых ответил, что это «утверждение, сложившееся в рамках общественного сознания, которому необходимо неукоснительно следовать».

Был сформулирован вопрос о важности и необходимости повышения уровня научной компетентности в условиях цифровых трансформаций образования. По мнению аспирантов, повышение уровня научной квалификации важно, но каждый должен принимать добровольное решение о том, насколько ему это необходимо.

Отношение к коммерциализации высшего образования: был поставлен вопрос: «Преподаватель – это поставщик образовательных услуг. Насколько это утверждение верно для цифрового образования?». Ответы аспирантов преимущественно, как и в предыдущих случаях, были основаны на *этике предпочтений*: «Образование – это минимум, который может дать преподаватель. Больше влияние, чем просто передача знаний, может дать только высококвалифицированный специалист. Впрочем, быть просто поставщиком образовательных услуг или наставником – добровольный выбор каждого». Однако один из аспирантов отметил, что это утверждение «неверно, такой утилитарный подход к образованию неприемлем, преподаватель должен нести воспитательную функцию, обладать моральным и научным авторитетом».

Миссия преподавания. Был задан вопрос о том, считают ли опрашиваемые верным следующее утверждение: «В профессии преподавателя научное признание важнее, чем денежное вознаграждение». Были получены ответы: «Это не совсем верное утверждение, потому что высокое вознаграждение – это плата за квалифицированный труд. Молодой

преподаватель должен настроиться на то, что только когда он повысит свою квалификацию, его труд будет хорошо оплачиваться, но это произойдет не сразу» (2 ответа). «Да, верно. Лучше работать в рамках признанной научной школы, иметь возможность равноценного контакта в научном сообществе, чем, получая большую заработную плату, не иметь возможности вести научные исследования и повышать научный уровень» (1 ответ).

Представления о профессиональном статусе и научной иерархии в профессиональной среде: на вопрос «Приемлема ли традиция научной иерархии в профессиональной среде: когда при принятии внутрикорпоративных решений организационного (не научного) характера, и распределении благ и обязанностей критерием является ученая степень или звание в условиях цифрового университета?» аспиранты единодушно ответили, что «все должно зависеть не от научного, а от личного авторитета человека, его вклада в развитие университета».

Дилемма служебного информирования. Было предложено оценить следующую ситуацию: «Когда один преподаватель не ставит в известность руководство, узнав о том, что его коллега получает денежное вознаграждение, например, за экзаменационные оценки студентам». Приемлемость служебного информирования в данном случае респонденты прокомментировали ответами: «доносить на коллегу неприемлемо с моральной точки зрения, несмотря на то, что получение взятки запрещено законом» (2 ответа); «это верное или неверное поведение, в зависимости от обстоятельств и скрытых мотивов преподавателя, решившегося на информирование» (1 ответ).

Дилемма открытости. Для анализа была предложен вопрос для оценки следующей ситуации: «Крупный рабочий конфликт, возникший в рамках кафедры, или факультета, между преподавателями, стоящими на одной ступени научной иерархии не должен широко обсуждаться университетской общественностью, в цифровом пространстве потому что...». Респондентами были выбраны следующие варианты обоснования этого утверждения: «Потому что конфликт можно разрешить с привлечением ограниченного круга лиц, пользующихся авторитетом» (2 ответа). «Потому что нет норм и правил по урегулированию таких конфликтов, а это значит, что любое подобное обсуждение неконструктивно, и может вовлечь в конфликт еще больше людей и привлечь нежелательное внимание общественности» (1 ответ).

3 группа

Представления о нравственной миссии профессии в условиях цифровизации образования.

Утверждение ««Преподаватель вуза несет большую нравственную ответственность, чем представитель других профессий, что заставляет его следить за уровнем нравственности своих слов и поступков, в том числе, в процессе цифрового образования, и это...» - было единодушно истолковано преподавателями в рамках *этики предпочтений*, всеми опрашиваемыми был выбран ответ, что это «утверждение, которому каждый должен следовать добровольно, исходя из собственных моральных убеждений».

На вопрос о важности повышения научного уровня в период цифровизации преподаватели ответили, в большинстве случаев, что это «неизбежность, которую накладывают на преподавателя современные требования системы высшего образования, и сам статус ученого, поэтому повышение научного уровня необходимо» (3 ответа). В двух случаях ответ был: «Повышение уровня научной квалификации важно, но каждый должен принимать добровольное решение о том, насколько ему это необходимо».

Миссия преподавания. На вопрос о коммерциализации высшего образования и изменении в связи с этим целей и задач преподавания, большинство респондентов ответило, что утверждение, что «преподаватель – это поставщик образовательных услуг» – неверно, поскольку «такой утилитарный подход к образованию неприемлем, преподаватель должен нести воспитательную функцию, обладать моральным и научным авторитетом». В одном случае это утверждение было прокомментировано фразой «образование – это минимум, который может дать преподаватель. Больше влияние, чем просто передача знаний, может дать только высококвалифицированный специалист. Впрочем, быть просто поставщиком образовательных услуг или наставником – добровольный выбор каждого».

Представления о профессиональном статусе и научной иерархии в профессиональной среде. Был задан вопрос: «Приемлема ли традиция научной иерархии в профессиональной среде: когда при принятии внутрикорпоративных решений организационного (не научного) характера, и распределении благ и обязанностей, когда критерием является ученая степень или звание в условиях цифрового университета»? Большинство преподавателей ответило, что «все должно зависеть не от научного, а от личного авторитета человека, его вклада в развитие университета»; двое из опрошенных согласились с утверждением и выбрали вариант «да, потому что такая традиция издавна сложилась в рамках профессионального сообщества и обусловлена объективными факторами».

Дилемма служебного информирования. На вопрос «когда один преподаватель не ставит в известность руководство, узнав о том, что его коллега получает денежное вознаграждение, например, за экзаменационные оценки студентам, это...» мнения преподавателей разделились на варианты ответов «неверное поведение: получение взятки запрещено законом и должно пресекаться» (2 ответа) и «это верное или неверное поведение, в зависимости от обстоятельств и скрытых мотивов преподавателя, решившегося на информирование» (2 ответа). Кроме того, один из респондентов выбрал ответ «доносить на коллегу неприемлемо с моральной точки зрения, несмотря на то, что получение взятки запрещено законом».

Дилемма открытости. Респондентам было предложено оценить утверждение «крупный рабочий конфликт, возникший в рамках кафедры, или факультета, между преподавателями, стоящими на одной ступени научной иерархии не должен широко обсуждаться университетской общественностью, в цифровом пространстве». Большинство преподавателей выбрало вариант «потому что конфликт можно разрешить с привлечением ограниченного круга

лиц, пользующихся авторитетом» (4 ответа) и «потому что нет норм и правил по урегулированию таких конфликтов, а это значит, что любое подобное обсуждение неконструктивно, и может вовлечь в конфликт еще больше людей и привлечь нежелательное внимание общественности» (1 ответ).

Общие результаты проведенного эксперимента

Опрос, проведенный среди аспирантов, студентов и преподавателей проходил в 3 этапа. На первом этапе опрос показал *уровень моральной достоверности* возможных ответов, а также степень *конфликтного потенциала* представителей целевых групп. На втором этапе опрос выявил наиболее важные, по мнению респондентов, *ценности профессии в ситуации цифровизации образования* – как в аспекте профессиональных ценностей, так и в аспекте нравственных ценностей. Третий этап исследования обозначил *моральные предпочтения* респондентов в контексте профессиональной деятельности, а также *приоритетные моральные критерии* при принятии решений.

В ходе эксперимента были реконструированы следующие аксиологические и этические элементы:

А) Уровень латентных моральных оценок.

Б) Приоритетные ценности профессиональной деятельности.

В) Моральные предпочтения и критерии морального выбора; нравственные лакуны.

А. Уровень латентных моральных оценок. В целом, можно сделать следующие выводы: во всех целевых группах ответы распределились примерно равным образом: уровень латентных моральных оценок преимущественно выше для собственных поступков, чем для поступков других, причем такая оценка является преобладающей во всех целевых группах; чуть реже – встречается равный уровень моральных оценок своего и чужого поведения; еще реже – более высокая моральная оценка поступков других, чем собственных поступков. Необходимо отметить, что преобладание более низких моральных оценок для поступков других, чем для собственных поступков, создают риск формирования морального ressentимента, что может привести к появлению ressentиментных эмоций и конфликтам. Таким образом, становится очевидно, что *потенциал моральных конфликтов на почве ressentиментных эмоций в целевых группах является достаточно высоким.*

Первый этап эксперимента показал, что в целевых группах существует риск формирования морального ressentимента; моральные конфликты могут произойти с большой долей вероятности, причем чем больше разрыв между моральной оценкой себя и оценкой других, тем активнее могут быть ressentиментные эмоции. Примерное равное соотношение латентных моральных оценок себя и других в разных целевых группах говорит о необходимости формирования: а) способов предотвращения конфликтов, что заключается в выработке объективной моральной оценки своих и чужих поступков. Такая профилактика конфликтов, на наш взгляд, возможна только в рамках *этического образования*, которое включает в себя внедрение курсов

этики и профессиональной этики, как среди студентов, так и среди аспирантов и преподавателей; б) *банка типовых конфликтных ситуаций* с подобранными моральными критериями их разрешения. Обсуждение таких ситуаций можно осуществлять совместно на семинарах на курсах по этике и профессиональной этике, что, по сути, предстанет как *этическая практика предотвращения конфликтов*, сочетающая как *нравственное воспитание*, так и этическое образование, объединяющая преподавателей, студентов и аспирантов, помогающая сформулировать *моральные ожидания* друг от друга).

Б. *Приоритетные ценности профессиональной деятельности.*

Второй этап опроса позволил сделать следующие выводы:

1. На уровне реконструкции профессиональных ценностей в процессе онлайн обучения, *приоритетной ценностью для всех целевых групп выступает высокий уровень научной компетентности.* В целевых группах преподавателей и аспирантов это подтвердилось фактом, что научная некомпетентность считается наиболее негативной чертой.

2. В отличие от преподавателей и аспирантов, наиболее негативной чертой для студентов является враждебность и ненависть.

3. При этом, для студентов, в отличие от аспирантов и преподавателей важным, помимо научной компетентности, является интересное изложение материала и общительность – качества, которые не были отмечены ни преподавателями, ни аспирантами.

4. Зависть, как наименее негативную черту в поведении преподавателя, отметили целевые группы, состоящие из аспирантов и студентов

5. Кроме того, студенты отметили наименее важные качества преподавателя, такие как: четкое видение границ своей власти и компетенции; объективность в оценке своего научного уровня и уровня других; взвешенность моральных оценок; верное понимание асимметрии отношений студент-преподаватель; руководитель-подчинённый. Указанные качества относятся, скорее к области академической этики. Это показывает, что, поскольку *студенты, как правило, массово не включены в научную работу, проблемы академического этоса не кажутся им существенными.*

6. Студенты и преподаватели оказались солидарны в том, что важной ценностью является осведомленность о новых тенденциях в науке, образовании, культуре, искусстве; аспиранты посчитали, что эта ценность имеет средний уровень важности. Однако, в отличие от преподавателей и студентов, аспиранты отметили доброжелательность, как важную черту в поведении преподавателя.

7. В опроснике предполагалось оценить ценность внешнего вида преподавателя (предлагалось оценить уровень важности опрятности, и привлекательной внешности). Как показал опрос, эта ценность не соотносится ни с положительными, ни с негативными характеристиками, и неопрятность была всего лишь один раз упомянута как наименее важная негативная черта.

8. Преподаватели отметили как важную ценность уровень личного авторитета, чему не придали значения ни аспиранты, ни студенты.

9. Характерно, что доброжелательность, как профессиональная ценность преподавателя, не была отмечена студентами, в то время как аспиранты определили доброжелательность в числе наиболее важных качеств, а преподаватели – наименее важных. Второй этап эксперимента помог выявить приоритетные ценности профессиональной деятельности; опрос поможет расположить их в кодексе по степени иерархии. *Преобладание ценности научной компетентности говорит о том, что в кодексе ведущей должна быть линия академической этики.* Содержание принципа научной компетентности должно быть подробно описано в кодексе; поскольку этот принцип относится к области академической этики, принципы академической этики необходимо включить как в основание правил преподавательской деятельности, так и в основание правил для обучающихся, тем более, что опрос выявил, что *нравственная лакуна* у студентов касается представлений об академической этике. Очевидно, что и у преподавателей нет четкого понимания содержания научной компетентности, что показал этап 3. *Это делает актуальным этическое описание данного принципа.*

Такие качества, как враждебность и злоба, были признаны наиболее негативными, что подчеркивает *потенциальную опасность формирования морального ресентимента*, который характеризуется именно этими качествами.

В. *Моральные предпочтения и критерии морального выбора; нравственные лакуны.* Третий этап опроса позволил сделать следующие выводы:

1. Большинство ответов в целевых группах на 3 этапе эксперимента были основаны на утверждении о необходимости самостоятельного морального выбора. При этом 2 этап опроса показал, что такое качество, как взвешенность моральных оценок, не считается респондентами важной. *Это говорит об актуальности создания кодекса этики, в котором были бы определены критерии морального выбора.*

2. В частности, вопрос о нравственной ответственности преподавателя в условиях цифрового образования выявил единодушие представителей обеих целевых групп в отношении добровольного определения уровня собственной моральной ответственности в процессе цифрового образования, что можно определить, как *нравственную лакуну, поскольку представления о содержании профессиональных ценностей у всех не одинаковы, как показали результаты опроса.* Более того, этап 1 показал, что в целевых группах существует риск развития морального ресентимента, что никак не может гарантировать объективность моральных оценок собственного поведения.

3. Ответы на вопрос о необходимости повышения научного уровня показали: а) у аспирантов, в большинстве случаев – несоответствие с данными, полученными в результате этапа 2, где научная компетентность была обозначена как наиболее важное качество преподавателя; б) опрос преподавателей на этапе 2 и 3 подтвердил соответствие принципа научной компетентности, определенного на 2 этапе как наиболее важный, и важности повышения научного уровня.

4. Этап 2 показал, что восприятие миссии преподавания, как деятельности, свободной от приоритета частных интересов, в частности, от погони за вознаграждением, характерно в большей степени для целевой группы 3 (преподаватели), чем целевой группы 1 (аспиранты).

5. Единодушие прослеживалось также и при ответе на вопрос, связанный с научной иерархией. Ответы показывают, что восприятие научной иерархии в рамках академического этоса несколько изменилось: респонденты отдали предпочтение личному, а не научному авторитету, что может говорить о *размывании академических традиций и трансформации ценности научного авторитета в целом.*

6. Наибольший разброс мнений в целевой группе «преподаватели» наблюдался при выборе решения в *ситуации дилеммы служебного информирования.* Это показывает еще одну «нравственную лакуну», демонстрируя актуальность этического регулирования в области конфликта интересов.

7. Выбор варианта разрешения дилеммы открытости показал, что, в большинстве случаев, как аспиранты, так и преподаватели, считают, что внутренние конфликты в профессиональном сообществе не должны выноситься на суд общественности, что говорит о *необходимости формирования правил внутреннего распорядка с подробным описанием этапов внутреннего разрешения конфликтов, критериев их разбора, принципов формирования конфликтных комиссий и т.п.*

В целом, эксперимент позволяет сделать вывод о необходимости гуманитарной экспертизы в сфере цифровизации образования; об актуальности этического образования, о построении системы этико-правового регулирования в сфере высшего образования. Дальнейшие исследования должны быть связаны с внедрением программ этического образования, построенных на основании актуальных моральных потребностей профессионального сообщества, с внедрением проектов этических кодексов, сформированных с учетом результатов аксиологического мониторинга.

Литература

1. Гартман Н. Этика / пер. с нем. А. Б. Глаголева под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Скляднева. СПб.: Фонд Университет : Владимир Даль, 2002. 708 с.

2. Гильдебранд Д. фон. Этика / пер. с нем. А. И. Смирнова. СПб.: Алетейя, 2001. 569 с.

3. Кушнарченко Я. В. Обоснование аксиологии в контексте неклассической рациональности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Кушнарченко Яна Владимировна. Томск, 2004. 183 с.

4. Назарова Ю. В. Аксиология парламентской культуры и антропологические практики. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. 223 с.

5. Назарова Ю. В. Трансформация нравственных ценностей в контексте профессиональной этики // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика / отв. ред. В. Ю. Перов. СПб.: Сборка, 2020. С. 163–164.
6. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998. 292 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
8. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Наука, 1999. 231 с.
9. Шохин В. К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега. 1998. № 3 (17). С. 295–315.

References

1. Hartmann N. *Etika* [Ethics]. Trans. by A. B. Glagolev. Ed. by Yu. S. Medvedev, D. V. Sklyadnev. Saint Petersburg. Fond Universitet Publ., Vladimir Dal Publ., 2002. 708 p. [In Russian]
2. Von Hildebrand D. *Etika* [Ethics]. Trans. by A. I. Smirnova. Saint Petersburg. Aleteyya Publ., 2001. 569 p. [In Russian]
3. Kushnarenko Ya. V. *Obosnovaniye aksiologii v kontekste neklassicheskoy ratsionalnosti* [Justification of axiology in the context of non-classical rationality]. PhD thesis. Tomsk, 2004. 183 p. [In Russian]
4. Nazarova Yu. V. *Aksiologiya parlamentskoy kultury i antropologicheskiye praktiki* [The axiology of parliamentary culture and anthropological practices]. Tula. Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2013. 223 p. [In Russian]
5. Nazarova Yu. V. Transformatsiya nrvstvennykh tsennostey v kontekste professional'noy etiki [Transformation of moral values in the context of professional ethics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy – 2020. Filosofiya. Etika. Praktika* [Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Perspectives – 2020. Philosophy. Ethics. Practice]. Ed. by V. Yu. Perov. Saint Petersburg. Sboraka Publ., 2020. Pp. 163–164. [In Russian]
6. Rozov N. S. *Tsennosti v problemnom mire: filosofskiye osnovaniya i sotsialnyye prilozheniya konstruktivnoy aksiologii* [Values in a Problematic World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology]. Novosibirsk. Izd-vo Novosibirskogo un-ta Publ., 1998. 292 p. [In Russian]
7. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilisation. Society]. Ed., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonov. Moscow. Politizdat Publ., 1992. 542 p. [In Russian]
8. Scheler M. *Resentiment v strukture moraley* [Resentiment in the structure of morals]. Trans. by A. N. Malinkin. Moscow. Nauka Publ., 1999. 231 p. [In Russian]

9. Shokhin V. K. Klassicheskaya filosofiya tsennostey: predystoriya, problemy, rezultaty [Classical Philosophy of Values: Background, Problems, Results]. Alfa i Omega [Alpha and Omega]. 1998. No. 3 (17). Pp. 295–315. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 06.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 06.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Р. Ю. Аторин,

*Государственный университет
управления*

К. Ю. Докукин

*Государственный университет
управления*

Л. Г. Королёва

Курский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию процессов цифровизации в сфере образования и анализу их влияния на духовно-нравственное развитие Личности. Рассматриваются как возможности цифровых технологий, такие как расширение доступности знаний, индивидуализация обучения и новые формы взаимодействия, так и потенциальные угрозы, связанные с отчуждением от реальных социальных контактов, снижением уровня критического мышления и угрозами духовно-нравственным ценностям. Особое внимание уделяется необходимости интеграции нравственных аспектов в цифровое обучение и разработке мер по минимизации рисков, что позволяет гармонизировать образовательный процесс и воспитывать полноценную личность, способную ориентироваться в современных реалиях.

Ключевые слова: цифровизация, личность, духовно-нравственное развитие, ценности, возможности, мораль, угрозы, интеграция, новые формы межличностных взаимодействий.

R. Yu. Atorin,

*State University of Management,
(Moscow, Russia)*

K. Yu. Dokukin

*State University of Management,
(Moscow, Russia)*

L.G. Korolyova

*Kursk State University
(Kursk, Russia)*

DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL

The studies the digitalization processes in education and the analyses of their impact on the spiritual and moral development of a person. The author considers possibilities of digital technologies, such as expanding the availability of knowledge, individualization of learning and new forms of interaction, as well as potential threats associated with alienation from real social contacts, a decrease in the level of critical thinking and threats to spiritual and moral values. The author pays special attention to the need to integrate moral aspects into digital learning and to develop measures to minimize risks, which makes it possible to harmonize the educational process and bring up a full-fledged personality capable of navigating modern realities.

Keywords: digitalization, personality, spiritual and moral development, values, opportunities, morality, threats, integration, new forms of interpersonal interactions.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-49-56

Актуальность темы цифровизации сферы образования и ее влияния на морально-нравственное развитие Личности обусловлена глобальными изменениями в повседневной жизни социума, в частности в образовательной сфере, вызванными внедрением информационных и коммуникационных технологий. Стремительное развитие цифровых платформ, онлайн-обучения и дистанционных форм взаимодействия обуславливает необходимость осмысления их влияния на процесс формирования морально-нравственных сторон Личности. Хотя цифровизация открывает новые возможности для повышения доступности и персонализации образования, облегчая доступ к обширным пластам знаний, однако возникает множество вопросов относительно влияния цифровых технологий на нравственное и этическое развитие Личности, что требует особого внимания и анализа.

Цифровизация образования несет определенные угрозы, связанные с возможной утратой важнейших нравственных ценностей, ослаблением социальных связей и уменьшением роли воспитательного процесса. В виртуальной среде образования возникают новые формы взаимодействия, которые могут оказывать негативное воздействие на формирование Личности, если они не будут направлены в конструктивное русло [2]. В этом контексте чрезвычайно важно выработать подходы, которые позволят сохранить баланс между развитием цифровых навыков и формированием моральных и нравственных качеств Личности.

Цифровизация сферы образования представляет собой процесс интеграции цифровых технологий в воспитательно-образовательный процесс, который охватывает как традиционные учебные заведения, так и новые формы обучения. Основная цель цифровизации – повышение доступности и качества образования за счет использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), автоматизированных систем управления учебным процессом и использования возможностей различных онлайн-платформ. Комплексный подход к трансформации образовательной системы направлен на создание более эффективной и гибкой среды обучения, отвечающей новым требованиям цифровой эпохи [1].

Применение цифровых инструментов в учебной среде повышает качество обучения, оптимизируя взаимодействия между педагогами и учащимися, выводя доступность информации на новый уровень (Таблица 1).

Таблица 1. Инструменты и платформы для цифрового обучения

□ составлено на основании материалов открытых источников и материалов из источника 5 □

Категория	Инструменты и платформы	Возможности инструментов
Системы управления обучением (LMS)	Moodle, Google Classroom, Canvas, Blackboard	Открывают доступ к учебным материалам, заданиям и дают возможность общения

Категория	Инструменты и платформы	Возможности инструментов
Видеоконференц-вязь	Zoom, Microsoft Teams, Google Meet, Cisco Webex	Проведение онлайн-занятий, лекций, вебинаров, зачетов, экзаменов и т.д.
Интерактивные обучающие платформы	Coursera, edX, Khan Academy, Udey	Доступные широкому кругу лиц онлайн-курсы различных направлений с выдачей сертификатов
Инструменты для создания контента	Microsoft PowerPoint, Google Slides, Prezi, Canva	Создание презентаций и интерактивных элементов для визуализации учебного контента
Интерактивные доски	Miro, Jamboard, Padlet, Explain Everything	Создание и редактирование визуальных материалов
Платформы для тестирования	Kahoot, Quizizz, Socrative, Google Forms	Проведение опросов, тестов и викторин с автоматической обработкой результатов
Платформы для самообразования	Duolingo, Memrise, Quizlet	Приложения для изучения языков и других дисциплин
Платформы для работы с текстом	Grammarly, Turnitin, Google Docs	Проверка орфографии, редактирование текстов, выявление плагиата, совместная работа с документами
Средства создания видеоконтента	Camtasia, Screencast-O-Matic, OBS Studio	Создание и редактирование видеоуроков, инструкций и презентаций для дистанционного обучения.

Современное виртуальное пространство изобилует образовательными ресурсами, развивающими мышление и морально-нравственные ценности Личности, открывает доступ к изучению и анализу значимых духовных образцов культуры. Цифровые технологии вовлекают людей в проекты волонтерства и добровольчества, международного сотрудничества, активной социальной деятельности, в результате чего у участников развиваются сострадание, уважение, толерантность, стремление оказать посильную помощь. При правильном использовании в образовательной среде, цифровые технологии становятся мощным инструментом воспитания духовно-нравственных качеств Личности [3].

Однако, наряду с положительными возможностями, цифровизация сферы образования несет в себе и определенные риски воздействия на морально-нравственные принципы Личности (Таблица 2).

Таблица 2. Потенциальные угрозы и риски цифровизации сферы образования □ составлено на основании материалов из источников 3, 5, 7 □

Категория	Угрозы и риски	Влияние на Личность
Социальная изоляция	Снижение реальных социальных взаимодействий	Утрата навыков живого общения
Эрозия духовно-нравственных ценностей	Поверхностное восприятие духовных и моральных вопросов	Тяга к краткосрочным, поверхностным знаниям, потеря интереса к другим людям, непонимание мотивов их поступков, усиление эгоистичности
Инфляция информации	Утрачиваются критерии истинности и значимости	Потеря способности отличать истинное знание от ложной или тривиальной информации, развитие шаблонного мышления
Зависимость от цифровых технологий	Формирование зависимости и снижение самостоятельности мышления	Снижение способности решать проблемы без помощи цифровых устройств, интернет-ресурсов и чужого мнения
Эмоциональная и моральная отчужденность	Уменьшение эмпатии и способности к эмоциональной поддержке	Деградация личностных ценностей и навыков эффективной коммуникации, усиление индивидуализации
Деградация критического мышления	Поверхностное восприятие информации и снижение аналитических способностей	Потеря способности критически оценивать информацию, моральные и социальные запросы
Обесценивание человеческого труда и усилий	Потеря ценности упорного труда и личных достижений	Потеря трудолюбия, чувства причастности к обществу, снижение мотивации и настойчивости в достижении целей.

Перечисленные негативные стороны цифровизации в сфере образования следует учитывать при разработке образовательных программ для сбалансированного развития морально-нравственных качеств Личности для их минимизации [6].

Рассмотрим далее способы минимизации указанных рисков в контексте утраты духовно-нравственных ценностей Личности и социальных взаимодействий (Таблица 3).

Таблица 3. Способы минимизации рисков цифровизации
 □ составлено на основании материалов из источников 1, 3, 7 □

Категория риска	Способы минимизации	Влияние на Личность
Социальная изоляция	Организация оффлайн мероприятий и совместных проектов	Усиление чувства общности с коллективом, причастности к общественно-значимым идеям
Эрозия духовно-нравственных ценностей	Внедрение программ по духовно-нравственному воспитанию	Наработка навыков эмпатии, укрепление патриотизма и альтруизма
Инфляция информации	Обучение критическому мышлению и информационной грамотности	Проведение уроков по анализу информации, фильтрации данных, оцениванию достоверности источников и развитию осознанного отношения к восприятию информации
Зависимость от цифровых технологий	Установление «цифровых пауз» и баланс между цифровым и реальным миром	Ограничение времени нахождения в виртуальной реальности, организация оффлайн-мероприятий
Эмоциональная и моральная отчужденность	Внедрение эмоционально-этического обучения через цифровые платформы	Вовлечение в дискуссии и проекты, посредством чего укрепляются этические и моральные принципы
Деградация критического мышления	Развитие аналитических навыков через образовательные платформы	Усиление способностей к анализу и критическому осмыслению информации
Потеря мотивации к трудовой деятельности	Внедрение программ по личностному развитию и трудолюбию	Укрепление навыков настойчивости, мотивации к активной жизнедеятельности, трудолюбию и пониманию значимости личных усилий

Таким образом, грамотное сочетание цифровых технологий и приемов духовно-нравственного воспитания позволяет эффективно использовать преимущества цифровизации, минимизируя сопутствующие риски. Соответствие высоким нормам морали и нравственности со стороны преподавательского состава также способствуют формированию и укреплению морально-нравственных качеств Личности обучающихся, поскольку обучение на собственном примере является признанным и действенным педагогическим приемом.

Учитывая вышесказанное, были сформированы рекомендации по формированию и сохранению духовно-нравственных ценностей личности в

условиях цифрового образования:

1. необходимо интегрировать духовно-нравственные компоненты в учебный процесс, что может быть сделано через включение тем, связанных с этикой, моралью, социальными взаимодействиями, культурным наследием, патриотизмом и др. непосредственно в учебные планы;

2. следует создавать безопасную и поддерживающую цифровую среду, устанавливать четкие правила цифрового этикета и ответственное использование технологий, чтобы предотвратить такие угрозы, как кибербуллинг, дезинформацию и нарушение приватности;

3. поощрять реальные социальные взаимодействия в виде офлайн-мероприятий, таких как совместные проекты, обсуждения, волонтерские, добровольческие и экологические акции, мероприятия, экскурсии и др. Коммуникации в режиме реального взаимодействия развивают эмпатию, навыки общения и взаимопомощи, а также оказание помощи другим людям способствуют развитию альтруизма, трудолюбия, повышению самооценки и мотивации, что весьма важно для формирования лучших морально-нравственных качеств личности;

4. следует развивать критическое мышление и цифровую этику через совместный анализ источников информации, понимание скрытого контекста и выявление приемов психологических манипуляций. Это эффективно защищает от дезинформации, повышает уровень осознанного отношения к жизни, укрепляя духовные ценности личности;

5. необходимо внедрять программы по личностному, духовному и нравственному росту, которые фокусируются на самодисциплине, ответственности и уважении к другим;

6. поддерживать семейные и общечеловеческие ценности через трансляцию их в цифровом контексте, предлагая варианты решения существующих и возможных проблем, присущих молодым людям.

Итак, цифровизация образования предоставляет широкие возможности для повышения качества обучения, расширения доступности знаний и развития новых форм образовательного процесса. Однако, наряду с этим, возникает ряд угроз, связанных с возможной утратой духовно-нравственных ценностей личности.

Важно, чтобы внедрение цифровых технологий сопровождалось осмысленной интеграцией духовно-нравственных компонентов, развитием критического мышления и созданием безопасной цифровой среды. Руководствуясь такими подходами, возможно, гармонизировать процесс цифрового обучения с воспитанием осознанной Личности, ориентированной на соблюдение моральных и этических принципов, обеспечивая при этом её всестороннее гармоничное развитие.

Литература

1. Гордеев В. В. Психологические проблемы цифрового общества // В17.ru : сайт психологов. URL: <https://www.b17.ru/article/123269/> . Дата публикации: 12.11.2018.
2. Крайнов А. Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Вып. 24, № 2. С. 137–141.
3. Крюков А. В., Лесевицкий А. В., Юсупова Ю. К. Позитивные и негативные аспекты процесса цифровизации сферы образования // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2023. № 13. С. 63–75.
4. Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации. Современные философские исследования. 2019. № 2. С. 55–66.
5. Солдатова Г. В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» // Психологическая газета : профессиональное интернет-издание. URL: <https://psy.su/feed/9511/> . Дата публикации: 02.11.2021.
6. Чупанов А. Х., Абдурахманова М. А. Основные тенденции развития образовательной среды современного российского вуза в условиях цифровизации экономики // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 285–287.
7. Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски развития субъектности личности в условиях цифровизации образования // Гуманитарий Юга России. 2024. Вып. 13, № 1. С. 114–124.

References

1. Gordeyev V. V. Psikhologicheskiye problemy tsifrovogo obshchestva [Psychological problems of digital society]. *B17*. URL: <https://www.b17.ru/article/123269/> [In Russian]
2. Kraynov A. L. Tsifrovaya identichnost' kak usloviye bytiya cheloveka v tsifrovom obshchestve [Digital identity as a condition of human existence in a digital society]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2024. Vol. 24, No. 2. Pp. 137–141. [In Russian]
3. Kryukov A. V., Lesevitskiy A. V., Yusupova YU. K. Pozitivnyye i negativnyye aspekty protsessa tsifrovizatsii sfery obrazovaniya [Positive and negative aspects of the process of digitalization of the sphere of education]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya* [Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology]. 2023. No. 13. Pp. 63–75. [In Russian]
4. Molchan E. M. Vliyaniye tsifrovizatsii na formirovaniye dukhovno-nravstvennykh tsennostey subyektov vzaimodeystviya v epokhu globalizatsii [The impact of digitalization on the formation of spiritual and moral values of the subjects of interaction in global age]. *Sovremennyye filosofskiye issledovaniya* [Contemporary Philosophical Research]. 2019. No. 2. Pp. 55–66. [In Russian]

5. Soldatova G. V. Tsifrovaya lichnost kak fenomen 21 veka: vstrecha s «novoy normalnostyu» [The Digital Personality as a 21st Century Phenomenon: Encountering the ‘New Normal’]. *Psikhologicheskaya gazeta* [Psychological newspaper]. URL: <https://psy.su/feed/9511/> [In Russian]

6. Chupanov A. Kh., Abdurakhmanova M. A. Osnovnyye tendentsii razvitiya obrazovatelnoy sredy sovremennogo rossiyskogo vuza v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [The main trends of the development of educational environment of a modern Russian university in the context of digitalization of the economy]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education]. 2024. No. 2 (105). Pp. 285–287. [In Russian]

7. Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Perspektivy i riski razvitiya subyektnosti lichnosti v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Prospects and risks for the development of individual subjectivity in the context of digitalization of education]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2024. Vol. 13, No. 1. Pp. 114–124. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 16.10.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 16.10.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

Ю. В. Назарова,
*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*
Е. Н. Чеснова
*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ЦИФРОВОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И ОПЫТ АПРОБАЦИИ⁴

В статье описывается алгоритм построения кодекса цифровой этики на примере ТГПУ им. Л. Н. Толстого. **Цель статьи:** формирование модели кодекса цифровой этики для ТГПУ им. Л. Н. Толстого. **Авторами статьи** рассмотрены принципы построения этического кодекса, основанные на правовых документах (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [21]; Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» [19], «Правила внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [13], «Правила внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [12], «Коллективный договор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»» [1] и иные локально-нормативные документы университета [См.: 7, 8, 9, 11]). Анализ указанных документов способствует определению актуальных принципов профессиональной и корпоративной этики, а также выявлению в них этических лакун, проблеме которых призван решить кодекс цифровой этики. Научная новизна заключается в практическом этико-нормативном подходе к аксиологическим и этическим проблемам цифрового образовательного пространства. В результате сформирована модель кодекса профессиональной этики для ТГПУ им. Л. Н. Толстого, построенная с учетом проблем цифровой, профессиональной и корпоративной этики.

Ключевые слова: кодекс профессиональной этики, цифровизация высшего образования, этические принципы, моральная дилемма, алгоритм построения этического кодекса, модель этико-нормативного регулирования.

Yu. V. Nazarova,
*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*
E. N. Chesnova
*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

CODE OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE DIGITAL SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY: PRINCIPLES OF CONSTRUCTION AND EXPERIENCE OF APPROBATION

---

⁴ Статья подготовлена в рамках выполнения: Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества».

The article presents an algorithm for constructing a code of digital ethics, illustrated by the case of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. **The objective** is to develop a model of the code of digital ethics for Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. In formulating the principles of the code of ethics, the authors of the article considered the legal documents (the Federal Law "On Education in the Russian Federation" [21]; the Charter of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University'" [18], "Internal Labor Regulations of TSPU Lev Tolstoy" [12], "Internal Regulations for Students of TSPU Lev Tolstoy" [12], "Collective Agreement of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University'" [1] and other local regulatory documents of the university [See: 7, 8, 9, 11]). The analysis of these documents is key to determining the current principles of professional and corporate ethics, as well as identifying any ethical gaps in them. The issue of these gaps is precisely what the code of digital ethics is designed to address. The scientific novelty of this approach lies in its practical ethical and normative stance towards the axiological and ethical issues inherent to the digital educational space. Consequently, a model of the code of professional ethics for Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University was developed, taking into account the issues pertaining to digital, professional and corporate ethics.

Keywords: code of professional ethics, digitalization of higher education, ethical principles, moral dilemma, algorithm for constructing an ethical code, model of ethical and normative regulation.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-57-76

Актуальность исследования определена необходимостью формирования модели кодекса корпоративной этики для ТГПУ им. Л. Н. Толстого (Университета Льва Толстого), обеспечивающей эффективность этико-нормативного регулирования в процессе цифровизации высшего образования, создания digital-среды. Проблема этико-нормативного регулирования встает перед высшим образованием в контексте новых дилемм этики образования, формирующихся в процессе цифровизации, что требует пересмотра существующих кодексов профессиональной этики. Исследования проблем цифровой этики в пространстве высшего образования, осуществленные в рамках проекта по *государственному заданию Министерства просвещения РФ № 073-00033-24-05 от 23.08.2024 г. «Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества»*, показали, что построение кодекса профессиональной этики в процессе цифровизации высшего образования должно включать в себя такие этапы как: определение моральных предпочтений и ценностей преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, выделенных на основании аксиологического мониторинга, включающего в себя модели дилемм и конфликтов, характерных для цифрового образовательного пространства. Однако, модель кодекса, основанная только на аксиологическом мониторинге, была бы не полной, без учета принципов профессиональной и корпоративной этики. В статье предполагается решить следующие задачи:

1. Провести этико-нормативный анализ документов, лежащих в основе кодексов профессиональной этики в сфере высшего образования (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [21]; Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» [19], «Правила внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н.

Толстого» [13], «Правила внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [12], «Коллективный договор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»» [1] и иные локально-нормативные документы университета [См.: 7, 8, 9, 11]), что позволит произвести *реконструкцию этических оснований* концепции Университета как корпорации.

2. Выделить *этические лакуны* в указанных документах.

3. На основании собранных материалов обозначить *структуру модели кодекса профессиональной этики* ТГПУ им. Л. Н. Толстого, описать основные *структурные элементы* этой модели.

1. *Реконструкция этических оснований концепции Университета, как корпорации.*

Решение первой задачи нашего исследования предполагает анализ рабочих документов: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [21]; Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» [19], «Правила внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [13], «Правила внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [12], «Коллективный договор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»» [1], иные локально-нормативные документы университета: «Положение об официальном сайте ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [7], «Положение об электронной информационно-образовательной среде ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [8], «Положение об электронном портфолио обучающихся по программам высшего образования в ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [9], «Положение о системе внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности по программам высшего образования в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»» [11]. Также необходимо учитывать такие документы, как: «Программа «Приоритет-2030». Министерство науки и высшего образования Российской Федерации» [16], «Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» («Современная цифровая образовательная среда»). Правительство России» [15], «Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»» [17]. Так как данные документы также показывают важность процессов цифровизации в сфере образования, развитие высшего образования подчиняется данным нормативно-правовым документам, входит одной из важнейших целей государственной программы развития «Приоритет 2030». Например, Университета Льва Толстого входит несколько лет в список высших учебных заведений, которые участвуют в

реализации различных стратегических проектов госпрограммы «Приоритет 2030» [См.: 14; 20].

Этический анализ перечисленных документов проводится с целью реконструкции этических оснований корпоративной концепции Университета на основании теории, предложенной в монографии Ю. В. Назаровой «Парламентская этика в России: история и современность» [3]. В рамках экспериментальной части данного исследования представляется важным проведение сравнительного анализа полученных на основании проведенного среди студентов, аспирантов, преподавателей опроса по ценностям и этическим основаниям для формирования концепции Университета. Опрос среди контрольных групп респондентов был ориентирован:

1. на установление представлений о собственных моральных ценностях и ценностях окружения;

2. реконструкцию уровня латентных моральных оценок;

3. сравнение самооценки и оценки аморального поведения;

4. выявление наиболее значимых профессиональных ценностей, оппозиционных ценностей, представляющих «наименьшее зло» (наиболее положительные), негативных эмоций, важных и неприятных качеств в образовательной деятельности, в поведении преподавателя в процессе онлайн обучения;

5. определение моральных представлений членов профессионального сообщества в рамках корпорации (Университета) о: а) должно-дозволенных поступках, б) рекомендуемых поступках, в) запрещенных поступках в процессе цифрового образования, а именно в сфере ценностного отношения к коррупции, субординации, конфликтным ситуациям, преподавательской иерархии в образовательной среде, справедливому оцениванию обучающегося, к повышению научного уровня преподавателя, к идее «преподаватель – это поставщик образовательных услуг» для цифрового образования, приемлемости на современном этапе традиции научной иерархии в профессиональной среде, справедливого доступа и принятия внутрикорпоративных решений организационного (не научного) характера, при распределении благ и обязанностей (критерий распределения – ученая степень или звание) в условиях цифрового университета; выбор приоритета в профессии преподавателя между научным признанием и денежным вознаграждением;

б. выявление представлений о цифровой этикете (имидже преподавателя).

Теоретическая часть исследования опирается на закрепленные в нормативно-правовых актах требования, которые касаются не только правовой, но и нравственной, этической, профессиональной ответственности (например, Федеральный закон N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21] ст. 48, ч. 1, п. 2: «соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики» [21]), но и справедливой, объективной защиты пострадавшего лица, расследования нарушенных интересов в сфере норм профессиональной этики (например, Федеральный закон N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21] ст. 48, ч. 1, п. 2: «соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики» [21]).

Федерации» [21] ст. 47, ч. 3, п. 13). На основании этих статей «Устав» – это учредительный документ образовательного учреждения. Этический кодекс образовательной организации принимается в соответствии с локально-нормативными документами организации: уставом организации, правилами внутреннего трудового распорядка, правилами внутреннего распорядка обучающихся на ученом совете образовательной организации.

Федеральный закон N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» (с учетом последних изменений, редакции от 08.08.2024 г.) с содержит следующие основные понятия, относящиеся к профессиональной этике: «образование» (Ст. 2, п. 1), «воспитание» (Ст. 2, п. 2, «В редакции федеральных законов от 31.07.2020 № 304-ФЗ, от 04.08.2023 № 479-ФЗ, от 25.12.2023 № 685-ФЗ» [21]), «обучение» (Ст. 2, п. 3), «конфликт интересов педагогического работника» [21] (Ст. 2, п. 33). Данные понятия показывают, что образование, воспитание, обучение, деятельность педагогов – это общественно значимое благо, ориентированы на формирование ценностных установок, усвоение «принятых в обществе правил и норм поведения» [21], на интеллектуальное, духовно-нравственное, профессиональное развитие, ценностное, духовно-нравственное развитие личности, мотивации. Большое значение для «Устава образовательного учреждения», этического кодекса образовательной организации имеет описание регулирования конфликтных ситуаций, антикоррупционной составляющей, соблюдение профессионального долга педагогическим работником в образовательной организации. Федеральный закон N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» в рамках принципов государственной политики в сфере образования указывает на «гуманистический характер образования» [21], на роль образования в формировании традиционных ценностей, ответственного отношения, гражданской позиции, творческой личности на основе свободы «выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека» [21], создание необходимых условий для этого, роль педагогического работника в выполнении государственной политики в сфере образования, свободы выбора методов, форм при реализации процесса обучения, воспитания (смотреть подробно - Ст. 3, пункты 3, 7).

«Глава 5. Педагогические, руководящие и иные работники организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [21] Федерального закона N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21] раскрывает академические права и свободы педагогических работников. Например, наибольший интерес для «Устава образовательного учреждения», этического кодекса образовательной организации имеет прописанные в Статье 47, п. 3, частях 1, 2 – академические свободы, Статье 47, п. 3, частях 3, 13 – права педагогических работников, показывающих границы для реализации творческого потенциала, творческой инициативы, профессионального мастерства, оснований выбора «форм, средств, методов обучения и воспитания» [21], прописывают основания для защиты «профессиональной чести и достоинства» [21], справедливого, объективного расследования в рамках выявленных фактов «норм профессиональной этики педагогических

работников» [21]. В Статье 48 прописаны обязанности педагогических работников наибольший интерес для «Устава образовательного учреждения», этического кодекса образовательной организации имеют п.1, части 1 (представленный «в редакции Федерального закона от 25.12.2023 № 685-ФЗ» [21] и дополненный «пунктом - Федеральный закон от 25.12.2023 № 685-ФЗ» [21]), 2, 3, 4 (представленный «в редакции Федерального закона от 25.12.2023 № 685-ФЗ [20]), 5, 6, 7, 8. Так как данные обязанности педагогического работника изначально ориентируют на профессиональный рост, повышение уровня и методик реализации педагогической деятельности, на деятельность в рамках российского законодательства (в том числе если это может привести к конфликту интересов образовательной организации, педагогического работника, не совершать действий, которые противоречат Конституции Российской Федерации), соответствующую «требованиям профессиональной этики» [21], следование своему профессиональному долгу, реализацию инклюзивного образования, выбор форм, методов обучения и воспитания, которые обеспечивают более высокое качество образования, педагогически обоснованы. Немаловажно, что обязанности педагогического работника, закрепленные в данных частях пункта 1 Статьи 48, также соответствуют установкам национальной безопасности государства, это можно найти в «Главе II. Россия в современном мире: тенденции и возможности» [18] в статьях 8, 11, 19, 21, 22, в «Главе III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» в статье 25, в пункте 7, статье 26, в пункте 8, в «Главе IV. Обеспечение национальной безопасности» [18], Раздел «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [18] в статье 33, пункте 14, «Главе IV. Обеспечение национальной безопасности» [18], Раздел «Государственная и общественная безопасность» [18], статье 46, Раздел «Информационная безопасность» [18], Раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [18], статьи 84, 87, 89, 91, 92, 93 (пункты с 1 по 11, с 13 по 14). Содержание данных нормативно-правовых документов ориентированы на формирование, трансляцию, защиту «традиционных духовно-нравственных ценностей» [18] российского общества, «правил и норм поведения» [21], «сохранение российской самобытности, культуры» [18], «сохранение культурного и исторического наследия народа России» [18], на воспитание социально активных граждан, обладающих активной гражданской позицией, самосознанием при реализации обучения и воспитания «детей и молодежи» [18].

Для «Устава образовательного учреждения», этического кодекса образовательной организации, «Правил внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л.Н. Толстого» [12] имеет большое значение и Статья 43, пункт 1, часть 3, 4, пункт 3 («в редакции Федерального закона от 19.12.2023 № 618-ФЗ», с учетом дополнения «частью – Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ» [21]) Федерального закона N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21], где раскрываются ответственность и обязанности обучающихся. Наибольший практический интерес для нашего исследования в

данных локально-нормативных документах имеет ориентация на нравственное, духовное развитие, самосовершенствование, уважение чести и достоинства каждого участника образовательного процесса, запрет на действия, несущие насилие над обучающимися.

При обращении к нормативным актам ТГПУ им. Л. Н. Толстого и формировании «Устава образовательного учреждения», этического кодекса образовательной организации интерес представляют *основные понятия, относящиеся к профессиональной этике, которые содержатся в «Правилах внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого»* [13]. Правила внутреннего трудового распорядка вуза представляют собой перечень основных обязанностей работников университета и студентов; норм трудовой дисциплины работников университета; общий порядок образовательного процесса; порядок поведения и пребывания в университете, а также перечисляют меры ответственности за нарушение правил внутреннего распорядка. Таким образом, меры ответственности за нарушение трудовой дисциплины прописаны в правилах внутреннего распорядка университета, к которым, в поиске мер взыскания и степени вины, должна обращаться этическая комиссия. Создание Кодекса профессиональной этики и следование нормам кодекса может быть обосновано статьей 3 «Основные права и обязанности работников» [13], пунктом «3.2. Работник Университета обязан (С изменениями, принятыми решением ученого совета Университета от 27.08.2020 протокол №9)» [13] в «Правилах внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [13] для добросовестного исполнения в полном объеме своих обязанностей. Трудовые обязанности возлагаются на работника «трудовым договором, должностной инструкцией» [13]. Выполнение трудовых обязанностей предполагает следование требованиям иным локально-нормативным актам, соблюдение законодательства Российской Федерации (Трудовым кодексом РФ, федеральными законами, «законодательством в сфере охраны здоровья» [13]), Коллективным договором, всех нормативных правовых актов имеющих непосредственное отношение к деятельности и функциональным обязанностям работника. Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» [19], «Правила внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [13] во многом повторяют, расширяют применительно к ТГПУ им. Л. Н. Толстого требования, отраженные в Федеральном законе N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21], данные документы являются нормативными основаниями кодекса профессиональной этики университета.

Этический анализ правил внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого

Анализ правил внутреннего трудового распорядка позволил обнаружить следующие правила, так или иначе относящиеся к профессиональной этике. Например, в статье 3 «Основные права и обязанности работников» [13], пунктом «3.2. Работник Университета обязан (С изменениями, принятыми

решением ученого совета Университета от 27.08.2020 протокол №9)» [13] в пункте «3.6.2. соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики; уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений» [13], в пункте «3.6.14. уважать честь, достоинство и иные личные права и свободы обучающихся и других участников образовательных отношений» [13] – *данные формулировки, предполагают этический регламент отношений между работниками университета, реализация педагогическим работником должного нравственного поведения, коренной добродетели профессиональной этики, прикладной этики – уважение человеческого достоинства, запрет харассмента, буллинга, мобинга и иных форм насилия и дискриминации. Это важные положения, так как ключевыми понятиями в рамках развития современного образования являются «педагогика сотрудничества», «уважение человеческого достоинства», «толерантность», «этика человеческих контактов», «конфликтологическая компетентность», предполагающая знание правил «этической защиты», «профессиональная нравственность», «этические принципы делового поведения», «педагогическая деонтология».*

В статье 3 «Основные права и обязанности работников» [13], в пунктах «3.6.3. формировать у обучающихся активную гражданскую позицию, включающую, в том числе, запрет на пропаганду идеологии насилия, экстремизма и терроризма; 3.6.4. развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни; 3.6.5. применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания» [13] – *это может рассматриваться как требования необходимости нравственного воспитания в учебном процессе.*

В статье 3 «Основные права и обязанности работников» [13], часть 7 в пункте «3.2. Работник Университета обязан (С изменениями, принятыми решением ученого совета Университета от 27.08.2020 протокол №9): <...> не разглашать сведения, составляющие государственную тайну (в случае, если работник допущен в установленном порядке к работе со сведениями, составляющими государственную или иную сохраняемую федеральным законом тайну), служебную или коммерческую тайну, а также сведения конфиденциального характера, персональные данные работников, ставшие известными ему в связи с исполнением своих должностных обязанностей» [13] и в статье «5. Рабочее время. режим рабочего времени. Время отдыха» [13] «5.45.5. Работнику запрещено пересылать конфиденциальную информацию компании на личную электронную почту, мессенджеры, в облачное хранилище, а также на личный компьютер с использованием удаленного доступа» - *можно расценить как требование соблюдения профессиональной тайны.*

В статье 3 «Основные права и обязанности работников» [13], часть 8 в пункте «3.2. Работник Университета обязан (С изменениями, принятыми решением ученого совета Университета от 27.08.2020 протокол №9): <...> систематически повышать квалификацию» [13] и в пункте «3.4.4. право на

творческую инициативу, разработку и применение авторских программ и методов обучения и воспитания в пределах реализуемой образовательной программы, отдельного учебного предмета, курса, дисциплины (модуля)» [13] – можно расценить как требование к повышению уровня «служения» профессии, независимого от экономических реалий.

Так как в локальном нормативном документе «Правилах внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л. Н. Толстого» [13] отсутствует раздел, раскрывающий обязанности обучающегося, нами был произведен этический анализ локально-нормативного документа, регламентирующего внутренний распорядок обучающегося.

Этический анализ правил внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л. Н. Толстого

В статье «3. Обязанности обучающихся» [12], в пункте «3.1.6. Проявлять уважение к преподавателям и другим работникам Университета, а также к лицам, обучающимся в Университете. В том числе: – вставать при входе в аудиторию преподавателя, руководителей Университета и факультета; – не допускать действий, препятствующих нормальному проведению всех видов учебных занятий; – при общении с преподавателями и иными работниками Университета быть вежливыми и тактичными; – в случае неоднократного совершения в ходе учебного занятия действий, мешающих его нормальному проведению (или однократного, совершенного в грубой или циничной форме), обучающийся может быть отстранен преподавателем от участия в данном учебном занятии, о чем преподаватель сообщает руководству факультета непосредственно после окончания занятия докладной запиской» [12] – данная формулировка пункта статьи нормативного документа образовательной организации, *намечает должную нравственную ориентацию обучающихся, регламентирует отношения обучающегося к преподавателю, обучающегося к обучающемуся.*

1. Этические лакуны в правилах внутреннего трудового распорядка

Этический анализ истории, структуры, содержания, этических лагун этических кодексов, локально-нормативной базы образовательных организаций проводился нами и ранее [например: 4]. При этическом анализе локально-нормативных документов Университета Льва Толстого были выявлены этические лакуны в правилах, правах и обязанностях педагогических работников:

1. «Этический статус профессии преподавателя университета: его основная этическая цель, задачи, нравственная миссия.
2. Ценности профессии.
3. Этическое обоснование профессионально-академической компетентности преподавателя.
4. Этические критерии научно-исследовательской деятельности.
5. Этический регламент университета – университет – как бизнес-корпорация, или университет, как организация, выполняющая и образовательно-нравственную миссию.

6. Этическое обоснование необходимости повышения профессиональной квалификации преподавателя.
7. Этический регламент взаимоотношений преподавателей университета.
8. Этический регламент взаимоотношений между преподавателями и обучающимися. Критерии диспозиции студент-преподаватель.
9. Конфликт корпоративных интересов университета и профессиональной этики преподавателя.
10. Конфликт личной морали и профессиональной этики преподавателя.
11. Этическое определение границ влияния научного авторитета на других преподавателей или на обучающихся.
12. Определение преподавателя как субъекта этического выбора.
13. Обозначение типовых профессиональных дилемм этического характера.
14. Критерии этического выбора при разрешении моральных дилемм в профессии» [4].
15. Цифровая грамотность и нетэтикет.
16. Имидж педагогического работника для работы онлайн.

*2. Моделирование профессионального этического кодекса
для ТГПУ им. Л. Н. Толстого*

Министерство просвещения Российской Федерации (Минпросвещения России) разработал в 2019 году совместно с Общероссийским Профсоюзом работников народного образования документ: «Письмо Минпросвещения России от 20.08.2019 N ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников»» [6] (далее «Письмо»). Данный документ рекомендовано использовать в работе организации, осуществляющей образовательную деятельность, и закрепить нормы профессиональной этики педагогических работников в локальных нормативных актах, которым должны следовать педагогические работники организации (о чем также указывается и Федеральном законе N 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21]). Сопутствующие рекомендации «Письма» от 20.08.2019 г. № ИП-941/06/484: «предусмотреть в коллективных договорах принятие локальных нормативных актов о нормах профессиональной этики педагогических работников, разработанных с учетом Положения, а сами такие ЛНА – разместить на своих официальных сайтах» [5]. Данные рекомендации выполнялись образовательными организациями, в том числе и в ТГПУ им. Л. Н. Толстого. В был принят «Корпоративный кодекс преподавателей и сотрудников ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (согласован – председателем первичной профсоюзной организации сотрудников ГОУ ВПО ТГПУ им. Л. Н. Толстого М. Е. Архиповым; утверждено – ректором ГОУ ВПО ТГПУ им. Л. Н. Толстого Н.А. Шайденко, принят на заседании Ученого совета ТГПУ им. Л. Н. Толстого 20.01.2021 года). В дальнейшем был разработан и принят на заседании ученого совета университета ТГПУ им. Л.Н. Толстого – протокол № 4 от 30.03.2021 г. «Кодекс профессиональной этики педагогических работников ТГПУ им. Л.Н. Толстого» [2] (подписан

Председателем ученого совета университета ТГПУ им. Л.Н. Толстого – ректором В.А. Паниным). В настоящий момент на сайте ТГПУ им. Л. Н. Толстого не размещен актуальный кодекс профессиональной этики образовательной организации. Также кодекс профессиональной этики образовательной организации предполагает, что при возникновении конфликтных ситуаций, данные вопросы будет решать *Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений*, которая действует на основе принятого образовательной организацией кодекса профессиональной этики и в соответствии с официально принимаемым документом «Положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений». В Университета Льва Толстого ранее было принято на заседании ученого совета университета ТГПУ им. Л.Н. Толстого – протокол № 4 от 30.03.2021 г. «Положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений» ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого» [10] (документ подписан Председателем ученого совета университета ТГПУ им. Л. Н. Толстого – ректором В. А. Паниным). Но на данный момент на сайте ТГПУ им. Л. Н. Толстого также не размещен документ соответствующего содержания.

Тем самым мы считаем это также дополнительным основанием для составления новой модели кодекса образовательной организации. На основании собранных материалов, предполагается составить кодекс профессиональной этики, который будет включать в себя следующие пункты, которые соответствуют современным требованиям образовательного процесса, цифровизации сферы образования:

1. «Этический статус профессии преподавателя университета: его основная этическая цель, задачи, нравственная миссия.
2. Ценности профессии.
3. Этическое обоснование профессионально-академической компетентности преподавателя.
4. Этические критерии научно-исследовательской деятельности.
5. Этический регламент университета – университет – как бизнес-корпорация, или университет, как организация, выполняющая и образовательно-нравственную миссию.
6. Этическое обоснование необходимости повышения профессиональной квалификации преподавателя.
7. Этический регламент взаимоотношений преподавателей университета.
8. Этический регламент взаимоотношений между преподавателями и обучающимися. Критерии диспозиции студент-преподаватель.
9. Конфликт корпоративных интересов университета и профессиональной этики преподавателя.
10. Конфликт личной морали и профессиональной этики преподавателя.
11. Этическое определение границ влияния научного авторитета на других преподавателей или на обучающихся.
12. Определение преподавателя как субъекта этического выбора.

13. Обозначение типовых профессиональных дилемм этического характера.

14. Критерии этического выбора при разрешении моральных дилемм в профессии» [4].

15. Цифровая грамотность и нетэтикет.

16. Имидж педагогического работника для работы онлайн.

Структура кодекса:

Для формирования профессионального этического кодекса образовательной организации важны следующие характеристики:

Тип кодекса – внутрикорпоративный. Предназначен для Университета.

Преамбула – Миссия Университета. Цель Кодекса (моральный выбор; разрешение дилемм). Задачи кодекса.

Ценности профессии – этические стандарты профессии – этические правила.

Этические правила - в образовательной деятельности – в научно-исследовательской деятельности – в административной деятельности.

Типы моральных конфликтов (конфликт индивидуальной морали – корпоративной этики; конфликт профессиональной этики – корпоративной этики). Принципы разрешения конфликтов.

Этическая комиссия – цели, задачи, полномочия.

Преамбула

Этический кодекс содержит минимальный стандарт этически верного профессионального поведения. Разнообразие типов человеческого поведения, богатство вариантов свободного выбора, и, наконец, сам дух академической свободы не могут и не должны быть загнаны в строгие рамки этико-правового регулирования. Однако, описание минимального стандарта поведения дает профессионалу возможность четкого осознания ценностей профессии, ее этических критериев; конкретизирует нравственные цели профессии; обозначает особую нравственную миссию профессии; определяет выбор верного направления при принятии решений. Отличие норм этического кодекса от правовых норм заключается в том, что этический кодекс несет профилактическую функцию, предупреждая возможные этические нарушения, а не наказывая за уже совершенные нарушения. Этический кодекс описывает реальные проблемы профессиональной корпорации, помогает находить оптимальное, с этической точки зрения, решение в конкретных ситуациях. Этический кодекс руководствуется поиском решений, приемлемых для каждого члена корпорации, служит средством достижения всеобщего интереса, во благо корпорации и каждого ее работника. Этический кодекс не статичен, в нем нет четко установленных правил – он обозначает нравственно верные направления этической политики организации, корпорации с учетом выявленных к моменту создания документа этических проблем, дилемм, конфликтных ситуаций. Поэтому этический кодекс постоянно дополняется, изменяется в соответствии с возникающими реальными проблемами и реальными этическими целями и задачами организации, корпорации.

Структура этического кодекса

Этический кодекс – это не только декларация целей, задач и принципов профессии. Практический характер ему придает направленность на конкретные моральные проблемы, что определяет его вариативность и ситуативность. Именно практический, профилактический, вариативный характер кодекса определили выбор следующей структуры:

1. Теоретическая часть.
  - 1.1. Этический регламент Университета.
  - 1.2. Этический статус профессии:
    - 1.2.1 Ценности профессии.
    - 1.2.2. Оппозиция профессиональных ценностей.
    - 1.2.3 Этические принципы профессии.
    - 1.2.4 Профессионально-академическая компетентность.
2. Практическая часть.
  - 2.1. Этические правила профессии.
  - 2.2. Моральные дилеммы в профессиональной деятельности.
  - 2.3. Ситуация конфликта интересов.
  - 2.4. Ситуация морального ressentимента в профессии.
3. Разрешение этических проблем.
  - 3.1. Комиссия по этике.
  - 3.2. Критерии разрешения моральных дилемм.
  - 3.3. Способы разрешения конфликта интересов.
  - 3.4. Способы преодоления морального ressentимента.

Основные понятия профессиональной этики преподавателей и научных работников прописываются согласно Федеральному закону № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [21]: «образование» (Ст. 2, п. 1); «воспитание» (Ст. 2, п. 2, «В редакции федеральных законов от 31.07.2020 № 304-ФЗ, от 04.08.2023 № 479-ФЗ, от 25.12.2023 № 685-ФЗ» [21]); «обучение» (Ст. 2, п. 3); «конфликт интересов педагогического работника» [21] (Ст. 2, п. 33); «академические права и свободы» [21] (Ст. 3, п. 1, ч. 9; Ст. 47, п. 4, п. 5, ч. 1-7); «обязанности педагогических работников» [21] (Ст. 47, п. 6, «в редакции Федерального закона от 29.12.2015 № 389-ФЗ» [21], с учетом дополнения «частью - Федеральный закон от 14.07.2022 № 298-ФЗ» [21], дополнения «частью - Федеральный закон от 14.07.2022 № 298-ФЗ» [21]).

Содержание структурных элементов Кодекса

Этический регламент Университета: общее обоснование этико-педагогических целей и задач Университета.

Этическая политика корпорации: выбор определенной стратегии этического регулирования деятельности работников с целью повышения общественного авторитета корпорации и разрешения внутрикорпоративных задач.

Этический статус профессии: нравственная миссия профессии, в соответствии с целями образования, воспитания и обучения.

Ценности профессии: наиболее важные принципы и критерии профессиональной деятельности, в соответствии с целями нравственной миссии профессии.

Оппозиция профессиональных ценностей: противоречащие ценностям профессии установки, сформированные в рамках профессиональной культуры, профессиональных традиций, мешающие осуществлению профессиональной деятельности и повышению уровня профессионально-академической компетентности.

Этические принципы профессии: общий перечень принципов верного морального поведения в рамках профессии, в соответствии с основными профессиональными ценностями.

Этические правила профессии: минимальные стандарты верного, с профессионально-этической точки зрения, поведения, основанные на профессиональных этических принципах.

Профессионально-академическая компетентность: осуществление профессиональной деятельности на высоком уровне, что подразумевает и соответствие этическим требованиям профессии: профессиональным ценностям; принципам профессионального поведения; критериям верных моральных оценок; правильности морального выбора.

Моральная дилемма в профессиональной деятельности: ситуация морального выбора в рамках конфликта интересов, имеющая два противоположных варианта решения, каждое из которых может быть обосновано с равной степенью значимости.

Конфликт интересов: ситуация, в которой профессионал сталкивается с конфликтом частных (личных) и общественных (профессиональных) интересов.

Этический мониторинг: периодическое тестирование работников университета и обучающихся с целью выявления основных конфликтов этического характера, определения изменения представлений о профессиональных ценностях. Может проводиться как в виде анонимных опросов, так и в форме анализа общественного мнения в СМИ.

Моральный ресентимент в профессии: ценностные иллюзии и некорректные моральные оценки в рамках профессии, приводящие к разнообразным конфликтам и проблемам в определении моральных критериев.

Этическая комиссия: комиссия, состоящая из сотрудников Университета, наделенных научным или общественным авторитетом, которые также могут иметь этическую, психологическую или педагогическую специализацию. *Деятельность Комиссии:* трактовка и дополнение правил Кодекса; консультационная деятельность этического характера; деятельность по разрешению конфликтных ситуаций; выявление этических нарушений; этический мониторинг.

Моральные дилеммы в профессии: Цель профессиональной этики – обозначение ценностей и принципов профессионального поведения для ориентира в ситуации морального выбора. Одна из задач профессионально-этического кодекса – конкретизация критериев морального выбора. Специфика профессии накладывает на преподавателя и научного работника моральную ответственность при выборе того или иного решения в неоднозначных, конфликтных ситуациях. Ниже приведены наиболее частые моральные дилеммы, встречающиеся в современном высшем образовании, которые

определяют представление о целях и задачах профессии; определяют дальнейшее поведение профессионала:

- 1) представление о нравственной цели профессии (профессиональная деятельность как служение ценностям профессии или как способ заработка);
- 2) отношение к коммерциализации высшего образования (университет как бизнес-корпорация или как особая среда интеллектуального и нравственного совершенствования);
- 3) отношение к дегуманизации высшего образования (университет несет исключительно образовательные цели и задачи, или не только образовательные, но и нравственно-воспитательные цели и задачи);
- 4) представления о профессиональном статусе и научной иерархии в профессиональной среде (допустима ли научная иерархия в университетской среде, или необходимо руководствоваться принципом равенства по отношению ко всем профессионалам, независимо от их научного статуса).

Необходимо учитывать, что моральные дилеммы выявляются в ходе этического мониторинга профессиональных конфликтов морального характера. Поэтому перечень дилемм не является закрытым. Критериями разрешения дилемм являются теоретические положения кодекса. Содержание дилемм определяет практическое содержание профессионально-этического кодекса.

Выводы: Таким образом, в рамках данного научного исследования произведен этический анализ федеральных нормативно-правовых документов, являющихся основными, важными для образовательной организации, педагогических работников, локальной нормативной базы ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Выявлены этические лакуны локально-нормативной базы, примеры невыполнения (нарушения) ТГПУ им. Л. Н. Толстого постановления Минпросвещения России. Произведено моделирование профессионального этического кодекса для ТГПУ им. Л. Н. Толстого с учетом происходящих процессов цифровизации образования, выполнения стратегии национальной государственной безопасности, государственных программ и стратегий в области образования, проведенной экспериментальной работы (данных проведенного опроса среди контрольных групп респондентов – студентов, аспирантов, преподавателей). В рамках моделирования профессионального этического кодекса для ТГПУ им. Л. Н. Толстого прописана структура Кодекса, дано теоретическое описание важных структурных элементов Кодекса, раскрыто содержание структурных элементов Кодекса.

Литература

1. Коллективный договор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Kol-dogovor-16.02.24.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

2. Кодекс профессиональной этики педагогических работников ТГПУ им. Л.Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2021. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Назарова Ю. В. Парламентская этика – история и современность : монография. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 264 с.
4. Назарова Ю. В. Система профессиональной этики в высшем образовании: аксиологические предпосылки формирования и перспективы развития // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. Вып. 3 (43). С. 40–48. URL: [https://humanjournal.ru/fb/hum/2022/%E2%84%963\(43\)_2022/40/index.html](https://humanjournal.ru/fb/hum/2022/%E2%84%963(43)_2022/40/index.html) (дата обращения: 28.11.2024).
5. Обновлен кодекс этики педагогических работников // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/1292648/>. Дата публикации: 12.07.2019.
6. Письмо Минпросвещения России от 20.08.2019 г. N ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников» // Кодификация РФ: действующее законодательство Российской Федерации : сайт / ИД «Юрист». М., 2024. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minprosvescheniya-Rossii-ot-20.08.2019-N-IP-941_06_484/ (дата обращения: 17.05.2024).
7. Положение об официальном сайте ТГПУ им. Л.Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-sait-28.09.17.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
8. Положение об электронной информационно-образовательной среде ТГПУ им. Л.Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-eos-28.09.17.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
9. Положение об электронном портфолио обучающихся по программам высшего образования в ТГПУ им. Л. Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-portfolio-28.09.17.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
10. Положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/> (дата обращения: 20.05.2024).
11. Положение о системе внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности по программам высшего образования в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-ocenka-OD-26.12.19.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

12. Правила внутреннего распорядка обучающихся в ТГПУ им. Л. Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pravila-vnytr-raspor-obych-26.01.23.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

13. Правила внутреннего трудового распорядка ТГПУ им. Л.Н. Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pravila-vnytr-trud-rasp-31.08.23.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

14. Приоритет 2030: в Университете Льва Толстого создано новое студенческое конструкторское бюро // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: https://tsput.ru/news/news_university/3693/. Дата публикации: 08.11.2024.

15. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» («Современная цифровая образовательная среда») // Правительство России : офиц. сайт. М., 2024. URL: <http://government.ru/projects/selection/643/> (дата обращения: 15.09.2024).

16. Программа «Приоритет-2030» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : офиц. сайт. М., 2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 15.09.2024).

17. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Система ГАРАНТ : офиц. сайт. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/71670570/paragraph/1:0> (дата обращения: 15.09.2024).

18. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России : офиц. сайт / Администрация Президента России. М., 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.09.2024).

19. Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Ustav-TSPU-04.05.23.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

20. Учёный совет Университета Льва Толстого // ТГПУ им. Л. Н. Толстого : офиц. сайт. Тула, 2024. URL: https://tsput.ru/news/news_university/3581/. Дата публикации: 31.10.2024.

21. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ : принят Государственной Думой 21.12.2012 г. : [в редакции от 08.08.2024 г. : (с учетом Федерального закона от 06.04.2015 № 68-ФЗ; постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2017 № 18-П, от 14.11.2018 № 41-П)] // Официальный интернет-портал правовой информации : гос. система правовой информации. М., 2005–2024. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 09.10.2024).

References

1. Kollektivnyy dogovor federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Tul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. L. N. Tolstogo» [Collective Agreement of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University”]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Kol-dogovor-16.02.24.pdf> (accessed: 09.10.2024).
2. Kodeks professional'noy etiki pedagogicheskikh rabotnikov TGPU im. L. N. Tolstogo [Code of Professional Ethics of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Pedagogical Staff]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2021. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/> (accessed: 20.05.2021).
3. Nazarova Yu. V. Parlamentskaya etika – istoriya i sovremennost' : monografiya [Parliamentary Ethics: Past and Present]. Tula, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo Publ, 2011. 264 s.
4. Nazarova Yu. V. Sistema professional'noy etiki v vysshem obrazovanii: aksiologicheskiye predposylki formirovaniya i perspektivy razvitiya [The System of Professional Ethics in Higher Education: Axiological Formation Prerequisites and Development Prospects]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2022. No. 3 (43). Pp. 40–48. URL: [https://humanjournal.ru/fb/hum/2022/%E2%84%963\(43\)_2022/40/index.html](https://humanjournal.ru/fb/hum/2022/%E2%84%963(43)_2022/40/index.html) (accessed: 28.11.2024). DOI 10.22405/2304-4772-2022-1-3-40-48
5. Obnovlen kodeks etiki pedagogicheskikh rabotnikov [The Code of Ethics of Pedagogical Employees has been updated]. *GARANT.RU*. Publication date: 12.07.2019. URL: <https://www.garant.ru/news/1292648/> (accessed: 09.10.2024).
6. Pis'mo Minprosveshcheniya Rossii ot 20.08.2019 g. N IP-941/06/484 «O primernom polozhenii o normakh professional'noy etiki pedagogicheskikh rabotnikov» [Letter of the Ministry of Education of Russia of 20.08.2019, No IP-941/06/484 “On an exemplary provision on the norms of professional ethics of pedagogical workers”]. *Kodifikatsiya RF: deystvuyushcheye zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii* [Codification of the Russian Federation: current legislation of the Russian Federation]. ID «Yurist» Publ. Moscow, 2024. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minprosvescheniya-Rossii-ot-20.08.2019-N-IP-941_06_484/ (accessed: 17.05.2024).
7. Polozheniye ob ofitsial'nom sayte TGPU im. L. N. Tolstogo [Regulations on the official website of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-sait-28.09.17.pdf> (accessed: 09.10.2024).
8. Polozheniye ob elektronnoy informatsionno-obrazovatel'noy srede TGPU im. L. N. Tolstogo [Regulations on the electronic information and educational environment of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-eos-28.09.17.pdf> (accessed: 09.10.2024).

9. Polozheniye ob elektronnom portfolio obuchayushchikhsya po programam vysshego obrazovaniya v TGPU im. L.N. Tolstogo [Regulations on the e-portfolio of students of higher education programs in Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University] *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-portfolio-28.09.17.pdf> (accessed: 09.10.2024).

10. Polozheniye o komissii po uregulirovaniyu sporov mezhdou uchastnikami obrazovatel'nykh otnosheniy [Regulations on the Commission for Settlement of Disputes between Participants of Educational Relationships]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/> (accessed: 20.05.2024).

11. Polozheniye o sisteme vnutrenney i vneshney otsenki kachestva obrazovatel'noy deyatel'nosti po programam vysshego obrazovaniya v federal'nom gosudarstvennom byudzhetnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego obrazovaniya «Tul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. L.N. Tolstogo» [Regulations on the system of internal and external quality assessment of educational activities in higher education programs at the federal state budgetary educational institution of higher education “Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University”]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pologenie-ocenka-OD-26.12.19.pdf> (accessed: 09.10.2024).

12. Pravila vnutrennego rasporyadka obuchayushchikhsya v TGPU im. L.N. Tolstogo [Internal Regulations of students in Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pravila-vnytr-rasporych-26.01.23.pdf> (accessed: 09.10.2024).

13. Pravila vnutrennego trudovogo rasporyadka TGPU im. L.N. Tolstogo [Internal Labor Regulations of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Pravila-vnytr-trud-rasp-31.08.23.pdf> (accessed: 09.10.2024).

14. Prioritet 2030: v Universitete L'va Tolstogo sozdano novoye studencheskoye konstruktorskoye byuro [Priority 2030: a new student design bureau has been established at Tolstoy University]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Publication date: 08.11.2024. Tula, 2024. URL: https://tsput.ru/news/news_university/3693/ (accessed: 09.10.2024).

15. Prioritetnyy proyekt «Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda v Rossiyskoy Federatsii» («Sovremennaya tsifrovaya obrazovatel'naya sreda») [Priority project “Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation” (“Modern Digital Educational Environment”)]. *Pravitel'stvo Rossii*. Moscow, 2024. URL: <http://government.ru/projects/selection/643/> (accessed: 15.09.2024).

16. Programma «Prioritet-2030» [Priority-2030 Program]. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii*. Moscow, 2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (accessed: 15.09.2024).

17. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 09.05.2017 “On the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017-2030”]. *Sistema GARANT*. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/71670570/paragraph/1:0> (accessed: 15.09.2024).

18. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 N 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. *Prezident Rossii : Administratsiya Prezidenta Rossii*. Moscow, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 15.09.2024).

19. Ustav federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Tul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. L.N. Tolstogo» [Charter of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University”]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: <https://tsput.ru/sveden/document/Ustav-TSPU-04.05.23.pdf> (accessed: 09.10.2024).

20. Uchonyy sovet Universiteta L'va Tolstogo [Tolstoy University Academic Council]. *TGPU im. L. N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University]. Tula, 2024. URL: https://tsput.ru/news/news_university/3581/. Data publikatsii: 31.10.2024.

21. Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 29.12.2012 N 273-FZ : prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 21.12.2012 g. : [v redaktsii ot 08.08.2024 g. : (s uchetom Federal'nogo zakona ot 06.04.2015 № 68-FZ; postanovleniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 05.07.2017 № 18-P, ot 14.11.2018 № 41-P)] [Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012 No 273-FZ : adopted by the State Duma on 21.12.2012. : [as amended on 08.08.2024. : (taking into account the Federal Law of 06.04.2015 No. 68-FZ; resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.07.2017 No. 18-P, 14.11.2018 No. 41-P)]]]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. Moscow, 2005–2024. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (accessed: 09.10.2024).

*Статья поступила в редакцию 13.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024*

*The article was received by the editorial staff 13.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024*

Н. М. Маркова
*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ БОГОСЛОВСКИХ, ФИЛОСОФСКИХ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Интернет и цифровые технологии становятся своего рода «религией» для все большего числа пользователей, которая может стать своеобразным «кумиром», которого почитают и которому поклоняются. Иногда высказываются опасения, что глобальная сеть, объединяющая все человеческие знания посредством гиперссылок, может восприниматься религиозно, тесня традиционные практики общения верующих. Обращается внимание, что основной целью деятельности современных священников-блогеров является «спасение человеческих душ», а также помощь каждому в обретении Спасителя. Именно цифровые технологии позволили в процессе физического дистанцирования преодолеть социальное и религиозное дистанцирование, оказавшись особенно остро востребованным в эпидемию.

Целью статьи является изучение отношения к процессу цифровизации религии со стороны некоторых ученых и представителей духовенства. Новизна исследования заключается в том, что оно намечает путь к диалогу философско-религиоведческого и богословского подходов, отражая позицию как представителей Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), так и философско-религиоведческой мысли. Автором отмечается двойное представление о цифровизации религии, выступающем как «религии в цифре» и «цифры в религии», а также неоднозначность отношения к процессу цифровизации в религии как со стороны представителей РПЦ, так и со стороны современных светских исследователей.

Ключевые слова: религия, цифровизация, Русская Православная Церковь, интернет

N. M. Markova
*Vladimir State University after Alexander and Nikolay Stoletovs
(Vladimir, Russia)*

DIGITALIZATION OF RELIGION: ANALYSIS OF CONTEMPORARY THEOLOGICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS TRENDS

The Internet and digital technologies are becoming a kind of 'religion' for more and more users. It may become a kind of 'idol' to be honoured and worshipped. Sometimes there are concerns that the global network that connects all human knowledge through hyperlinks could displace traditional practices of faith-based communication. The author notes that the main goal of the activities of modern priests-bloggers is "saving human souls", as well as helping everyone to accept the Saviour. It is digital technologies that have made it possible to overcome social and religious distancing in the process of physical distancing, which have proven to be especially in demand during the pandemic.

The purpose of the article is to explore the attitudes of some scholars and clergy towards the digitalisation of religion. The novelty of the study lies in the fact that it outlines the path to a dialogue between philosophical and religious studies and theological approaches, reflecting the position of both representatives of the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC) and philosophical and religious studies thought. The author notes the dual idea of the digitalization of religion, acting as 'religion in digital form' and 'digits in religion', as well as the ambiguity of the attitude to the process of digitalization in religion both on the part of representatives of the ROC and on the part of modern secular researchers.

Keywords: religion, digitalization, Russian Orthodox Church, Internet

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-77-86

Актуальность исследования. Цифровые технологии оказывают значительное влияние на все сферы жизни современного человека, в том числе и религиозную. Меняются способы коммуникации и способы восприятия реальности, происходит трансформация религии в сторону большей ее открытости и доступности, в связи с чем высказываются предположения об изменении формы священства и отказа от офлайн религии в будущем. Так, Е. А. Островская указывает, что в 2014-2016 годах присутствовало «цифровое беспокойство» и «напряженное отношение» к цифровым технологиям со стороны православного клира. Тем не менее, в исследованиях 2020 г. «все чаще констатируется позитивное отношение православных к интернету как среде, открывающей прямой доступ к общению со священниками, фигурируют темы пасторского онлайн служения и образа православных священников в СМИ» [11, с. 46].

Необходимо отметить, что в РПЦ еще пока не существует официально оформленного документа, выражающего позицию относительно цифровизации, хотя частично она была изложена в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.) и на Архиерейском Соборе 4 февраля 2013 г. В «Основах социальной концепции...» не уделяется внимание процессу цифровизации как таковому, но рассматривается взаимоотношение РПЦ со средствами массовой информации, к которым, помимо прочего, относят и Интернет. Признавая возрастающую роль СМИ в современном мире, Русская Православная Церковь призывает СМИ более всего заботиться о «нравственном состоянии личности и общества, что включает в себя раскрытие положительных идеалов, а также борьбу с распространением зла, греха и порока» [10].

В обобщенном виде позиция этой церкви относительно цифровизации, выраженная на Архиерейском Соборе 4 февраля 2013 года, сводится к следующему: «использование цифровых технологий не является актом отступничества от Христа и не является грехом» [16], при этом человек не может подвергаться дискриминации по причине ограничения использования цифровых технологий, поскольку «Церковь считает недопустимыми любые формы принуждения граждан к использованию электронных идентификаторов, автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных и личной конфиденциальной информации» [13] и т.д. Использование цифровых технологий, с позиции РПЦ, делает открытой частную жизнь человека, сужая пространство личной свободы, а также может способствовать «растворению национальной и культурной самобытности страны или народа в процессе глобализации» [13].

Пандемия коронавируса способствовала проникновению цифровых технологий в религиозную сферу, что выразилось в осуществлении онлайн богослужения, онлайн проповеди, онлайн исповеди и т.д., при этом появилось достаточно большое количество священнослужителей-блогеров, активно

ведущих свои интернет-каналы. Все эти мероприятия вводились как вынужденная мера в период карантина и предполагались как временное явление, однако, оказавшись удобными средствами коммуникации и взаимодействия мирян с духовенством, задержались на постоянной основе. Однако, цифровизация в религиозной сфере вызвала неоднозначную реакцию со стороны священнослужителей и церковных администраторов. Так, после завершения локдауна, связанного с коронавирусной инфекцией, председатель синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Московского патриархата Владимир Легойда [3], отмечая широкое использование цифровых технологий в религиозной жизни, указал, тем не менее, на невозможность реализации церковных таинств с помощью цифровых технологий. Онлайн богослужения, по его мнению, не могут выступать альтернативой богослужения, осуществляемого в храме, потому что «таинство, причастие, исповедь – это то, что требует присутствия человека в храме обязательно» [3]. Подобную позицию высказала и А. Семенова, обращая внимание на важность и необходимость общности молитвы в сакральном, освященном месте. Замена службы в храме на просмотр ее в Сети не может быть равнозначной, поскольку представляет собой «эрзац-формат», обусловленный «различными бытовыми условиями верующего человека» [14, с. 91]. Ряд священнослужителей и богословов, высказывая достаточно критичное отношение к цифровизации церкви, отмечали, что онлайн богослужения, будучи «выражением нечестия» [14, с. 91], способствуют формированию «групп по интересам», замыкающихся на своих идеях и предпочтениях, отрываясь от общецерковных проблем. Таким образом участники богослужения становятся простыми зрителями, наблюдающими со стороны. Онлайн богослужения и таинства не могут заменить таинства в реальной жизни, поскольку «литургия – это не зрелище, а личный опыт» [1, с.114–115].

Поскольку цифровые технологии упрочнили свои позиции во всех сферах жизни современного общества, то и религиозные интернет-каналы, и чаты стали легкодоступным средством общения верующих со священнослужителями и распространения Слова Божия в массах. РПЦ обратила внимание и на такое направление цифровизации как религиозное блогерство. По мнению О. Богдановой, практика коммуникации со священнослужителями через «вопрос к духовному авторитету» уходит своими корнями в древнюю церковную традицию, в частности в духовную литературу, представляющую собой трансляцию духовного аскетического опыта. С развитием цифровых технологий подобные практики коммуникации вышли в цифровое пространство.

О. Богданова [2] в рамках своего исследования, разбирая причины, по которым развивается онлайн-коммуникация между священниками и прихожанами, выделяет два аспекта: отклик на запрос аудитории и запрос священства. В рамках отклика на запрос аудитории онлайн-коммуникация может осуществляться как онлайн пастырство, то есть часть миссионерской деятельности, и как ответ на запрос конкретных медиа и церковной администрации. В рамках запроса священства указанным выше автором

выделяются три составляющие: запрос на расширение миссии, связанный с поиском новых форм передачи церковной традиции; на расширение аудитории, связанный с финансированием прихода в котором служит священник, и решение личных проблем, в частности, преодоление личных духовных кризисов через помощь людям. Таким образом, по мнению О. Богдановой причинами возникновения, распространения и широкой популярности сайтов с вопросами к священникам являются в первую очередь личные коммуникативные особенности прихожан (стеснение, страх личного, непосредственного общения), а также определенный кризис приходской коммуникации в сообществе. С развитием цифровых технологий происходит сброс прежних форм и моделей коммуникации, меняется формат существования человека в социальном пространстве, а именно, происходит уменьшение физической включенности, непосредственного присутствия и участия, то есть, цифровизация, по мнению М. Ю. Смирнова [15], способствовала «обнулению» религии. Однако, никакой катастрофы он в этом не видит, поскольку происходит «обнуление нефункциональных институтов и практик и замещение их функциональными для современных искателей религиозных смыслов» [15, с. 142]. Цифровые технологии упрощают, облегчают коммуникацию прихожан со священнослужителями, делают ее более доступной: по сути, человек может «участвовать» в богослужении, не покидая собственного дома, однако, подобный вид коммуникации не может полноценно заменить личностное общение и, тем более, пастырское руководство. Кризис коммуникации приводит к тому, что пользователю становится проще и комфортнее создать свое собственное религиозное пространство, отличающееся гибкостью и изменчивостью, способностью подстраиваться под сиюминутные запросы. Однако, в этом собственном религиозном пространстве, согласно А. Семеновой, не будет самого главного – «универсального смысла бытия» [14, с. 91].

Зампредседателя Синодального отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ В. Крипшидзе обращает внимание на то, что живое человеческое общение прихожан со священнослужителями невозможно заменить никакими виртуальными технологиями, никаким искусственным интеллектом. Никакой чат не заменит проповеди, ответов на пастырские вопросы, поскольку «христианское свидетельство предполагает личное общение одного человека с другим, «не обремененное никакими технологиями»» [6]. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, находит радость и поддержку именно в межличностном общении, поэтому развитие искусственного интеллекта рассматривается В. Крипшидзе как способ «дегуманизации человеческого общения» [6]. Основная угроза, по мнению представителей Русской Православной Церкви и ученых, придерживающихся критического отношения к цифровым технологиям заключается в том, что в процессе цифровизации человек перестает восприниматься как Божье творение, поэтому при оценке информационных (цифровых) технологий на первый план должны выдвигаться не этические, а онтологические проблемы.

При этом медиатизация пастырства расширяет миссионерские возможности Церкви, способствует привлечению аудитории, в том числе и молодежной, к приходской жизни. Медиапрактики миссионерства и кахетизации, как отмечает Е. А. Островская, отличаются разнообразием форм нового языка проповеди и, как следствие, – «продвижение в офлайн новые образа священника и новой версии взаимодействия священник-мирянин» [11, с. 57]. Демонстрируя открытость РПЦ к новым цифровым формам коммуникации, миссионерства и кахетизации Синодальным миссионерским отделом Патриархии был запущен пилотный образовательный курс для священников-блогеров и миссионеров, цель которого видится в том, чтобы «священники в своих блогах не теряли из виду главную цель своей деятельности в блогосфере - проповедь о Христе и тем самым смогли бы избежать излишнего погружения в нецерковную повестку» [4]. Курс направлен на подготовку «профессиональных» священников-блогеров в противовес так называемым «нецерковным священникам», имеющим священническую атрибутику, но при этом зачастую выражающим нецерковную позицию по ряду вопросов, не имея при этом благословения не только на подобного рода высказывания, но и на всю деятельность в блогосфере. Таким образом, по словам протоиерея Игоря Фомина, ратующего за рост «попоблогерства» [4] и священников, занимающихся миссионерской деятельностью через Интернет, выражается забота Церкви о мирянах, поскольку им предоставляется «инструмент распознавания тех батюшек-блогеров, которых она рекомендует» [4]. Иеромонах Дмитрий Першин также видит в священническом блогерстве путь мирян к Церкви: «Блогеры-священники могут стать "указателем" на пути россиян к воцерковлению» [5].

При этом цифровизация как таковая не должна превращаться в сверхценность, цифровые технологии, социальные сети не должны становиться кумиром, которого чтут и которому поклоняются. Многие богословы и ученые опасаются, того, что Интернет становится своего рода религией для большого числа пользователей. Интернет даже получил своего покровителя, которым в 1999 году католической церковью был признан св. Исидор Севильский, «Святой Исидор, бывший епископ Севильский, направлен католической церковью в интернет как миссионер в новые земли» [8]. По мнению ряда авторов, сама Глобальная Сеть, объединяющая все человеческие знания посредством гиперссылок, может восприниматься религиозно: «Сейчас, если...мы обладаем всей человеческой мудростью, связанной вместе объединяющей паутиной или структурой, это может быть аналогом библейской идеи Слова. Таким образом, не можно ли говорить о том, что в начале была Сеть?» [8, с. 73]. По мнению А. Семеновича цифровое общество может привести к тому, что у каждого пользователя появится свой Бог, что приведет к фатальной разобщенности всего общества, его деградации и примитивизму, но иного рода, нежели, чем это было в первобытной архаике. Если политеизм примитивного общества предполагал объединение племени для поклонения сверхъестественным силам, богам, то политеизм информационного цифрового

общества, по мнению этого автора, приведет к «дискредитации ценностей, отсутствию идентичности с другими в миропонимании» [14, с. 92].

О недопустимости зависимости от Интернета среди священнослужителей высказался и патриарх Московский и всея Руси Кирилл, рекомендуя интернет-зависимым священникам либо отказаться от Интернета, либо оставить свой сан. Акцентируя внимания на том, что основной целью деятельности священников-блогеров является «спасение человеческих душ», а также помощь человеку в обретении Спасителя, патриарх отметил, что Интернет для священников – это не место, где тот «демонстрирует свои интеллектуальные способности, не место, где он производит впечатление, не место, где он собирает лайки» [12].

В Сети пользователь оказывается в новом мире, идеальном месте, состоящим из красивых, умных и интересных людей, живущих насыщенной и полной радостных событий жизнью, людей, знающих ответы на все вопросы, умеющих справиться с любой жизненной ситуацией, не унывающих или, наоборот, несчастных, несправедливо обиженных и требующих немедленного сострадания, и сопереживания. Этот мир затягивает, при этом зачастую человек, погруженный в этот мир, перестает жить своей реальной жизнью. Жизнь в Сети выглядит настолько идеальной и правильной, что своя реальная жизнь воспринимается скучной и безрадостной, не заслуживающей внимания. Жизнь из Глобальной Сети представляется как высшая реальность, сверхценное инобытие, находящееся вне границ обыденного существования и доминирующее над ним. По этой причине не всегда может наступать осознание того, что жизнь, представленная в Сети, не реальна, но постановочна и искусственно создана с одной лишь целью, чтобы привлечь как можно больше подписчиков, приносящих не только популярность, но, и в первую очередь, доход.

Цифровые технологии делают человека менее зависимым от пространства и времени, высвобождая «ресурсы для свободного творческого самоопределения каждого человека в общении с Божественными Лицами и человеческими личностями» [17, с. 74]. Благодаря цифровой среде человек получает большую свободу выбора, оставляя в поле своего внимания только то, что интересно, привлекательно, забавно и, наоборот, не получая негативную, неинтересную, непонятную информацию: «мы постепенно приобретаем линейный тип мышления» [14, с. 88]. Цифровые технологии не способны дать ответ на смыслообразующие вопросы: о смысле жизни, о завершении бытия, неразрешимости морально-этических проблем не как некотором единичном событии, а как «полностью присутствующем интегральном даре бытия существам» [7, с. 44].

Заключение.

Цифровизация религии представляется с двух сторон: с одной стороны, цифра, очень активно проникающая во все сферы человеческого бытия, затрагивает и религиозную сферу и, с другой – религия также попадает в цифровое пространство. Цифровизация в религии выражается в следующих формах: онлайн молитва, онлайн евхаристия, виртуальное паломничество,

онлайн медитация и др. Религия же в цифровом пространстве, как указывает религиовед А. П. Забияко [8], в большей степени существует информационно: пользователи Сети могут получить информацию об особенностях вероучения не только своей религии, но и о других религиозных системах. В то же время активное использование цифровых технологий, особенно в период пандемии коронавируса, показало ряд проблем, с которыми столкнулась Церковь. В первую очередь, это уменьшение количества прихожан, лично посещающих церковь, благодаря возможности взаимодействовать с Церковью дистанционно. И если, по мнению А. Байрактариса, в средневековье существовал «богословский спор о реальном присутствии Христа в евхаристии, а в наши дни – нынешний диалог о реальном отсутствии верующих в храме Божьем» [1, с. 115]. Кроме того, процесс цифровизации в религии показал существующий коммуникационный кризис в сообществе верующих: онлайн общение стало более предпочтительным, чем непосредственное живое общение или участие в богослужении. Обозначилась тенденция к индивидуалистическому способу исполнения религиозного культа. Другими словами, цифровизация предстала в образе зеркала, отражающего все проблемы, надежды и чаяния Церкви, направляя ее к истокам и размышлениям о том, «насколько она соответствует своему собственному представлению о себе» [14, с. 107].

М. М. Мчедлова [9] в своем исследовании указала на опасения, связанные с цифровизацией религии, высказываемые со стороны экспертов и богословов. Во-первых, это опасения относительно тотального цифрового контроля, что, согласно христианским источникам вероучения, неминуемо приведет к концу света. Во-вторых, по мнению представителей РПЦ, таинства перестанут быть таинствами в полном смысле этого слова, т.е. «секретными», поскольку не существует гарантии конфиденциальности и защиты информации. В-третьих, существует опасность утраты духовного лидерства со стороны религиозных организаций. И, в-четвертых, оказание религиозных услуг онлайн рассматривается как самоуничтожение религиозных организаций. Все это свидетельствует зачастую о неверном понимании самого процесса цифровизации, поскольку высказанные представителями РПЦ и религиоведами опасения свидетельствуют об отождествлении цифровизации с цифровой трансформацией и оцифровкой данных или объектов.

Несмотря на все опасения, высказывающиеся представителями РПЦ и рядом ученых, цифровые технологии открыли для Церкви новые возможности общения с паствой и ведения миссионерской деятельности, позволили прихожанам остаться «внутри» сообщества в период локдауна, когда все социально и религиозно-значимые объекты были недоступны для физического присутствия. Цифровые технологии позволили в процессе физического дистанцирования преодолеть социальное и религиозное дистанцирование.

Литература

1. Байрактарис А. Вовлеченность христиан в современные технологии: вызовы пандемии // Религия в цифровом обществе. М.: Изд-во ББИ, 2024. С. 109–118.
2. Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. № 2 (38). С. 207–231.
3. В РПЦ высказались о цифровизации религиозной жизни // РИА Новости : сетевое издание. URL: <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html> . Дата публикации: 14.10.2021.
4. Киселева А., Крюков В., Игнатъев Д. В РПЦ запустили школу блогеров для священников // Ведомости : сетевое издание. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/11/1024508-v-rpts-zapustili-shkolu-blogerov-dlya-svyaschennikov>. Дата публикации: 11.03.2024.
5. Грутов Н. В РПЦ заявили, что блогеры-священники помогут россиянам воцерковиться // НСН : сайт информ. агентства. URL: <https://nsn.fm/society/v-rpts-zayavili-chto-blogery-svyaschenniki-pomogut-rossiyanam-votserkovitsya> . Дата публикации: 11.03.2024.
6. В Русской Православной Церкви заявили о невозможности замены общения верующих со священником технологиями ИИ // ТАСС : сайт информ. агентства. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17226079>. Дата публикации: 09.03.2023.
7. Давыдов О. Дар присутствия: богословская метафизика языка // Религия в цифровом обществе. М.: Изд-во ББИ, 2024. С. 43–46.
8. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций : монография / А. П. Забияко [и др.]. Благовещенск: АмГУ, 2012. 208 с. (Б-ка журнала «Религиоведение»).
9. Мчедлова М. М. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. С. 462–483.
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского патриархата. М., 2005–2024. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/419128.html>. Дата размещения: 09.06.2008.
11. Островская Е. А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 1. С. 44–59.
12. Патриарх поставил священникам-блогерам ультиматум // Вести.Ру : сетевое издание. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/3238993> . Дата публикации: 08.03.2023.
13. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 2-5 февраля 2013 г. : Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского патриархата. М., 2005–2024. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html>. Дата публикации: 04.02.2013.
14. Семенова А. Человек, цифра, смысл // Религия в цифровом обществе. М.: Изд-во ББИ, 2024. С. 85–98.

15. Смирнов М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.

16. Цифровизация // Азбука Веры : интернет-портал. URL: <https://azbyka.ru/cifrovizaciya> (дата обращения: 20.10.2024).

17. Чурсанов С. Личность и межличностное общение в цифровом информационно-коммуникативном пространстве: богословский взгляд // Религия в цифровом обществе. М.: Изд-во ББИ, 2024. С. 65–84.

References

1. Bayraktaris A. Vovlechyonnost khristian v sovremennyye tekhnologii: vyzovy pandemii [Christian Engagement with Modern Technology: The Challenges of the Pandemic]. *Religiya v tsifrovom obshchestve* [Religion in a Digital Society]. Moscow. Izd-vo BBI Publ., 2024. Pp.109–118. [In Russian]

2. Bogdanova O. Mediatizatsiya pastyrstva v Russkoy pravoslavnoy tserkvi: predposylki formirovaniya saytov s voprosami svyashchenniku [Mediatization of pastoral care in the Russian Orthodox Church: reasons behind “Ask the priest” websites]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2020. No.2(38). Pp. 207–231. [In Russian]

3. V RPTS vyskazalis o tsifrovizatsii religioznoy zhizni [The Russian Orthodox Church speaks out on the religious life digitalization]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html> [In Russian]

4. Kiseleva A., Kryukov V., Ignat'yev D. V RPTS zapustili shkolu blogerov dlya svyashchennikov [The Russian Orthodox Church launches a school of bloggers for priests]. *Vedomosti* URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/11/1024508-v-rpts-zapustili-shkolu-bloggerov-dlya-svyaschennikov> . [In Russian]

5. Grutov N. V RPTS zayavili, chto blogery-svyashchenniki pomogut rossiyanam votserkovitsya [The Russian Orthodox Church states that blogger-priests will help Russians become churchgoers]. *NSN*. URL: <https://nsn.fm/society/v-rpts-zayavili-cto-blogery-svyaschenniki-pomogut-rossiyanam-votserkovitsya> [In Russian]

6. V Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi zayavili o nevozmozhnosti zameny obshcheniya veruyushchikh so svyashchennikom tekhnologiyami II [The Russian Orthodox Church states that it is impossible to replace communication between believers and priests with AI technologies]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17226079>. [In Russian]

7. Davydov O. Dar prisutstviya: bogoslovskaya metafizika yazyka [The Gift of Presence: The Theological Metaphysics of Language]. *Religiya v tsifrovom obshchestve* [Religion in a Digital Society]. Moscow. Izd-vo BBI Publ., 2024. Pp.43 – 46. [In Russian]

8. Zabiyaiko A. P., Voronkova E. A., Lapin A. V., Pratyina D. A. i dr. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyberreligion: Science as a Factor in Religious Transformations]. Blagoveshchensk. AmGU Publ., 2012. 208 p. [In Russian]

9. Mchedlova M. M. *Religiya v usloviyakh pandemii: otnosheniye k tsifrovizatsii religioznykh praktik* [Religion in the context of a pandemic: attitude to the digitalization of religious practices]. *Rossiya reformiruiushchayasya* [Russia undergoing reform]. 2021. No. 19. Pp. 462–483. [In Russian]
10. *Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov* [Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/419128.html>. [In Russian]
11. Ostrovskaya E. A. *Missiya vypolnima: pravoslavnyye batyushki-blogery* [Mission Possible: Russian Orthodox Priest Blogs]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kultura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2021. Vol.5. No.1. Pp.44–59. [In Russian]
12. Patriarkh postavil svyashchennikam-blogeram ultimatum [Patriarch gives ultimatum to priest-bloggers]. *Vesti.Ru*. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/3238993> [In Russian]
13. *Pozitsiya Tserkvi v svyazi s razvitiyem tekhnologiy uchyota i obrabotki personalnykh dannykh* [The Church's position in connection with the development of technologies for recording and processing personal data]. *Osvyashchenny Arkhiereiskiy Sobor Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov* [Holy Bishops' Council of the Russian Orthodox Church. Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html> [In Russian]
14. Semenova A. *Chelovek, tsifra, smysl* [Human, digital character, meaning]. *Religiya v tsifrovom obshchestve* [Religion in a Digital Society]. Moscow. Izd-vo BBI Publ., 2024. Pp.85–98. [In Russian]
15. Smirnov M. Yu. *Tsifrovizatsiya kak «obnuleniye» religiyi* [Digitalization as a “zeroing out” of religion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2019. No.3. Pp.137–145. [In Russian]
16. *Tsifrovizatsiya* [Digitalization]. *Azbuka Very*. URL: <https://azbyka.ru/cifrovizaciya> (accessed: 20 October 2024) [In Russian]
17. Chursanov S. *Lichnost i mezhlichnostnoye obshcheniye v tsifrovom informatsionno-kommunikativnom prostranstve: bogoslovskiy vzglyad* [Personality and Interpersonal Communication in the Digital Information and Communication Space: A Theological View]. *Religiya v tsifrovom obshchestve* [Religion in a Digital Society]. Moscow. Izd-vo BBI Publ., 2024. Pp. 65–84 [In Russian]

*Статья поступила в редакцию 15.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024*

*The article was received by the editorial staff 15.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024*

Цифровизация и религия

Ю. Г. Матушанская

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

В. С. Шапоров

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Казанская епархия Московского Патриархата

Русской Православной Церкви

МЕТОДЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАБОТЕ С ПСИХОЛОГОЗАВИСИМЫМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Целью данной статьи является характеристика работы Русской Православной Церкви с людьми с психологической зависимостью (в основном с алкоголезависимыми) в эпоху цифровизации в историко-культурном контексте. Новизна статьи состоит в том, что в ней история и комплексность проблемы зависимости сочетается со сложностью современных реалий, связанных с взаимодействием с сетью интернет и появлением искусственного интеллекта. В результате были сформулированы основные выводы исследования, показано, что, несмотря на то, что цифровое общение таит в себе достаточно опасностей и не может полноценно заменить общение в несетевой реальности, адаптация к новым реалиям может принести пользу в деле борьбы с зависимостью, если сочетать уже устоявшиеся методы работы с новыми ее формами, такими как онлайн-консультации, ведение блогов и др.

Ключевые слова: религия, цифровизация, искусственный интеллект, психологическая зависимость, алкоголизм, Русская православная церковь.

Yu. G. Matushanskaya

Kazan (Volga-Region) Federal University

(Russia, Kazan)

V. S. Shaporov

Kazan (Volga-Region) Federal University

Diocese of Kazan of the Russian Orthodox Church

(Russia, Kazan)

METHODS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN WORKING WITH PSYCHOLOGICALLY DEPENDENTS UNDER CONDITIONS OF DIGITALIZATION

The purpose of this article is to describe the work of the Russian Orthodox Church with people with psychologically dependent people (mainly alcohol-addicts) in the era of digitalization in a historical and cultural context. The novelty of the article lies in the fact that it combines history and complexity of the addiction problem with the complexity of modern realities related to interaction with the Internet and the emergence of artificial intelligence. As a result, the author formulates the main conclusions of the study and shows that adaptation to new realities can be beneficial in combating addiction if you combine existing methods of work with new forms of it, such as online consulting, blogging, etc.

Keywords: religion, digitalization, artificial intelligence, psychological addiction, alcoholism, Russian Orthodox Church.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-87-97

Актуальность исследования. Современный мир с его изменчивой реальностью, тем не менее, не освободил нас от страхов и психологических проблем. В какой-то мере даже усилил их. Актуальной остается проблема борьбы с психологическими зависимостями, такими как алкоголизм и наркомания. Мир с невероятной скоростью меняется. Эти перемены ни к лучшему, ни к худшему, они просто являются следствием научно-технического прогресса. Техника, изначально являвшаяся продолжением человека, дошла до качественного скачка, проявившегося в появлении искусственного интеллекта. Уже с появлением сети интернет мир стал еще более эгалитарным. Это выразилось, в том числе и в том, что каждый, заведя свой блог в сети, может стать масс-медиа и влиять на ход событий в мире. Хотя просчитать с точностью, что «выстрелит», зачастую не получается. Мир стал менее стабилен. И эта нестабильность так или иначе давит на психику. Не все умеют адаптироваться к новой среде. Поэтому появляются новые факторы для появления психологической зависимости от игр, а также наркотиков и алкоголя. Но, несмотря на перемены, библейские ценности остаются теми же на протяжении столетий. Хотя может некоторым образом меняться их интерпретация. Также меняются методы и подходы к работе с людьми. Эта статья призывает не демонизировать современную цифровую реальность, а адаптироваться к ней в работе с людьми с психологической зависимостью, так как это делают представители МП РПЦ в российском городе Казани, что является весьма актуальным в наше время.

Целью данной статьи является характеристика работы Русской Православной Церкви с людьми с психологической зависимостью (в основном с алкоголезависимыми) в эпоху цифровизации в историко-культурном контексте.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих исследовательских задач:

1. Охарактеризовать современную эпоху цифровизации.
2. Дать историко-культурный анализ проблемы психологической зависимости от психотропных веществ, особенно алкоголя.
3. Исследовать деятельность Обществ трезвости в мире в период XIX – начала XX в.
4. Выявить причины неэффективной борьбы с алкоголизмом в России в советский период.
5. Раскрыть специфику современных христианских групп Анонимных Алкоголиков и работы с людьми с психологической зависимостью и созависимыми, в том числе в РПЦ.
6. Показать на примере казанских православных организаций эффективное использование преимуществ сети интернет для работы с людьми с психологической зависимостью, несмотря на некоторые негативные аспекты цифровизации.

Для анализа влияния цифровизации на жизнь обычного человека обратимся к теоретикам, описывающим этот процесс. Так, Н. Луман считает, что единство информации формируется социальной (общество) или

психической (личность) системой через коммуникацию и восприятие [11, с. 35]. Прыжок из «классических» масс-медиа в масс-медиа эпохи искусственного интеллекта идет через интернет-медиа, когда в идеале каждый коммуницирует с каждым без посредничества интерпретаторов. Каждый блогер сам себе газета. И тут возникают проблемы с новой этикой взаимоотношений в интернете, которая до сих пор разрабатывается, проходя путем проб и ошибок путь от первобытной дикости до цивилизованности. Как пишет В. В. Савчук, шаг от медиального к цифровому повороту соответствует логике дематериализации условий существования человека [14].

И. И. Кеосиди рассматривает вопрос применимости концепции Н. Лумана «Вычислительного Левиафана» к современному обществу [7]. Луман развивает гоббсовскую идею «вычислительного Левиафана» как метафору для описания сложности современного общества. Н. Чейтер [16] справедливо указывает на то, вычислительные технологии изменяют восприятие и коммуникацию. Дж. Хаммонд приводит примеры потенциально возможного будущего в контексте «эффекта бабочки», где незначительное изменение поведения, одного субъекта общества приводит к гигантским изменениям в жизни всего общества [17]. Именно это и делает возможным коммуникация в сети интернет. Мир меняется и данная ситуация возможна именно в точке бифуркации, когда мир выбирает куда двигаться дальше. Непостоянство и сложность современного мира вызывает тревогу и чувство вины за нечаянно «убитых бабочек», что приводит к увеличению психологической зависимости, которая ассоциируется со стабильностью в мире эскапизма. На сегодняшний день известно достаточное количество видов психологической зависимости. Это и традиционные виды зависимости, такие как алкоголизм и табакокурение, наркомания, игровая зависимость и др. и новые, такие как зависимость от мобильного телефона, например. Часто зависимость бывает не только психологическая, но и химическая. Этот аспект в нашем исследовании мы затрагивать не будем, хотя понятно, что он есть.

Для понимания природы явления зависимости необходим небольшой экскурс в историю проблемы. Употребление алкоголя и психотропных веществ известно давно, как и борьба с этим социальным злом также имеет давнюю историю. На Древнем Востоке и в античном мире были известны характеристики воздействия на организм различных психотропных веществ [4, с. 498]. Жители Евразии начали изготавливать слабоградусные алкогольные напитки (пиво, мед), а позднее в южных регионах и виноградное вино [1, с. 117]. В Библии о первом употреблении алкоголя написано в повествовании о Ное в книге Бытия 9 гл. Сам алкоголизм в Ветхом завете не осуждается, но ярко показаны причины и последствия. Обычно обращают внимание только на последствия. Человек в алкогольном опьянении беззащитен. Патриарх Ной за то, что он оказался голым на виду у людей, подвергся осмеянию собственного сына Хама (в результате этой библейской истории слово «хам» стало нарицательным). Явное зло от пьянства – это бесчестие. Но, если внимательнее присмотреться к библейскому повествованию, то видны и причины срыва. Они

были в очень большой ответственности во время плавания Ковчега, которую, по всей видимости, не так легко было вынести.

Первые следы алкогольной символики можно обнаружить у жителей Крита во II тысячелетии до н.э. Они любили пиво (в этом можно проследить влияние Египта), что отразилось в узорах в виде ячменных колосьев [10, с. 16]. Богу виноделия Дионису были посвящены мистерии, а также драматические и поэтические произведения, например трагедия Еврипида «Вакханки». В этой трагедии рассказывается, как опьяненные женщины разодрали на части тело правителя, пренебрежительно относившегося к почитанию Диониса. Во главе вакханок оказалась мать правителя, не помнившая потом, как она это сделала. Для древних греков важна была категория меры. В равной мере надо было отдавать дань уважения богам. Правитель поплатился за неуважение к богу опьянения, что весьма трагично. Понятно, что мораль «Вакханок» не приемлема для христианского мировоззрения.

Первоначально возникает алкоголизм обрядовый и бытовой, который появляется при проведении пиров для поддержания духа дружины древнего или средневекового воинства. Так, например, знамениты пиры викингов в честь той или иной победы. Шаманы также часто употребляли наркотические и опьяняющие средства для погружения в транс. В данных случаях принятие алкоголя трактовалось с положительной коннотацией, но уже у Гиппократов пьянство рассматривается как болезненное явление. Термин «алкоголизм» ввел М. Гаусс в 1861 г. в труде «Хронический алкоголизм или хроническая алкогольная болезнь». Сегодня алкоголизм считается сложным заболеванием с физическими и психическими симптомами, имеющее негативные последствия в социальной жизни человека [5, с. 6].

С развитием цивилизации появляется столовый или буржуазный алкоголизм. В этом случае алкоголь употребляется для удовольствия, вне связи с обрядом. Подъем и даже взрыв употребления алкоголя произошел в городах и деревнях Европы в XIV – XVIII вв. и особенно в XIX – начале XX века. При этом особенно опасным для здоровья оказалось употребление алкоголя в странах Северной Европы, таких как Финляндия, Швеция, Норвегия, а также в России. В этих странах традиционно производился крепкий алкоголь, который воздействует быстрее и вред здоровью наносит больший, чем южное вино [1, с. 117-118].

Наркомания как проблема была осознана в Европе начала XIX в. На популярность наркотиков повлияла публикация «Исповеди» английского поэта Томаса де Куинси, который описывал в них свое состояние после употребления опиума, принимаемом им с целью лечения от алкоголизма. Поэтическое описание Куинси своего опыта привело к появлению многочисленных подражателей. Вторая вспышка распространения наркомании приходится на годы Франко-прусской войны (1870–1871). Рост наркомании связан с изобретением шприца, а также широкого применения наркотических средств в медицине [4, с. 449]. Но в то время алкоголь в странах с европейской культурой виделся большей проблемой, чем наркомания.

С началом промышленной революции в странах Европы и Северной Америке начали борьбу с алкогольной зависимостью. В XIX веке некоторые страны запретили ввоз алкоголя на территории проживания народов, у которых не было иммунитета к потреблению алкоголя. В России такими народами являются коренные народы Сибири и Дальнего Востока, в Америке - индейцы. В 1810-1870 гг. в большинстве стран Европы (кроме Южной Европы с традиционным промышленным виноделием) и в Северной Америке возникают общества трезвости. В 1830-1880 гг. появляются движения за полную трезвость, против употребления любых спиртных напитков. Для учредителей и участников этих обществ это было не только средством избавления от зависимости, но и обретения смысла жизни. Общества были как христианские (протестантские, католические, православные), так и иные, например масонские (International Order of Good Temples) [1, с. 119]. В 1889 году появилось Казанское общество трезвости. Его лозунг был «Водка сильна, но сильнее воля твоя» [10, с. 44]. К началу 1911 года трезвенническое движение существовало в девяти странах Европы, России и США. В нем участвовало более 3,7 млн. человек. В результате их деятельности было введено антиалкогольное просвещение в школах, ограничен доступ к алкоголю на некоторых территориях, вплоть до введения Сухого закона в США в начале XX в. (какими бы противоречивыми ни были его результаты) [1, С.119]. Основную роль в обществах трезвости играли христиане.

Антиалкогольная государственная политика в первые годы советской власти подкреплялась «сухим законом». В. И. Ленин считал, что пролетарий не нуждается в алкогольном опьянении [15, с. 50]. В декабре 1919 года декретом Совнаркома «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» предприятия по изготовлению спиртного были национализированы [8, с. 40]. Постановление Совнаркома РСФСР от 20.10.1920 запретило изготавливать и продавать алкогольную продукцию без официального разрешения. Однако, по мнению И. В. Сталина, торговля спиртными напитками была необходима для развития индустрии в СССР. Доходы от нее шли на индустриализацию страны. В результате рост пьянства заставил Ленсовет в 1926 году создать первые в стране вытрезвители [8, с. 41]. С 1950-х по 1990-е с переменным успехом потребление алкоголя в СССР росло, не смотря на антиалкогольную кампанию 1986-1988 гг. [13]. Это показывает, что исключительно материальные рычаги воздействия в данном случае работают плохо. Нужен другой подход.

Не осталась в стороне от борьбы за трезвость и христианская церковь. Во времена перестройки в Россию вместе с протестантскими миссионерами пришли и представители протестантских обществ трезвости. Движение Анонимных алкоголиков возникло в США в 1935 году. Эта программа является внеконфессиональной, хотя возникла в протестантской среде. Стреленъ этой программы концепция «12 шагов», которая включает в себя самые общие принципы, приемлемые для представителей всех религий. Православные группы Анонимных алкоголиков собираются и при православных церквях.

Такая группа существует при Даниловом монастыре. В 2007 году был даже подготовлен документ «Православная церковь и программа «12 шагов». Опыт Данилова монастыря» [12]. Одной из основ концепции «12 шагов» является преодоление стыда и рассказ о себе и своих проблемах. Саморазоблачение является одним из действенных методов борьбы с психологической зависимостью [6, с. 178]. При этом необходимо выбрать значимого человека, коим может стать духовник, священник православной церкви.

С точки зрения психологии причиной алкоголизма является, в том числе, и внутриличностный конфликт, с которым человек не справляется без алкоголя [5, с. 31]. Б. С. Братусь считает, что причиной алкоголизма является неправильный способ решения неизбежных противоречий между желаемым и действительностью [2]. Здесь остается место для проповеди моралистов, как светских, так и религиозных. Н. Луман пишет, что императив «moral intelligence» включает требование сопротивляться определенным условиям, выдерживать трудности, а в случае необходимости - ломать правила. В конечном счете, должно остаться распознаваемым, что является хорошим, а кто плохим. То, что в виде реальности не получает достаточной значимости, предлагается в виде морали, в виде требований [11, с. 124].

Как пример христианского и гуманного отношения к людям с алкогольной зависимостью можно привести Миннесотскую модель:

1. Относиться к алкоголикам и аддиктам (людям, которых тянет к алкоголю) с достоинством и уважением.

2. Относиться к алкоголизму как к первичному расстройству, а не как к симптому других личностных проблем.

3. Относиться к алкоголизму как к хронической болезни, которую невозможно исцелить полностью, а можно только справиться с ней, то есть учить людей справляться с проблемой, а не избавляться от нее.

4. Относиться к аддикту как к целостной личности, которая втянута в болезнь на разных уровнях: эмоциональном, интеллектуальном, социальном, физическом и духовном.

5. Оказывать полноценную помощь со всех сторон, начиная с детоксикации и заканчивая семейной и духовной терапией.

6. Привлекать к работе талантливых людей из самых разных областей – терапевтов, консультантов, священников, клерков, бывших алкоголиков.

7. Лечить, основываясь на концепции «12 шагов», помогая сохранять абсолютную трезвость.

8. Позволять аддиктам лечиться друг у друга методами реабилитации и восстановления [6, с. 190].

Сложность коммуникативной ситуации в современную эпоху усугубилась с появлением искусственного интеллекта. Существует множество этических проблем, связанных с этим явлением, часть которых еще даже не осознана. Т. Г. Лешкевич использует понятие «актант» [9], которого в общем можно определить как субъект или объект действия в сети [3]. Деятельность человека проявляется в интернете в интеграции с актантами. Человек как

субъект внесетевой коммуникации рефлексивен и интенционален, что уходит в интернет коммуникации. Актантом может быть как некоторое проявление человека, так и, например, бот. Появления актанта в сети уравнивает человека и не-человека.

Учитывая сложности все же необходимо осваивать эту территорию, в том числе и для работы с зависимыми людьми. Понятно, что живое общение людей в несетевой реальности не заменить, но, тем не менее, использование сети интернет, в том числе месенджеров и сетевых платформ в наше время неизбежно, если мы хотим задействовать все слои реальности и адаптироваться к будущим изменениям мира. В качестве примеров такого взаимодействия можно привести казанские православные сообщества, работающие с нарко- и -алкоголезависимыми. Так, в Казани работой с людьми с психологической зависимостью, в основном с алкоголезависимыми, работает Иеромонах Владислав Шапоров, председатель отдела Казанской епархии по противодействию наркомании и утверждению трезвости, настоятель храма святителя Варсонофия г. Казани. Отец Владислав ведет страничку в ВКонтакте и Телеграм-канал. А также консультации с созависимыми в Телеграм.

23 марта 2023 г. Казанская автономная некоммерческая организация «Дом трудолюбия Иоанна Кронштадтского» создала межрегиональный координационный центр «Трезвление». Группа имеет свою страничку в ВКонтакте. Как можно прочитать на их страничке, основными целями и задачами МКЦ «ТРЕЗВЕНИЕ» в соответствии с Уставом АНО «Дом трудолюбия Иоанна Кронштадтского» являются: активная поддержка всех инициатив государства и общественности по утверждению трезвого и здорового образа жизни в соответствии с государственными программами в этом направлении, оказание социальной помощи среди различных слоев населения; пропаганда трезвого и здорового образа жизни; объединение совместных усилий государственных, общественных, религиозных и других организаций в вопросах противодействия наркомании и алкоголизму, табакокурению и другим пагубным зависимостям; проведение мероприятий, направленных на организацию системной работы по вопросам профилактики наркомании, алкоголизма, табакокурения, утверждения здорового образа жизни, социальной помощи населению; подборка и освещение профильных информационно-методических материалов в СМИ, интернете, на ТВ и т.д. ; развитие и совершенствование работы АНО «Дом трудолюбия Иоанна Кронштадтского» в соответствии с Уставом организации. Использование современных цифровых средств коммуникации позволяет быть более эффективными в борьбе с психологическими видами зависимости.

Выводы. В статье мы охарактеризовали современную эпоху цифровизации как нестабильную, но полную новых возможностей. В контексте историко-культурного анализа проблемы психологической зависимости от психотропных веществ, особенно алкоголя мы показали, что эта проблема имеет глубокие корни и избавиться от нее окончательно невозможно, как и окончательно справиться с зависимостью, можно только справляться с ней на протяжении всей жизни. Исследовав деятельность Обществ трезвости в мире в

период XIX – начала XX в., мы обнаружили, что и борьба с зависимостями силами общества и церкви также имеет свою давнюю историю. Однако в СССР, по нашему мнению, эта борьба оказалась не эффективной, так как те, кто ей занимался, обращались только к материальной стороне проблемы, не обращая внимания на духовную. Современные христианские группы Анонимных Алкоголиков и работы с людьми с психологической зависимостью и созависимыми, пользуются такими концепциями, как «12 шагов» и другими современными психологическими методами. Эти методы внеконфессиональны и ими успешно пользуются также и представители МП РПЦ, например, в Даниловом монастыре в Москве. Несмотря на то, что цифровое общение таит в себе достаточно опасностей и не может полноценно заменить общение в несетевой реальности, адаптация к новым реалиям может принести пользу в деле борьбы с зависимостью, если сочетать уже устоявшиеся методы работы с новыми ее формами, такими как онлайн-консультации, ведение блогов и др. Как мы это можем видеть на примере казанских обществ по работе созависимыми.

Литература

1. Афанасьев А. А. Трезвенное движение в России, Европе, США как движение за самосохранение человечества (XIX век – 1914 г.) // Социологическое обозрение. 1997. № 9. С. 117–122.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 304 с.
3. Вахштайн* В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115.
4. Григорович В. Л. Социальная сущность наркомании // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Могилев, 2023. С. 498–502.
5. Грязнов А. Н., Рогов М. Г., Грузд Л. В. Социально-психологическая особенность образа жизни алкоголиков. Казань: Медицина, 2006. 130 с.
6. Завьялов В. Ю. Пьющий мужчина: дианализ трудных вопросов жизни. М.: Per Se, 2003. 224 с.
7. Кеосиди И. И. Применимость концепции «Вычислительного Левиафана» в контексте алгоритмизации управления социальными процессами // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире : сб. науч. ст. / науч. ред. и сост. И. Т. Касавин, Н. А. Ястреб, Л. В. Шиповалова. М.: Рус. о-во истории и философии науки, 2024. С. 257–261.
8. Лебина Н. Б. Теневая сторона жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.
9. Лешкевич Т. Г. Адаптация к актанту как специфичной субъектности дигитального мира // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире. М., 2024. С. 404–406.
10. Ловчев В. М. Знаки и символы в сфере употребления алкоголя: конструирование, развертывание, противодействие : монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. 176 с.

11. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 253 с.
12. Лункин Р. Н. Алкоголики в церковной ограде. Священнослужители РПЦ МП стоят перед выбором: антиалкогольная кампания или социальное служение людям // LiveJournal / mrkeyrby. Републ. с портала Кредо.ру. URL: <https://mrkeyrby.livejournal.com/29862.html> (дата обращения: 13.11.2024)
13. Немцов А. В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологическое обозрение. 1997. № 9. С 113–116.
14. Савчук В. В. От медиального к цифровому повороту // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире. М., 2024. С. 425–428.
15. Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминания о Ленине : сб. М.: Мол. гвардия, 1955. С. 50.
16. Chater N. The computational society // Trends in Cognitive Sciences. 2022. Vol. 26, Issue 12. P. 1015–1017.
17. Goldstone R., Theiner G. The multiple, interacting levels of cognitive systems (MILCS) perspective on group cognition // Philosophical Psychology. 2017. Vol. 30, Issue 3. P. 338–372.

*Настоящий материал (информация) произведён, распространён и (или) направлен иностранным агентом Вахштайн Виктор Семенович либо касается деятельности иностранного агента Вахштайн Виктор Семенович

References

1. Afanasyev A. A. Trezvennoye dvizheniye v Rossii, Evrope, SShA kak dvizheniye za samosohraneniye chelovechestva (XIX v. – 1914 g.) [Sobering movement in Russia, Europe, USA as a movement for self-preservation of mankind (19th century – 1914)]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. No.9. 1997. Pp.117-122. [In Russian]
2. Bratus B. S. *Anomalii lichnosti* [Personality anomalies]. Moscow., 1988. [In Russian]
3. Vakhshstayn V. S. Vozvrashcheniye materialnogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktornosetevoy teorii [The Return of Material: “Spaces”, “Networks”, “Flows” in Actor-Network Theory]. *Sociologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. 2005. No. 1. Pp. 94-115. [In Russian]
4. Grigorovich V. L. Sotsialnaya sushchnost narkomanii [The social nature of drug addiction]. *Pravovaya kultura v sovremennom obshchestve. Sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Legal culture in modern society: collection of scientific articles. 6th International scientific and practical conference]. Mogilyov, 2023. Pp. 498–502. [In Russian]
5. Gryaznov A. N., Rogov M. G., Gruzd L. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya osobennost obraza zhizni alkogolikov* [Social-psychological peculiarity of the lifestyle of alcoholics]. Kazan. Meditsina Publ., 2006. 130 p. [In Russian]

6. Zavyalov V. Yu. *Pyushchiy muzhchina: dianaliz trudnykh voprosov zhizni* [The drinking man: a dialysis of life's difficult issues]. Moscow. Per Se Publ., 2003. 224 p. [In Russian]
7. Keosidi I.I. Primenimost kontseptsii «Vychislitel'nogo Leviafana» v kontekste algoritmizatsii upravleniya sotsialnymi protsessami [Human role in the concept of "computational Leviathan"]. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire* [Science, technology and values in an unstable world]. Ed. by I. T. Kasavin, N. A. Yastreb, L. V. Shipovalova. Moscow. Rus. o-vo istorii i filosofii nauki Publ., 2024. Pp. 257–261. [In Russian]
8. Lebina N. B. Tenevaya storona zhizni sovetskogo goroda 20-30-kh g. [The shadow side of life in the Soviet city of the 1920-1930s]. *Voprosy Istorii*. 1994. No. 2. Pp.30-42. [In Russian]
9. Leshkevich T. G. Adaptatsiya k aktantu kak spetsifichnoy subyektivnosti digitalnogo mira [Adaptation to the actant as a specific subjectivity of the digital world]. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire* [Science, technology and values in an unstable world]. Ed. by I. T. Kasavin, N. A. Yastreb, L. V. Shipovalova. Moscow. Rus. o-vo istorii i filosofii nauki Publ., 2024. Pp. 404-406. [In Russian]
10. Lovchev V. M. *Znaki i simvoly v sfere upotrebleniya alkogolya: konstruirovaniye, razvertyvaniye, protivodeystviye* [Signs and symbols in alcohol use: construction, deployment, counteraction]. Kazan, Izd-vo KNITU Publ., 2014. 176 s. [In Russian]
11. Luhmann N. *Realnost massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow. Praksis Publ., 2005. 253 p. [In Russian]
12. Lunkin R. N. Alkogoliki v tserkovnoy ograde. Svyashchennosluzhiteli RPTs MP stoyat pered vyborom: antialkogolnaya kampaniya ili sotsialnoye sluzheniye lyudyam [Alcoholics in the church fence. Priests of the Russian Orthodox Church face a choice: anti-alcohol campaign or social service to people]. *LiveJournal*. URL: <https://mrkeyrby.livejournal.com/29862.html> (accessed: 13 November 2024) [In Russian]
13. Nemtsov A. V. Potrebleniye alkogolya i smertnost v Rossii [Alcohol consumption and mortality in Russia]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. No. 9. 1997. Pp. 113-116. [In Russian]
14. Savchuk V. V. Ot medialnogo k tsifrovomu povorotu [From Medial to Digital Turnaround]. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire* [Science, technology and values in an unstable world]. Ed. by I. T. Kasavin, N. A. Yastreb, L. V. Shipovalova. Moscow. Rus. o-vo istorii i filosofii nauki Publ., 2024. Pp. 425-428. [In Russian]
15. Zetkin K. Vospominaniya o Lenine [Reminiscences of Lenin]. *Iz zapisnoy knizhki* [From the notebook]. Moscow. Mol. Gvardiya Publ., 1955. Pp. 50. [In Russian]
16. Chater N. The computational society. *Trends in Cognitive Sciences*. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 1015–1017.
17. Goldstone R., Theiner G. The multiple, interacting levels of cognitive systems (MILCS) perspective on group cognition. *Philosophical Psychology*. 2017. Vol. 30. No. 3. Pp. 338–372.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 15.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

М. О. Фролов
*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

В рамках современного научного дискурса понятия цифровизация и религия всё чаще предстают перед исследователями в тесной связке. В данной статье исследуются современные реалии в ходе трансформации различных вероучений при их взаимодействии с сетью «Интернет». Поднимаются вопросы о дальнейших перспективах и тенденциях в процессе цифровизации религии и переносе элементов различных вероучений в дистанционный формат. Благодаря всё большему распространению различных развлекательных, бытовых и утилитарных приложений с религиозным уклоном также растёт и количество последователей этих религий, что достигается одновременно ненавязчивостью и простотой их использования. Научная новизна данной статьи заключается в философско-религиоведческом анализе современных культурных, технологических и религиозных тенденций в цифровой среде, а также в их взаимосвязи в рамках процесса цифровизации религии в сети «Интернет». В результате обосновывается дальнейшая необходимость исследований в данной области для более подробного изучения и выявления устойчивых тенденций в данной сфере.

Ключевые слова: Религия, цифровизация, медиа, культура, религиозный, церковь, «Интернет», СМИ, общество

M. O. Frolov
*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
(Vladimir, Russia)*

DIGITALIZATION OF RELIGION ON THE FRAMEWORK OF MODERN INTERNET SPACE

Within the framework of modern scientific discourse, the concepts of digitalization and religion are increasingly presented to researchers in close conjunction. This article examines modern realities within the framework of the transformation of various creeds in their interaction with the Internet. The author raises the issues about future prospects and trends in the process of digitalization of religion and transfer of elements of various creeds to a remote format. Due to the increasing proliferation of various entertainment, household and utilitarian applications with a religious bias, the number of followers of these religions is also growing, which is achieved simultaneously by their unobtrusiveness and ease of use. The scientific novelty of this article lies in the philosophical and religious analysis of modern cultural, technological and religious trends in the digital environment, as well as in their interrelationship within the process of digitalization of religion on the Internet. As a result, the need for further research in this area is justified in order to cover related areas more widely and identify sustainable trends and their development.

Keywords: Religion, digitalization, media, culture, religious, church, Internet, media, society

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-98-107

Взаимодействие в современном интернет-пространстве цифровых медиа и пользователей. Формирование новых способов контактирования

религии с обществом. Концептуальные основы таких понятий как «религия» и «средства массовой информации» имеют по крайней мере одну общую черту в научных исследованиях множества исследователей: они не поддаются окончательному определению. Конечно, следует исходить из широкого понятия религии: она включает в себя практики и, соответственно, ритуалы. Существуют самые различные методы и определения, характеризующие культуры и общества, подсистемы и среды. Религия является формирующим фактором, определяющим личность, структуру действий и мировоззрение и, таким образом, выстраивает восприятие каждого отдельного человека [8, с. 15]. Проще говоря, религия понимается как система знаков, опосредованная средствами массовой информации, которая создаёт и упорядочивает использование данных символов в коммуникации и восприятии мира, а также в консервации и сохранении идентичности.

Этот фактор религии присутствует только в средствах массовой информации и в качестве его носителей. Если мы хотим описать вероучение, мы должны исходить из соответствующих СМИ, пользуясь которыми, религия обрабатывает и опосредует себя в плане коммуникации с потенциальными верующими. Когда различные жизненные ситуации и факторы взаимодействуют друг с другом и имеют явный религиозный подтекст – это то, что можно назвать религией.

На сегодняшний день исследователи выделяют не менее трёх коммуникативно-медиальных измерений, которые осуществляют трансформацию различных религиозных образований в рамках их взаимодействия с социальными сетями и «Интернетом» в целом. Цифровые медиа все чаще становятся причиной этих преобразований. Религии традиционного институционализированного характера (такие как церкви, конгрегации и другие религиозные общины) не могут избежать присутствия в цифровом формате. С другой стороны, новые религиозные образования и идеи, сформулированные в «Интернете», используют возможности, которые изначально заложенные в нём:

1. Взаимодействие цифровых медиа, осуществляемое в «Интернете», определяет религию – речь идет о влиянии цифровых медиа на вероучения в целом. Этот процесс является не просто сменой традиционных СМИ на цифровые аналоги, но становится глубокой трансформацией способов доставки религиозной информации, которая может оказаться гораздо более значимой, чем начало книгопечатания или начало теле и радиовещания.

2. И наоборот, религия также оказывает влияние на взаимодействия и внутренние процессы, происходящие в сфере цифровых медиа и «Интернете». Здесь речь идет о влиянии религии на цифровые медиа и их использование, а также об их социальной функции. Религиозные функции обсуждаются публично таким образом, как если бы религия распространялась в «Интернете» и через него: например, как всевидящее и хранящее око Бога или как утопия общинного сообщества. Это можно объяснить «религиозными» интерпретациями того, что определяет наше будущее в «Интернете», цифровых

медиа и через них – колеблясь между надеждой на спасение и апокалипсисом последних времен, между утопией и антиутопией.

Также, существуют три термина, которые могут быть полезны для характеристики взаимного влияния между цифровыми медиа и религией, поскольку они указывают на религиозное «вмешательство» в их структуру:

1. Внутрисетевое взаимодействие – это технологически-цифровой способ формирования человеческого общения и сообществ, создающихся внутри «Интернета». Сети существовали и раньше: письма, книги и ученые были связаны общением и взаимодействовали в культурном плане, торговцы и путешественники распространяли религию, монеты как ранний способ обмена и средства передачи информации отвечали за религиозно-экономическую взаимосвязь мира [9, с. 6-7]. Примером может служить и раннее христианство, которое было «сетевой» религией, она распространялась и укрепляла свои структуры посредством посланий своим последователям и проповедникам. В «Интернете» всё чаще исследователи сталкиваются с образованием групп, которые были созданы не для личного пользования, а для виртуального диалога между людьми, объединенными средствами массовой информации посредством переписки и сводов правил. Социальные сети и, следовательно, сетевые сообщества были и остаются зависимыми от СМИ и массово приобретают виртуальный характер в ходе цифрового развития [11, с. 46].

2. Цифровые технологии для общения: «Интернет» включает в себя два аспекта, а именно техническую форму и возможность глобального распространения. Они влияют на мышление, поведение, восприятие, действия и форму сообщества, сформированного в социальных сетях. Средство массовой информации как способ передачи «посланий» различных вероучений теперь само выполняет связующие, определяющие личность задачи, которые были основной областью религиозных функций. Но помимо технической взаимосвязанности, существует также неисчерпаемость и фрагментарность информации.

Религиозная информация всегда была объединением общедоступной и закрытой части культовых мероприятий. Различные формы и конфессии христианства впитывают различные ритуалы, представления из архаичных языческих, иудейских и возникших в древности гностических учений. На основе вновь открытых элементов предшествующих религиозных учений энтузиасты и исследователи сформировали новые синкретически-гибридные формы обобщающих религий. Ярким примером может служить возрождение на территории постсоветского пространства языческих традиций на основе как настоящих исследований, так и откровенных выдумок на подобии печально известной «Велесовой Книги». С каждым годом растёт количество сект, религиозных объединений и учений пытающихся с помощью методов сопоставления, реконструкции, а где-то и благодаря псевдонаучным теориям возродить древние традиции. «Звенящие Кедры России», «Родноверы», «Виссарионовцы» и многие другие неязыческие объединения активно используют «Интернет» для пропаганды своих вероучений [10, с. 52-54]. Через всемирную сеть информация обо всех религиях, культах, ритуалах, тайных

учениях стала вездесуща, доступна для использования, пригодна для интерпретации и может быть изучена кем угодно.

3. Религия и гаджеты: цифровизация позволяет передавать различный контент все более быстрыми способами и с привлечением все большего числа участников общения. Это также создаёт новую форму самих сетей в виде различных приложений на мобильных устройствах. В 2024 году сложно представить человека, у которого нет телефона или планшета с доступом в «Интернет». Наличие таких гаджетов в современном мире уже не просто приятное многофункциональное дополнение к бумажным деньгам или книге, а важнейшая вещь для общения и обмена информацией. Естественно, в рамках цифровизации всей жизни человека, религиозное общение стало возможно и через телефоны и другие устройства. Они по сути своей стали «диспозитивами» нашей жизни: диспозитивы - как определил и проанализировал итальянский философ и эстетик Джорджо Агамбен - формируют наше я, упорядочивают его, делают доступным и ставят под свой контроль. Таким образом, «Я» одновременно определяется как субъект и объект влияния.

«Слепая среда» в сетевом пространстве как возможность для равного диалога. Цифровая среда как новый фактор формирования религиозности. В «Интернете» также проявилась уникальная особенность, которая не встречалась в рамках социальных связей в прошлом, а именно феномен «слепой среды». Этот термин объединяет массы в социальных сетях одним своим существованием и проявляется в чувстве общности, возникающей в принадлежности к связям с другими людьми. «В Интернете никто не знает, что вы слепой, физически неполноценный, мужчина или женщина» [2]. Однако следует задаться вопросом: в какой степени объединяющая черта в религиозных ритуалах, таких как исповедание, отражает реальную картину религиозного сообщества в «Интернете»? Добровольный характер исповеди, как онлайн, так и офлайн, открывает возможность для членов религиозного сообщества исповедовать свои чувства, эмоции, страхи, а также компрометирующую информацию перед другими людьми без принуждения, правил и предписаний.

Общество находится в процессе эволюции цифровых технологий, поэтому онлайн-характер жизни, или, скорее, её цифровизация, становится все более заметной. Личность каждого интернет-пользователя, данные, связи и знакомства на сегодняшний день имеют для него огромное значение. В связи с этим сдвигом в сторону стремления к ежедневному, а иногда и ежечасному времяпрепровождению в «Интернете» и, следовательно, к постоянному «увечиванию» себя в сети, важность фундаментальных вопросов смещается в сторону «тайны» всемирной паутины: «Всемирная паутина стала костром, вокруг которого люди собираются, чтобы рассказать свои истории, познакомиться с людьми и наладить взаимоотношения. Через сеть «Интернет» люди стремятся создавать социальные группы, которые бросают вызов традиционным представлениям о сообществе. Но могут ли люди действительно жить в онлайн сообществе? Можем ли мы действительно стать одним целым с помощью компьютерной сети?» [2].

«Цифровой синкретизм» – это система взглядов на религию, философию и современную поп-культуру, которая, по сути, является свободой, а также набор мнений и суждений, которые формируют новое мировоззрение. Этот феномен может также стать универсальным процессом, определяющим мир, объединяющим индивидуальность и стремление к индивидуализации в целом. Какая из религий более остальных влияет на формирование нового мировоззрения и есть ли таковая в принципе? «Цифровой синкретизм» – это глубокое погружение в постмодернизм и в то, как люди воспринимают современный мир вокруг себя, а также свою жизнь в цифровом пространстве социальных сетей.

Самовыражение в религиозном плане в сети «Интернет». Категоризация современных религиозных приложений для мобильных устройств и гаджетов. Естественно, для такого широкого круга различных действий в интернете нужны и соответствующие инструменты, таковыми можно считать приложения для различных устройств и гаджетов. Это небольшие программы для смартфонов, планшетов и компьютеров, предназначенные для выполнения определенных более или менее значимых, а также развлекательных задач. Для каждой сферы жизни можно найти самые разные программы, в том числе для различных вероучений и их специфических ритуалов. Некоторые из этих «религиозных» приложений бесплатны, другие стоят небольшую сумму денег. Возможности, которые они предоставляют, по сути своей безграничны. Благодаря своей доступности и скорости доступа через «Интернет» приложения оказывают большое влияние на то, как обрабатывается передаваемый религиозный контент, который долгое время практически не подвергался серьёзным изменениям и был однородным. Религиовед Рейчел Вагнер считает, что с помощью таких приложений интерпретация религиозных текстов будет все больше переходить из рук религиозных деятелей к отдельным верующим и претерпит многогранные изменения [6, с. 199]. Например, мусульманки пытаются разрушить патриархальные нормы с помощью переосмысления Корана [4]. Интернет мог бы оказать такое же большое влияние на вероучения, как изобретение книгопечатания, которое способствовало распространению идей Реформации в Европе [5].

Чтобы определить потенциальное влияние религиозных приложений, можно подчеркнуть мнения различных специалистов в области религиоведения и философии, а также экспертов-культурологов. Хорошим примером таких исследований является схема категоризации религиозных приложений, основанная на эссе Рэйчел Вагнер «Вы – то, что вы устанавливаете. Религиозная аутентичность и идентичность в мобильных приложениях». Категоризация в основном предназначена для ориентации в области, которая еще плохо изучена. Вагнер разделяет многогранный спектр религиозных и духовных приложений следующим образом:

1. приложения для самовыражения: в эту категорию входят все приложения, в которых можно заниматься исключительно индивидуальным творчеством. Они предоставляют пользователю возможность создавать

различные изображения и мелодии для различных устройств с религиозным содержанием. В качестве примера можно привести приложение «Pinterest»;

2. религиозные приложения для социальных сетей: сюда входят приложения, которые связывают религиозных людей друг с другом, независимо от того, находятся ли они в контакте чисто виртуально или офлайн. В них осуществляется обмен информацией в рамках соответствующего вероучения через социальные сети, такие как, например, «Вконтакте» или «Телеграмм»;

3. ритуальные приложения: Это отдельный вид приложений, в которых есть руководства и советы по выполнению религиозных и духовных практик в офлайн режиме, либо инструменты для их выполнения в онлайн-пространстве;

4. приложения со священными текстами различных вероучений: в рамках этой категории рассматриваются все оцифрованные религиозные и духовные тексты, которые обеспечивают большую или меньшую интерактивность, например, электронная Библия или Коран;

5. приложения для медитации: Эти приложения помогают пользователю практиковаться медитации и повышение внутреннего чувства концентрации. Как пример, приложение для мобильных устройств «Садхгуру. Йога и медитация»;

6. молитвенные приложения: под этим термином понимаются все приложения, которые позволяют пользователю читать, записывать и слушать молитвы и отправлять их с мобильного устройства. Например, приложение включающее сборник православных молитв «Молитвослов с аудио для всех».

Основной проблемой такого вида категоризации является то, что в большинстве случаев различные религиозные приложения не могут быть четко классифицированы. Молитвенные приложения, а также приложения для медитации также следует называть ритуальными приложениями. Кроме того, существует множество «гибридных» приложений, которые связывают различные типы программ с социальными сетями. Фактически, большинство религиозных приложений включают в себя возможность делиться контентом с другими пользователями в «Телеграмм», «Вконтакте» и т.д. Благодаря такому массовому и бесплатному распространению приложений, большая часть информации, которая в них содержится публикуется на общедоступных форумах и публичных сайтах, что в свою очередь способствует глобальному обмену мнениями [12, с. 100]. Религиозные приложения и социальные сети - это идеальный инструмент для формирования религиозной идентичности, который достаточно просто интегрируется в повседневную жизнь благодаря мобильности смартфонов и планшетов.

Действительно, различные программы помогают пользователям не только получить базовую информацию об их вероучении, но и правильно исполнять ритуалы и обряды. Приложение «Исламский компас», например, автоматически рассчитывает время всех ритуалов, а с помощью GPS воспроизводит сигнал «азана», который сообщает пользователю, когда и в каком направлении пора встать на колени для молитвы. Как следует из названия приложения, в нем есть встроенный компас, который всегда

указывает на Мекку, чтобы верующий мог всегда найти правильное положение для намаза.

Не только религиозные приложения для мусульман открывают широкие возможности в проведении обрядов и ритуалов, повышая их удобство и правильность исполнения. Различные христианские конфессии тоже зачастую имеют одобренные ими специальные приложения. Примером может служить одобренное Ватиканом приложение «Confession: A Roman Catholic App» [3]. Она служит вспомогательным средством для посещения исповедальни, но не заменяет ее. Как утверждают религиозные деятели, пользователь может просто подготовиться к исповеди с помощью приложения и взять с собой в церковь мобильный телефон в качестве опоры для размышлений, чтобы не забыть ни один из своих грехов. Также в том, что псалмы повторяются во время проповеди, нет ничего нового. Поэтому возникает обоснованный вопрос о том, изменится ли восприятие религиозных служб с помощью религиозных приложений, и если да, то как? Они помогают значительно расширить охват проповеди, поскольку известные цитаты больше не публикуются только в частном кругу, а распространяются на общественных форумах и общедоступных веб-сайтах, которые можно просматривать по всему миру.

Естественно, Русская православная церковь тоже не отстаёт в рамках трансформации религии от мировых тенденций. Так, заместитель главы синодального отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ РПЦ Вахтанг Кипшидзе описывает современные реалии цифровизации: «Я думаю, что православные приложения достаточно прочно вошли, скажем так, в действие и пользуются сейчас достаточно большим вниманием со стороны аудитории, особенно молодой ее части. Очень многие православные ресурсы имеют формат работы в виде мобильного приложения. Например, просветительский портал «Азбука веры» имеет такое приложение, радиостанция «Вера» и ряд других ресурсов. Мы считаем, что православные мобильные приложения будут продолжать развиваться и играть свою роль в миссионерской просветительской работе» [1]. Однако, количество пользователей, которые используют подобные приложения сложно подсчитать, так как они часто не показывают общее число активных участников или имеют устаревшую статистику.

Религиозные приложения также часто подвергаются критике за их развлекательный формат. Многие приложения созданы таким образом, чтобы служить скорее для развлечения, нежели серьезной религиозной помощью в рамках вероучения. Хорошим примером этого является приложение «Личный Иисус». На веб-сайте приложения можно найти следующее описание: «Личный Иисус позволяет вам делиться Своим словом в социальных сетях. Вы можете установить его на будильник, как напоминание, чтобы начать свой день с красивой мысли, или вы можете встряхнуть его в случайном режиме, чтобы удивить себя разными цитатами. Поскольку Иисус повсюду, вы можете наблюдать, как он ходит по воде, совершает свою Тайную вечерю, распят, воскрес или находится на небесах...».

Выводы. Классические ритуалы, такие как молитва или поклонение предкам и близким, ритуалы скорби, выходят из-под господства офлайн-мира и

все чаще перемещаются в онлайн пространство или даже трансформируются в нём в новые причудливые формы. Таким образом, интеграция или взаимосвязь между двумя «мирами» становится все более тесной, а различие почти стирается из-за широкой взаимной зависимости друг от друга. Проблемы, которые возникают в процессе современной цифровизации религии, являются важной областью будущих исследований и научного анализа.

Религия переживает новый этап в рамках своей «цифровой» трансформации и претерпевает удивительные изменения. Кроме появления совершенно новых вероучений происходит и перестройка уже давно сформировавшихся религиозных конфессий. Естественно, современные технологии и общий технологический прогресс ускоряют ощущение времени у человека и последнего у него остаётся, как многим кажется, с каждым годом всё меньше и меньше. Поэтому в рамках культуры потребления, религии и различные вероучения подстраиваются под такой ритм жизни, стараясь выпускать приложения, которые органично бы вписались в и без того плотный график жизни людей XXI века.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что цифровизация религии, процесс ещё не вполне завершённый и поэтому требующий всестороннего исследования. В рамках современных междисциплинарных подходов, возможно подробное изучение феноменов и тенденций, которые ранее религиоведами и философами не были исследованы. К таковым можно отнести и формирование совершенно новых принципов построения различных вероучений, трансформация старых под влиянием цифровизации, а также перехода их в онлайн пространство, создание морального кодекса современного «цифрового человека» и многое другое.

Литература

1. В РПЦ рассказали о востребованности православных мобильных приложений // Агентство городских новостей «Москва» : сайт. М., 2003–2024. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3186145>. Дата публикации: 31.01.2022.
2. Campbell H. Exploring Religious Community Online: We are One in the Network. New York: Peter Lang Publishing inc., 2005. 213 p.
3. Confession App: Catholic Church Sanctions New iPhone App : Confession: A Roman Catholic App helps iPhone users confess their sins // ABC News : web-site. URL: <http://abcnews.go.com/Technology/confession-app-romancatholic-church-sanctions-iphone-app/story?id=12866499>. Published: 08.06.2011.
4. Larson E. What would Jesus Text? Smartphones Are Changing How We Worship. // Mashable Social Media. URL: <http://mashable.com/2013/08/20/religion-technology/>. Published: 20.08.2013.
5. Tsuel Ch. App Watch: Getting Religion on the Go. Blogs // The Wall Street Journal : web-site. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-DGB-22284>. Published: 08.04.2011.

6. Wagner R. You are what you install: Religious authenticity and identity in mobile apps // *Digital religion: understanding religious practice in new media worlds* / ed. Heidi A. Campbell. London: Routledge, 2013. P. 199–206.
7. Дукин Р. Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // *Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки*. 2015. № 4 (40). С. 122–126.
8. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2007. 750 с.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. 464 с.
10. Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Ин-т Африки РАН, 2007. 232 с.
11. Пряхина А. В. Коммуникационный менеджмент как объект научного познания // *Российская пиарология: тренды и драйверы*. Вып. 8: сб. науч. тр. в честь проф. С. М. Емельянова / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 45–50.
12. Якушина О. И. Современные цифровые средства коммуникации и их влияние на построение личных отношений // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 7. С. 97–106.

References

1. V RPTs rasskazali o vostrebovannosti pravoslavnykh mobil'nykh prilozheniy [The Russian Orthodox Church spoke about the demand for Orthodox mobile applications]. *Agentstvo gorodskikh novostey «Moskva»*. Moscow, 2003–2024. Publication date: 31.01.2022. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3186145>. [In Russian]
2. Campbell H. *Exploring Religious Community Online: We are One in the Network*. New York, Peter Lang Publishing Inc., 2005. 213 p.
3. Confession App: Catholic Church Sanctions New iPhone App : Confession: A Roman Catholic App helps iPhone users confess their sins. *ABC News*. Publication date: 08.06.2011. URL: <http://abcnews.go.com/Technology/confession-app-romancatholic-church-sanctions-iphone-app/story?id=12866499>.
4. Larson E. What would Jesus Text? Smartphones Are Changing How We Worship. *Mashable Social Media*. Publication date: 20.08.2013. URL: <http://mashable.com/2013/08/20/religion-technology>.
5. Tsuel Ch. App Watch: Getting Religion on the Go. Blogs. *The Wall Street Journal*. Publication date: 08.04.2011. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-DGB-22284>.
6. Wagner R. You are what you install: Religious authenticity and identity in mobile apps. *Digital religion: understanding religious practice in new media worlds*, ed. by Heidi A. Campbell. London, Routledge, 2013. Pp. 199–206.
7. Dukin R. Fenomen sotsial'nykh media: problema sotsiologicheskogo osmysleniya [The Phenomenon of Social Media: The Problem of Sociological Comprehension]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2015. No 4 (40). Pp. 122–126. [In Russian]

8. Kravchenko S. A. *Sotsiologiya: paradigmy cherez prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniya* [Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination]. Moscow, Ekzamen Publ, 2007. 750 p. [In Russian]

9. McLuhan M. *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, KANON-press-TS Publ; Zhukovskiy, Kuchkovo pole Publ, 2003. 464 p. [In Russian]

10. Kavykin O. I. «Rodnovery». Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoy Rossii [The Slavic Native Faith, or Rodnovery. Self-identification of neo-pagans in modern Russia]. Moscow, In-t Afriki RAN Publ, 2007. 232 p. [In Russian]

11. Pryakhina A. V. Kommunikatsionnyy menedzhment kak ob"yekt nauchnogo poznaniya [Communication management as an object of scientific knowledge]. *Rossiyskaya piarologiya: trendy i drayvery. Vyp. 8: sb. nauch. tr. v chest' prof. S. M. Yemel'yanova* [Russian PR: trends and drivers. Issue 8: collection of scientific papers in honor of prof. S. M. Emelianov], ed. by A. D. Krivonosov. Saint-Petersburg, SPbGEU Publ, 2019. Pp. 45–50. [In Russian]

12. Yakushina O. I. Sovremennyye tsifrovyye sredstva kommunikatsii i ikh vliyaniye na postroyeniye lichnykh otnosheniy [Contemporary Digital Communications and Their Impact on Building Personal Relationships]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2023. No 7. Pp. 97–106. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 31.10.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 31.10.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

Культурные аспекты цифровизации и их влияние на общественные процессы

Е. И. Аринин

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. И Н. Г. Столетовых*

В. Е. Волкова

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. И Н. Г. Столетовых*

МАСКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУ ВИЗУАЛИЗАЦИЕЙ САКРАЛЬНОГО И НЕВИДИМИЗАЦИЕЙ ИСТИННОГО

Статья посвящена анализу ряда религиозно-философских значений феномена маски, рассматриваемых на базе его интерпретации различными эпохами (начиная с архаичных, заканчивая современностью). Акцентируется внимание на двух уровнях понимания предмета скрытых смыслов, на «визуализации сакрального и невидимизации истинного». Методологической основой работы являются подходы К. Леви-Стросса Н. Лумана, М. Элиаде и др. на основе этимологии феномена маски, как «медиатора зримого и незримого» для общества. Что позволяет рассмотреть составляющие маски как «unmarked state наблюдателя» концепт, который связан с идентичностью человека и социальными изменениями в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: цифровизация, незримое, невидимизация, маски, сакральное, современность.

E. I. Arinin

*Vladimir State University
(Vladimir, Russia)*

V. E. Volkova

*Vladimir State University
(Vladimir, Russia)*

THE MASK IN THE AGE OF DIGITALIZATION: BETWEEN THE VISUALIZATION OF THE SACRED AND THE INVISIBILITY OF THE TRUE

The article analyses a number of religious and philosophical meanings of the mask phenomenon, considered on the basis of its interpretation in various epochs (starting from the archaic, ending with modernity). The author focuses on two levels of understanding the subject of hidden meanings, on 'the visualisation of the sacred and the invisibility of the true'. The methodological basis of the work is the approaches of C. Lévi-Strauss, N. Luhmann, M. Eliade based on the etymology of the mask phenomenon as a "mediator of the visible and invisible" for society. This allows us to consider the components of the mask as an "unmarked state" concept related to human identity and social change in a digital society.

Keywords: digitalization, invisible, invisibility, masks, sacred, modernity.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-108-119

Введение:

Современный мир активно входит в «эпоху цифровизации», которая затронула уже почти каждого лично и практически все области современной жизни, включая науку и образование. Этот термин еще почти не вошел в лексикон Википедии, где есть только 1 статья на русском языке «Цифровизация в России», которая сообщает, что «в самом широком понимании, цифровая трансформация гос. управления и всех отраслей экономики России, включая госсектор и частный сектор экономики» страны. В этом контексте упоминаются «цифровая революция» («Digital Revolution»), «Четвёртая промышленная революция» («The Fourth Industrial Revolution») и т.п. обозначения современных социальных трансформаций, включая такие масштабные проекты и программы как «Электронная Россия» (2002-2010), «Информационное общество» (2011 – 2020) и «Цифровая экономика» (2019-2024). Постоянно публикуются статьи, сборники и монографии, где представлен термин «цифровизация», который, однако, отсутствует (на 01.11.2024) в базе данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), при этом оказываясь широко представлен в других академических базах данных, к примеру, в «DisserCat» (3026) и «Elibrary.ru» (258 928), а «КиберЛенинка» показывает следующую картину распределения исследований по различным научным специализациям: Экономика и бизнес (23922), Науки об образовании (11715), Право (7913), СМИ (медиа) и массовые коммуникации (3182), Компьютерные и информационные науки (2260), Социологические науки (2213), Политологические науки (1296), Науки о здоровье (1124), Философия, этика, религиоведение (1007), Языкознание и литературоведение (944).

Сама «цифровизация» неразрывно связана с эксплицитной невидимостью математической, в основах своих восходящей к почти легендарному Пифагору (Πυθαγόρας ὁ Σάμιος, Pythagoras, ок. 570-490 гг. до н. э.), основанному им сообществу и новой картине мира. Проповедники и последователи идей общины «пифагореизма» (Πυθαγόρειοι/Πυθαγορικοί), поведали о небывалой ранее картине реальности, разделившись на «акусматиков» (ἀκουσματικοί, т.е. практиков, ритуалистов, т.н. «внешний круг») и «математиков» (μαθηματικοί, т.е. постигающих умозрительные истины науки, т.н. «внутренний круг»), конструировавших символическое представление о «невидимизации» подлинного бытия. Мир физических и наблюдаемых (зримых) явлений и объектов был осмыслен как своего рода «маска» подлинного мира незримых математических отношений.

1. Маска как феномен культуры

Слово «маска» входит в русский язык, согласно лингвистическим исследованиям, только с XVIII века, постепенно вытесняя слово «личина», известное с 1201 года, когда упоминали про «коней в личинах», т.е. защитном средстве, шлеме, одеваемом на голову боевых лошадей [18, с. 255]. Согласно НКРЯ, данное слово встречается в этой базе в 4218 текстах, применяясь к изображениям на некоторых предметах (НКРЯ, Роспись серебряным сосудам..., 1659), описаниям насекомых (НКРЯ, И. И. Лепехин. Дневные записки ... Ивана Лепехина..., 1769), к физиогномике «лицемеров» (НКРЯ, В. К. Третьяковский.

Рассуждение о комедии вообще 1750) и т.п. феноменам. Первым примером использования слова «маска» из базы НКРЯ, стал текст митрополита Стефана (Яворского, 1658-1722), где им упоминается «маска устрашающая, которую комедианты на лицах иногда носят» (НКРЯ, митрополит Стефан .... Проповеди, ...1722).

Вскоре появляются моральные истолкования, где описывалось как «маски съ лицъ ихъ были сняты, и тогда мерзость ихъ явилась въ совершенной наготѣ» (НКРЯ, О худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти ... // Праздное время ..., 1759). Те же образы характерны для отечественного философа-странника Г. Сковороды (Gregorius Sabbae filius Skovoroda, 1722-1794), который с иронией и горечью писал про «соборища обезьян философских, которые, кроме казистой маски ..., ничево существенного от истинныя мудрости не имели» (НКРЯ, Григорий Сковорода. Разговор, называемый Алфавит..., 1775). Обращение к популярному всемирному справочнику «Википедия» показывает, что там слово «маска» представлено в статьях на 95 языках, выводясь из французского слова «masque», итальянского «maschera», испанского «Máscara», восходя, возможно, к латинскому «mascus», «mascao», обозначающие «призрак», и/или арабскому «maskharah» («шут», «человек на маскараде») [12]. Латынь знает еще одно слово «persona», которым первоначально назвалась маска актера античных театральных и храмовых празднеств, изображавших события из мифологических преданий, связанных с тем или иным божеством [4, с. 107].

Маска является не только «медиатором» консолидирующим общество в целом, но и является некоторым компенсатором разрушающегося «самоощущения отдельного индивида». Она подчеркивает оригинальное в человеке, привносит в его опыт содержание и формы, которые старше его, и, соответственно, которыми он не может овладеть. Она обращает каждого к многочисленным, пересекающимся, часто несводимым друг к другу хронологиям, рассеивает его во времени и ставит в центр длительности вещей.

Рассматривая феномен «нейтральной маски» на примере личины «канага» («kanaga») африканского общества Мали, можно заметить, как в ходе исторического цикла ритуалов она формирует новую фазу в развитии личности, символизирует «смерть человека» в этом мире [12]. Мирча Элиаде (Mircea Eliade, 1907-1986) в своей работе «Священное и мирское» («The Sacred and the Profane», 1957) писал, что «священное напитано бытием», потому маска надеваемая человеком, включает его в процесс принятия этого «инобытия», и абстрагирует его от прежней данной ему эмпирической реальности [20, с.18]. Элиаде рассматривал маску как часть сакрального пространства, в котором она становится «мостом между миром людей и миром божественного», тем самым помогая переносить его воображение к познанию истинного «сакрального» глубокого и изначального «Я». Это позволило гармонично объединиться во внешнем ритуале в более глубокое коллективное «Я» посредством всеобщего понимания сакрального элемента ритуала демиурга Амма. Уместно будет вспомнить Платона (427-347 гг. до н.э), который говорил о «восприятии

Демиурга в качестве посредника реализации невидимого идеального начала в рамках видимого мира» [7].

В современном мире маска не имеет исключительно традиционное назначение как религиозного или культурного предмета надеваемого на голову, с целью проведения того или иного действия, а может являться отражением состояния современного человека, превращением его самого в «означающую маску», или репрезентацию. Обращаясь к работе «Путь масок» («The Way of the Masks», 1969) К. Леви-Стросса (Claude Lévi-Strauss, 1908-2009), можно предположить, что первоначальное значение маски так же может быть воспринято как инструмент «социальной драмы», позволяя пережить трансформацию идентичности личности и в будущем времени [9, с. 33]. В таком контексте первоначальное понимание маски воспринималось как отношение к «символическому объекту, наделенному ритуальным содержанием». Это выражение отлично демонстрируется на примере артефактов древних цивилизаций (около 3000 г. до н.э. – 500 г. н.э.). Так, в Древнем Египте (XIV веке до н.э.) маска фараона Тутанхамона (т.е. «живое воплощение Амона»), согласно Г. Картеру (Howard Carter, 1874-1939) имела ритуальные функции защиты души умершего в процессе погребения. Этот древнейший артефакт был изготовлен из золота с инкрустацией драгоценных камней как символа божественности.

Позже феномен трансформируется в древнегреческом контексте (VI веке до н.э.), накладывая коннотации с «сакральным» на античную театральную маску, тем самым проявляя представления о божествах, через актера театра, для зрителя. Как отмечает А. Д. Пантелеев, культ Диониса (Διόνυσος) и Деметры (Δημήτηρ), стал «самым популярным сюжетом для постановок в амфитеатрах», т.к. эти боги отвечали за плодородие и богатства, производительные силы природы, что в античную эпоху особенно ценились у зрителей [17, с. 103]. На праздниках в их честь разыгрывались сакральные представления с импровизированными актерами. Заметив это, поэт Арион Метимнейский (Ἀρίων ὁ Μετιμναῖος, конец VII – начало VI в. до н. э.) решил систематизировать структуру постановки, добавив в их содержание первые «дифирамбы» («Διθύραμβος», т.е. хор сопровождающий действие), которые вещали о деяниях и подвигах богов, тем самым выделив в центр материальной сцены «маску» как главный элемент демонстрации устных религиозных мотивов в «трагедиях театра» [17, с. 108]. В то время поэты, слагавшие драмы и состязавшиеся на конкурсах во время праздников (Дионисиях), были одновременно как режиссёрами, так и единственными актерами-протагонистами. Антропологи полагают, что древнейшие маски могли возникнуть как элемент охоты, способный маркировать приобщение к миру животных, скрывая аутентичность и идентичность человека, и/или сакрального ритуала, приобщающего шамана и членов племени к миру предков [19].

В начале XX века французский антрополог Марсель Гриоль (Marcel Griaule, 1898-1956), стал одним из первых исследователей, описавших культуру и искусство африканского народа Догон, включая изучение масок Н'домо («Ndomo», пер. с языков народов Мали «поиск знаний») [12]. Первые предания

народа о своих предках относятся к X – XI вв., согласно зафиксированным данным Гриоля. Позже местные жители рассказали о маске канага/Н'домо, которая появилась только в XIV – XV вв. как исторический памятник, свидетельствующий о создании мира и появления знаний о Сириусе («Masques dogons», 1938) [12]. Она стала олицетворением образованности народа. Несмотря на разнообразие обычаев и традиций народа Догон, ими признается, что существует нечто общее, «невидимое», что связывает всех членов общества. Догоны отождествляют с «невидимым» демиурга Амма. Личина представляет собой форму двойного креста, напоминающего о сотворении мира этим богом («неба и земли») как отображения бессмертного космоса и земного начала в самом факте ношения человеком маски, объединяющей оба аспекта в единство. Данное изображение маски напоминает рецепции местным населением христианских мотивов. Остается загадкой появление в древнем африканском сознании монотеизма до прихода западной колониальной культуры. В настоящее время изображение элементов маски можно увидеть в символах некоторых государств (Мали, бывший Французский Судан).

Продолжая рассуждение, обратимся к мысли Ю. М. Лотмана (1922-1993 гг.), одного из самых известных советских литературоведов и семиотиков XX века, которая наглядно демонстрирует подход, состоящий в особом понимании маски, выступающей как «осознанный способ существования индивида в обществе, и его одновременное отождествление с чьей-то другой ролью» [10, с. 262]. Его особенность состоит в ориентированности на присутствие зрителя и на абстрагирование от него для погружения в амплуа. В данном контексте «маска есть психологический барьер», представляющий собой сокрытие, обусловленное стремлением субъекта приспособиться к окружающей действительности, и впоследствии управлять ей, описывая как «Александр, проводя избранный им курс, но, как всегда, лукавя, меняя маски и подготавливая очередных козлов отпущения ...», отправил в ссылку Сперанского [10, с. 283].

Подходя к рассмотрению места маски в современном мире (XX – XXI вв.), можно отметить, что использование масок как элемента сакральной культуры сохранились лишь в фольклорных традиционных формах. В ряде случаев маска выступает как «знак протеста», что наглядно демонстрируется в известном итальянском фильме «Зорро» («Zorro», реж. Duccio Tessari, 1975), где главный герой Диего, благодаря маске, перевоплощается в другого человека, борющегося за свободу и равноправие.

В последние годы (пандемия COVID-19), маска приобрела совсем новые коннотации, выступая символом «заботы о здоровье и общественной ответственности». В этом специфическом контексте некоторые люди начали украшать медицинские маски, превращая их в элемент эстетического самовыражения и даже целого направления моды, когда, к примеру, «Lumen Couture» создал LED-матрицы для масок, на которые можно выводить тексты и рисунки через программу на смартфоне, тем самым позволяя людям выводить своих «айدолов» и демонстрировать элементы различных субкультур. Другим примером могут быть виртуальные маски («аватары»), которые позволяют

скрывать личность человека на просторах интернет платформ, к примеру, маски Гая Фокса и т.п.

В целом можно отметить, что постоянно меняющийся современный мир впитывает в себя многогранные смыслы феномена «маска», выполняющего множество функций: защиты здоровья, социального самовыражения, анонимности, моды, протестной критики общества и т.п., отражая сложные аспекты человеческой природы и социального взаимодействия. Маска и сегодня продолжает приобретать новые значения, оставаясь универсальным средством манифестации и визуальным олицетворением незримых смыслов.

2. Незримое: между «невидимизацией» и визуальной манифестацией

Термин «невидимизация» еще мало распространен в современной литературе, его нет в НКРЯ, а в базе Elibrary.ru представлено только 4 текста, первый из которых был опубликован в 2020 году [14, с. 108]. Более детальный анализ показывает, что есть и еще статья, где в 2019 году отмечалось такая особенность т.н. «наблюдения второго порядка» за протестными акциями, которые «не поглощают протестующего настолько, чтобы «невидимизировать» поведенческие и коммуникационные альтернативы» [3, с. 42]. Истоки этого термина восходят к творчеству Н. Лумана (Niklas Luhmann, 1927-1998), классика социологии XX века, который в монографии «Die Gesellschaft der Gesellschaft» (1997) описал «невидимизацию» как «unmarked state» наблюдателя [11, с. 262]. В 2018 году была издана монография Х. Гумбрехта, писавшего, что «у современного человека изменилось восприятие времени», поскольку пришло «время "латентности"», как «подспудного, скрытого сосуществования множества прошлых и одновременно мутировавшего до неузнаваемости образа будущего», когда становится заметно, что «дискриминация и "невидимизация" ... обоюдны – и даже универсальны – среди тесных перегородок испанского общества во времена военной диктатуры середины XX века» [6, с. 45].

Невидимизация сегодня может выступать как практическая задача для разработки военных технологий, к примеру, «Стелс» («Stealth»), позволяя снижать заметность боевой техники, усилив ее неуязвимость и, соответственно, повысив выживаемость людей. Можно еще упомянуть сказочную «Шапку-невидимку» из фольклорных текстов, начиная с древнегреческого мифа о «шлеме Персея», роман «The Invisible Man» (Человек-невидимка, 1897) писателя Герберта Уэллса (Herbert George Wells, 1866-1946), его многочисленные экранизации, включая относительно недавний фильм ужасов (The Invisible Man, 2020, реж. Leigh Whannell).

Феномен «невидимизации» имеет несколько основных аспектов, первый из которых связан с невозможностью «наблюдать собственное наблюдение» за действительностью, всегда остающееся «невидимым», как, к примеру, это прекрасно, в контексте «построения нового атеистического общества» и всей мировоззренческой ситуации той эпохи, показано в знаменитой комедии А. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968). Здесь, в «сцене на острове», длящейся около 90 секунд, показано как обстоятельства заносят контрабандиста Гешу Козодоева (в исполнении А. Миронова) на крохотный участок суши посреди

моря, где тот непосредственно, как ему это представилось, наблюдает феномен «теофании» как «мальчика, идущего по водам» (в исполнении М. Никулина) с видимым (или привидевшимся) «нимбом» вокруг головы, т.е. очевидно «сверхъестественного» события и дарованного ему «знамения», вызывая у наблюдателей, включая зрителей, ассоциации с известными свидетельствами Евангелий о чудесах Иисуса Христа (Ин. 6:16-21 и др.). Тем самым, для зрителя фильма, наблюдающего ситуацию со стороны, в сложившихся обстоятельствах у Гоши открывается «религиозность», которая «невидимизировалась» в его повседневной жизни советского гражданина, выступив как «надежда сверх надежды» и вера в то, что «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18, 27). Он переполняется энтузиазмом и следует за «знамением» в надежде ожидаемого спасения, по меньшей мере, с «острова». Данное непосредственное наблюдение, однако, уже через несколько секунд завершается осознанием прозаической реальности присутствия под водой ненаблюдаемых непосредственно отмели или волнореза, по которым, собственно, и шел мальчик, при этом они, хотя и скрыты под водой, но вполне ощутимы рецепторами кожи на ступнях Гоши. Это открытие обернулось горьким разочарованием в «знамении», завершившись полной десакрализацией этого ребенка, которого Козодоев сталкивает грубым пинком в воду со словами «а ну, щенок, в сторону, пшел отсюда», тем самым, полностью профанируя только что признававшийся им «сакральным» феномен. Трагикомичность этой ситуации контрастирует с предельно серьезной и внушающей трепет «визуализацией» незримого А. Тарковским в фильме «Сталкер» (1979), где никто не решается пересечь «Порог Комнаты». Второй аспект «невидимизации» состоит в принципиальной, утверждаемой авторитетом Писания, невозможности наблюдать сакральное как таковое, которое всегда остается незримым и непостижимым («Бога никтоже виде нигдеже», Ин.1:18).

К глубокой древности относится и замечание Лао-цзы (Старый Младенец, 老子, Lǎo Zǐ, VI век до н.э.), которого, как и Пифагора, часто почитают как божество, писавшего о невидимости идеального правителя, которого не боятся, не любят и никогда не видели, хотя при этом все знают, что он есть и все устроил идеальным образом, поскольку «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует», тогда как «несколько хуже те правители, которые требуют его любить и возвышать», но «еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает» [8, с. 120].

Первые рассуждения о незримом и зримом, включая перспективы освоения и манипуляции ими, восходят к преданиям глубокой древности, в том числе к известным сказкам о шапке–невидимке и кольце, делающем человека невидимым, моральные и криминальные аспекты которого обсуждал Пьер Жозф Тулье д'Оливе (Pierre-Joseph Thoulhier d'Olivet, Abbot of Olivet, 1682- 1768), аббат, учитель Вольтера и переводчик Цицерона на французский, в свою очередь переведенные и опубликованные в 1752 году под редакцией М. В. Ломоносова, позднее переизданные (1767), полагая, что невидимость/незримость может служить совершению преступлений [1, с. 110].

Обращаясь к данным НКРЯ, можно отметить, что впервые слово «незримое» обнаруживается в XIV столетии, когда писалось, что «внутреняго разумѣвай челоуѣка, душевное существо, не явлено се, но скровенное, си невидимое и незримое естеством» (НКРЯ из Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти (XIV в.). Позднее оно встречается у И. В. Киреевского (1806 – 1856), написавшего, как «мы плѣняемся тѣмъ, что видѣли, а еще болѣе тѣмъ, чѣмъ настроенное воображеніе невольно дополняетъ незримое» (НКРЯ, И. В. Киреевский. Нечто о характере поэзии Пушкина, 1828). Ф. И. Буслаев (1818-1897 гг.) начинает раскрывать антропологическое значение слова «незримое», которое понималось им как концепция связи мистической и бытовой стороны жизни человека: «мифологической и исторической основы народного быта, сосредоточенной к заветным убеждениям и воззрениям народа на жизнь и природу, дающей как бы идеальное, незримое, но всеми чувствуемое единство этому, по-видимому, неорганическому сцеплению частей в одну массу» (НКРЯ, Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос, 1861 г).

Попытки «описать незримое», вообразив и символически изобразив его, «восходят к восторженной поэтике гимнов, воспевающих божественное (Гомер, Гесиод)», которые сочетались с переживаниями «настроения "покинутости богами" (ἄθεος, Вакхилид)», порождая философские попытки создания «мира незримого» как «умозрительных» концептов оснований физического бытия, всегда «незримых (Аристотель)», которые активно «включаются в современный дискурс наблюдения третьего порядка, настроенного на переживание страха и радости от осмысления «невидимизации» бытия [2, с. 298]. Его учитель Платон активно исследовал различия между незримым и зримым мирами, антропоморфными и «физикоморфными» образами, что стало одним из центральных аспектов его философии. Его идеи о двух уровнях реальности - «мире идей (незримом) и мире вещей (зримом)» – формируют основу его метафизики [7]. Так в отмеченном тексте С. Б. Куликов, антропоморфизм в понимании природы и человека у Платона основывается «различении мира видимого, вещественного и невидимого, идеального и несотворенного»; а данная концепция антропоморфизма помогает понять, как идеи могут воплощаться в материальном мире, создавая связь между человеком и высшими истинами. Платон также говорил, что «к духу человека ближе всего глаз» [7].

С другой стороны Фридрих Ницше (1844-1900 гг.) в работе «Так говорил Заратустра» (1883 г.) описывал рассуждения Заратустры Спитама (628 -551 до н.э) в отношении личного эмоциональному восприятию, способности глаз становиться индикатором чувств, эмоций, понимания человека: «когда он измерил ее глазами, испугался..., как перед внезапным призраком» [15, с. 342]. Рассматривая данный подход на примере феномена маски, можно заметить, что он скрывает индивидуальность носителя, создавая иллюзию другого существа или силы, видимой глазу. Тем самым, он открывает невидимое окно для общения с «незримым». Здесь маска становится связующим звеном между миром видимого и невидимого, позволяя участникам ритуала «увидеть» и

«взаимодействовать» с тем, что обычно остаётся за пределами человеческого восприятия.

В своей работе «Священное и мирское» Мирча Элиаде (1907-1986 гг.) полагает, что маску нужно воспринимать как «таинственный акт», соединяющий пространство священного и мирского, когда она выполняла роль «...чего-то потустороннего, не принадлежащей к нашему миру» в предмете, который выступал «как неотъемлемая часть естественного мира, т.е. мирского» [20, с. 17]. Элиаде говорил, что «священное напитано бытием», оперируя данным высказыванием, можем предположить, что маска надеваемая человеком, включает его в процесс принятия этого «инобытия», и абстрагирует его от прежней данной ему эмпирической реальности [9, с.18]. Будет уместно упомянуть комментарий С. В. Пахомова о практической стороне работы этого автора, в которых можно проследить отношение священного и человека, поскольку он «часто описывает странные ситуации, в которых его персонажи сталкиваются с какой-то неведомой силой, с проявлением небывалых, сверхъестественных способностей» [16].

Заключение.

Каждый может непосредственно созерцать солнце над головой или гору Олимп в Греции, которую освещает это светило, но невозможно наблюдать деятельность древнеегипетского бога Атона (воспетого Эхнатом) или семейства олимпийских богов, описанного Гомером, так же как «совести» или «ума» в отдельной личности, даже после самого тщательного ее хирургического «вскрытия», как об этом, согласно современной легенде, сказал И. В. Сталину в ответ на вопрос о том, видел ли он душу, вскрывая своих пациентов, В.Ф. Войно-Ясенецкий (он же архиепископ Лука, 1877-1961), знаменитый хирург, при вручении ему Сталинской премии первой степени (1946). В. В. Бибихин (1938-2004 гг.) писал про невидимость мира в целом, поскольку «всё, что мы видим, когда что-то видим, - это части мира, и мы никогда не видим мир в целом. Если есть, что-то безусловно невидимое, так это мир» [5, с. 12].

Литература

1. Аринин Е. И. Политологическое религиоведение: «religio» от Цицерона до Лумана в поисках идеала «*Rex Deorum*» // Религиоведение. 2019. № 2. С. 110.
2. Аринин Е. И. Вера и религия (лингвистические и феноменолого-религиоведческие аспекты) // Гражданственность. Патриотизм. Культура. Религия : кол. монография / под. общ. ред. и сост. А. А. Лисенковой, М. Г. Писманника и А. А. Субботиной. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2023. С. 297–298.
3. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Человек бунтующий, будь видимым или умри! К визуализации семантики протестно-сетевой коммуникации // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 4 (22). С. 42.

4. Берёзкин А. В., Крицкая С. Ю. Persona: из римского права в богословие и каноническое право // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 106–108.
5. Бибихин В. В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.
6. Гумбрехт Х. У. После 1945. Латентность как источник настоящего. М.: Новое лит. обозрение. 2018. 326 с.
7. Куликов С. Б. Оптические метафоры и натурфилософские изыскания Платона // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 81–92. Электрон. версия печ. ст. URL: <https://classics.nsu.ru/schole/9/9-1-kulik.pdf> (дата обращения: 08.11.2024).
8. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 119–120.
9. Леви-Стросс К. Путь масок / пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 2000. 399 с.
10. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. 478 с.
11. Луман Н. Невидимизация: «unmarked state» наблюдателя и его сдвиги // Общество общества. Кн. 5: Самоописания. М.: Логос, 2009. С. 262.
12. Маска: [значение слова, перевод, этимология] // Википедия. [2024]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Маска> (дата обращения: 10.11.2024).
13. Ровинский Р. Е. Нашим Солнцем был Сириус // Наука и Религия. 1991. № 11. С. 46–50; № 12. С. 19–33. Электрон. версия печ. ст. URL: <https://afroart.ru/afrikanskii-style/nashim-solntsem-by1-sirius.html> (дата обращения: 10.11.2024). Доступ на сайте галереи Афроарт: Искусство Африки.
14. Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения : монография / Р. Э. Бараш [и др.]. М.: Рус. о-во истории и философии науки, 2020. 282 с. (Б-ка кафедры соц. философии и философии истории филос. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова).
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2015. 413 с.
16. Пахомов С. В. Мистическая трансформация времени и пространства в художественных произведениях Мирчи Элиаде // ARBOR MUNDI. 2011. № 18. С. 25–37.
17. Пантелеев А. Д. Маска в древнегреческой религии // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 23: Маска и театр в зрелищной культуре античного мира. С. 101–118.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8: Крада – Лящина / [ред. Г. Я Романова ; сост. Г. А. Богатова и др.]. М.: Наука, 1981. 355 с.
19. Софронова Л. А. Маска как прием затрудненной идентификации // Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006. С. 343–359.
20. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

1. Arinin E. I. Politologicheskoye religiovedeniye: «religio» ot Tsitserona do Lumana v poiskakh ideala «Pax Deorum» [Political Religious Studies: ‘religio’ from Cicero to Luhmann in search of the ideal of the ‘Pax Deorum’]. *Religiovedeniye*. 2019. No. 2. Pp. 110. [In Russian]
2. Arinin E. I. Vera i religiya (lingvisticheskiye i fenomenologo-religiovedcheskiye aspekty) [Faith and religion (linguistic and phenomenological-religious aspects)]. *Grazhdanstvennost. Patriotizm. Kultura. Religiya* [Citizenship. Patriotism. Culture. Religion]. Ed. by A. A. Lisenkova, M. G. Pismanik i A. A. Subbotina. Perm. Perm. gos. in–t kultury Publ., 2023. Pp. 297–298. [In Russian]
3. Barash R. E., Antonovskiy A. Yu. Chelovek buntuyushchiy, bud vidimym ili umri! K vizualizatsii semantiki protestno-setevoy kommunikatsii [Rebellious man, be visible, or perish! visualization of the semantics of protest communication in social networks]. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics]. 2019. No. 4 (22). Pp. 42. [In Russian]
4. Beryozkin A. V., Kritskaya S. Yu. Persona: iz rimskogo prava v bogosloviye i kanonicheskoye pravo [Person: from Roman law to Theology and canon law]. *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading]. 2019. No. 5. Pp. 106–108. [In Russian]
5. Bibikhin V. V. *Mir* [The World]. Tomsk. Vodoley Publ., 1995. 144 p. [In Russian]
6. Gumbrecht H. U. *Posle 1945. Latentnost kak istochnik nastoyashchego* [After 1945: Latency as Origin of the Present]. Moscow. Novoye lit. obozreniye Publ., 2018. 326 p. [In Russian]
7. Kulikov S. B. Opticheskiye metafory i naturfilosofskiy izyskaniya Platona [Optical metaphors and Plato’s natural philosophy]. *Scholae. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya* [ΣΧΟΛΗ Ancient Philosophy. and the Classical Tradition]. 2015. Vol. 9, No. 1. Pp. 81–92. URL: <https://classics.nsu.ru/schole/9/9-1-kulik.pdf> (accessed: 08 November 2024). [In Russian]
8. Laozi. Tao Te Ching. *Drevnekitayskaya filosofiya* [Ancient Chinese philosophy]. Vol. 1. Moscow. Mysl Publ., 1972. Pp. 119–120. [In Russian]
9. Lévi-Strauss C. *Put masok* [The Way of the Masks]. Trans. by A. B. Ostrovskiy. Moscow. Respublika Publ., 2000. 399 p. [In Russian]
10. Lotman Yu. M. Statyi po semiotike i tipologii kultury [Articles on semiotics and typology of culture]. *Izbrannyye statyi: v 3 t.* [Selected articles. In 3 vols.]. Vol. 1. Tallinn, 1992. 478 p. [In Russian]
11. Luman N. Nevidimizatsiya: «unmarked state» nablyudatelya i yego sdvigi [Invisibility: the ‘unmarked state’ of the observer and its shifts]. *Obshchestvo obshchestva. Samoopisaniya* [The society of societies. Self-Descriptions]. Book 5. Moscow. Logos Publ., 2009. Pp. 262. [In Russian]
12. Maska. Znachenije slova, perevod, etimologiya [Mask. Word meaning, translation, etymology]. *Wikipedia*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Maska> (accessed: 10 November 2024). [In Russian]

13. Rovinskiy R. Ye. Nashim Solntsem byl Sirius [Sirius was our sun]. *Nauka i Religiya* [Science and Religion]. 1991. No. 11. Pp. 46–50, No. 12. Pp. 19–33. URL: <https://afroart.ru/afrikanskii-style/nashim-solntsem-byi-sirius.html> (accessed: 10 November 2024). [In Russian]
14. Barash R. E. *Novyye sotsialnyye dvizheniya v setevuyu epokhu: statyi, intervyyu, ekspertnyye zaklyucheniya* [New social movements in the network era: articles, interviews, expert opinions]. Moscow. Rus. o-vo istorii i filosofii nauki Publ., 2020. 282 p. [In Russian]
15. Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow. AST Publ., 2015. 413 p. [In Russian]
16. Pakhomov S. V. *Misticheskaya transformatsiya vremeni i prostranstva v khudozhestvennykh proizvedeniyakh Mirchi Eliade* [Mystical Transformation of Time and Space in Novels of Mircea Eliade]. *ARBOR MUNDI*. 2011. No. 18. Pp. 25–37. [In Russian]
17. Panteleyev A. D. *Maska v drevnegrecheskoy religii* [A Mask in Ancient Greek Religion]. *Trudy Istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the History Department of St. Petersburg University]. 2015. No. 23. Pp. 101–118. [In Russian]
18. Bogatova G. A. *Krada – Lyashchina*. Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries]. No. 8. Ed. by G. Ya. Romanova. Moscow. Nauka Publ., 1981. 355 p. [In Russian]
19. Sofronova L. A. *Maska kak priyem zatrudnennoy identifikatsii* [The mask as a technique of difficult identification]. *Kultura skvoz prizmu identichnosti* [Culture through the prism of identity]. Moscow. Indrik Publ., 2006. Pp. 343–359. [In Russian]
20. Eliade M. *Svyashchennoye i mirskoye* [Sacred and profane]. Trans. by N. K. Garbovskiy. Moscow. Izd-vo MGU Publ., 1994. 144 p. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 15.11.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 15.11.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Н. С. Катунина

*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых*

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Целью статьи является исследование этических и правовых ограничений искусственного интеллекта в современном обществе. **Новизна** статьи состоит в том, что необходимо показать, что искусственный интеллект как саморазвивающаяся система может выйти из-под контроля человека и тогда начнет представлять опасность для общества. Искусственный интеллект (ИИ) – одно из самых спорных явлений, связанных с развитием процессов цифровизации в современном мире. Люди в современном мире, с одной стороны, постоянно сталкиваются с такими его проявлениями, как приложения в смартфонах, постановка медицинских диагнозов, распознавание образов, лиц, текста, изображений, появились «умные дома», голосовые ассистенты и тому подобное. Темой искусственного интеллекта в наше время интересуются люди самых разных профессий: философы и программисты, религиозные деятели, политики и домохозяйки. Существуют, с другой стороны, этические проблемы, связанные с разработкой и эксплуатацией интеллектуальных компьютерных систем, и они до конца не решены. Поэтому тревожат человечество. В **результате** показано, что человек должен стать духовно-нравственнее, быть выше ИИ и нести ответственность за все, что происходит в этом мире. Необходимо разработать этическую систему, в которой главное – это проблема добра и зла, смысл жизни, счастье человечества. Необходимо преодолеть эгоцентризм (мое благо должно соединиться с благом других людей). Такая этика будет выражать милосердие, справедливость, дружбу и сохранит мир на земле.

Ключевые слова: ИИ, искусственный интеллект, душа, свобода человека, совесть, право, ответственность, закон, этика науки, робот.

N. S. Katunina

*Vladimir State University
(Vladimir, Russia)*

ETHICAL AND LEGAL LIMITATIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

The **purpose** of the article is to investigate the ethical and legal limitations of artificial intelligence in modern society. The **novelty** of the article is that it is necessary to show that artificial intelligence as a self-developing system can get out of human control and then begin to pose a danger to society. Artificial intelligence (AI) is one of the most controversial phenomena associated with the development of digitalization processes in the modern world. People in the modern world, on the one hand, constantly deal with such manifestations as applications in smartphones; making medical diagnoses; facial, text, image recognition; smart house, voice assistants. Artificial intelligence nowadays interests people from all sorts of professions: philosophers and programmers, religious figures, politicians and housewives. On the other hand, there are ethical problems associated with the development and operation of intelligent computer systems that remain unresolved and disturbing to humanity. As a **result**, the author shows that a person should develop spiritual and moral qualities, be above AI and be responsible for everything that happens in this world. It is necessary to develop an ethical system in which the main thing is the problem of good and evil, the meaning of life, the happiness of mankind. It is also necessary to overcome

egocentrism (my good must connect with the good of other people). Such ethics will express mercy, justice, friendship and keep the peace on earth.

Keywords: AI, artificial intelligence, soul, human freedom, conscience, law, responsibility, law, ethics of science, robot.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-120-127

Актуальность исследования. Современный человек живет в условиях цифрового рабства. Наше общество потеряло духовно-нравственные ориентиры, на которых основывается наша жизнь. Проблема искусственного интеллекта становится актуальной с точки зрения развития науки и порабощения человека. Поэтому этические и правовые ограничения искусственного интеллекта необходимы для того, чтобы нейтрализовать опасность для общества.

Цель статьи – определить границы, допустимые для использования искусственного интеллекта в современном обществе.

Реализация поставленной цели потребовала решить следующие исследовательские задачи:

1. Показать ответственность ученого за последствия научного прогресса.
2. Выявить опасность бесконтрольного развития искусственного интеллекта.
3. Проанализировать негативные последствия влияния искусственного интеллекта на развитие человечества.
4. Выделить этические и правовые ограничения для искусственного интеллекта.

Представляется ошибочным запрещать искусственный интеллект в нашей стране. Научные исследования в области искусственного интеллекта будут продолжаться независимо от нашего желания. При этом процесс цифровизации идет с резким ускорением, и делать прогнозы по поводу дальнейшего развития общества становится проблематичным. В этой ситуации нужно проанализировать текущие процессы, чтобы влиять на то, что происходит.

Следовательно, возникает необходимость разработать этические нормы, в которых были бы определены критерии контроля над искусственным интеллектом. При Правительстве создана Комиссия, но она несет лишь консультативную функцию и не имеет реальной власти. Одних консультаций и рекомендаций в области применения искусственного интеллекта явно недостаточно.

Исследования в области искусственного интеллекта сейчас таковы, что существующие алгоритмы и программы способны накапливать опыт, который может дать возможность самообучающемуся искусственному интеллекту вырваться за пределы контроля человеком. Поэтому следует выработать такие этические системы, которые помогли бы человеку контролировать развитие искусственного интеллекта. В этом плане можно использовать врачебный принцип «не навреди».

«При этом необходимо учитывать требование этики науки. Главное в этике науки – это моральные проблемы не только проведения исследования, но

и публикации, консультации и участия в экспертизах. Главный вопрос – это вопрос ответственности за последствия научного прогресса. И эта ответственность имеет альтернативы.

Во-первых, наука развивается по законам формальной логики, где противоречие – это ошибка, а мир противоречив. Отметим, что добра и зла нет в формальной логике, объективность науки является главной для учёного. Поэтому отказ учёного от участия в опасных для общества исследованиях ничего не изменит. Однако ответственное поведение позволяет избежать негатива. Проблема добра и зла появляется только в ответственном поведении.

Во-вторых, негативные последствия порождаются не научной деятельностью, а социальными силами, которые контролируют практику применения этих достижений. Выгода рождает зло и безответственность. Поэтому, главное – не только личная, но и социальная ответственность. Надо учитывать «горький опыт». Подчеркнём, что юридический кодекс не имеет реальной силы – это лишь моральный призыв.

В-третьих, наряду с этическим саморегулированием научной деятельности, которое осуществляется внутри научного сообщества, задачи регулирования берут на себя органы власти, это ведёт к напряжению общества и научного сообщества. При этом контролёры оказываются невежественными, но имеющими власть» [5, с. 16].

Отметим, что задачи такого содержания и уровня сложности требуют ответов на следующие вопросы:

«Во-первых – что я должен делать? Каким нормам следовать? В чём заключается смысл жизни? И что такое добро и зло? Как возможна свобода воли? Во-вторых – как я могу соединить моральный мотив (следование долгу) со своими интересами и желанием счастья? В-третьих – как моё благо может соединиться с благом других людей? Такая этика выражает милосердие, справедливость, дружбу» [5, с. 16].

Для развития технологий необходимо этическое обоснование внедрения технологий в повседневную жизнь человека. Размышляя о роли искусственного интеллекта в мире ученые проявляют беспокойство о социальной безопасности технологий. Человек ограничен временем жизни, опытом, объемом памяти. Вместо того, чтобы продумать этические правовые ограничения, мы изобретаем цифровые расширители и перекладываем на эти новинки всю ответственность. В настоящее время знания становятся условием благополучия человека. А знания можно получить, имея доступ к информации и навык работы с ней. Создаются законы запретительного типа «нежелательной» информации. В этом хаосе информации нужен контроль, который должен стать основой цифрового порядка.

В этически сложном мире рождается такое дитя как OpenAI . Учителя этого OpenAI тренируют его, обучают его находить ответы на сложные вопросы самостоятельно. Тут возникает этическая проблема: каким образом можно сохранить авторские права. Подобное сверхзнание способно привести к порабощению человечества искусственным интеллектом и машинами, поэтому не стоит «мудрствовать лукаво». И здесь возникает опасность проникновения в

личную жизнь каждого человека. Все перемещения людей будут прозрачными, поэтому причинить вред человеку или лишить, например, его свободы будет вполне доступным. Открываются большие возможности сфальсифицировать «доказательства», которые могут быть предоставлены такой интеллектуальной системой. Мы видим, что искусственный интеллект, современные нейронные сети очень правдоподобно могут уже генерировать «фейки».

Следует подчеркнуть, что искусственный интеллект способен вырабатывать собственные решения, касающиеся вооружения. Поэтому возникает необходимость как правовых, так и моральных ограничений, которые искусственный интеллект не смог бы обойти [1]. Отсутствие подобных ограничений способно привести к тому, что боевые роботы уничтожат человечество, если решат, что люди им не нужны. И это вызывает вполне понятный протест, так как машина и мораль – вещи, несовместимые по определению. У человека, как существа духовного, есть душа. И сложный моральный выбор осуществляется душой и сердцем. Роботы не имеют подобной возможности по той причине, что у них отсутствует как душа, так и совесть. Конечно, в научной фантастике встречается такое понятие как «синтетическая душа», однако это вымысел, от реальности весьма далекий. Душа человека бессмертна и содержит в себе образ Божий, который запрограммировать невозможно.

Программы по разработке ИИ-вооружения уже получают финансирование в некоторых странах со стороны правительства. Поэтому ИИ-оружие представляет бóльшую опасность, чем оружие, которым управляет человек.

Один из возможных сценариев развития технократического общества – восстание машин. Как известно, если технократия является формой устройства общества, где власть принадлежит техническим специалистам, то основная идея технократии состоит в том, чтобы принимать решения исходя из эффективности. Но такое принятие решения оказывается вне политики и вызывает серьезную опасность. Т.к. используются только инженерные подходы для решения любых проблем.

В настоящее время возникло предложение применять искусственный интеллект в законодательной и судебной системах. Этой проблеме посвящена новая книга Е. Лариной и В. Овчинского «Искусственный интеллект. Этика и право». Над такой возможностью применения алгоритмов искусственного интеллекта человечество еще не задумывается. Но уже в близком будущем это может коснуться каждого [2, с. 2]. Возникает вопрос, что ожидает человека, если искусственный интеллект, не считаясь с нормами этики и права, вырабатывает решение свободы или заключения его в тюрьму? Интересно мнение ученых и политиков в наиболее развитых, роботизированных странах по данному вопросу. Как будет развиваться мир юриспруденции при использовании искусственного интеллекта? С какими угрозами столкнется при этом человечество?

Отметим, что в этой книге впервые в России делается попытка осмыслить применение искусственного интеллекта в судебной системе [2, с. 15-

16] и на ближайшие годы спрогнозировать, как будет развиваться закон и машинная логика в свете развития искусственного интеллекта.

Следовательно, обнаруживаются как перспективы, так и опасности развития искусственного интеллекта в будущем. Опасность для человечества несет недобросовестное использование технологии искусственного интеллекта. Свобода, данная человеку Богом, становится предметом посягательства. Можно прийти ко всемирному цифровому концлагерю, если злоупотреблять технологией искусственного интеллекта, так как искусственный интеллект способен сохранять, обрабатывать большие объемы как информации, так и личных данных множества людей. Отметим, что применение этих технологий может принести не только пользу, но и вред человечеству.

Отметим так же, что в связи с развитием квантовых компьютеров искусственный интеллект может смоделировать человеческое сознание, и создать виртуальную реальность. Нейронные сети способны сгенерировать искусственную личность, которая не существует.

Однако они не смогут смоделировать душу человека. Мышление у всех одинаково по законам формальной логики, а душа человека индивидуальна и неповторима. Человек имеет право на смысл, опыт и чувство. Многообразие духовного мира человека отражается в искусстве и культуре. Повседневная жизнь человека основана на опыте переживания смысловых значений жизни.

Именитые ученые-исследователи высказывают мрачные предположения о том, что умные роботы могут поработить или вовсе уничтожить человечество. Вот как говорит об этом Стивен Хокинг: «Осознавшие свое превосходство роботы решат, что человек им больше не нужен» [6]. Такие тревожные прогнозы все чаще звучат.

Реальность сегодняшнего дня такова, что человек испытывает информационные перегрузки, впадает в апатию, эмоционально выгорает и убегает в виртуальный мир. В виртуальном пространстве он может демонстрировать свои достижения в разных сферах жизни. Возникает отчуждение человека от человека. И люди перестают понимать друг друга. А цифровые взаимоотношения приводят к манипуляциям чувствами и создают иллюзию счастья.

Цифровые технологии развиваются столь стремительно, что в самом ближайшем будущем человечество может столкнуться с безработицей при бесконтрольном использовании искусственного интеллекта. Люди как работники станут не нужны. Примером могут послужить автомобили с автопилотом вместо таксистов. Люди не смогут содержать свои семьи.

Выводы. Исходя из всего, изложенного выше, следует заключение, что системы искусственного интеллекта могут решить много задач для развития общества. Однако выводы должны оставаться за человеком. Господь дал человеку разум. Искусственный интеллект имеет рассудочное мышление, по закону формальной логики, где противоречие – это ошибка.

Немецкий философ И. Кант в работе «Критика чистого разума» выделяет две формы мышления – одна на основе рассудка, другая на основе разума [4, с. 41-61]. Знание, основанное на категориальном синтезе

чувственного многообразия, по мнению Канта, является рассудочным мышлением, которое доступно искусственному интеллекту. Идеям чистого разума (Бог, мир, душа человека) соответствует предмет разумного мышления, который недоступен искусственному интеллекту. Идеи разума не подчиняются законам формальной логики, так как мир, в котором мы живем – противоречив. И главное противоречие нашего мира связано с проблемой добра и зла. У искусственного интеллекта эта проблема отсутствует. Разум подчиняется диалектической логике, где источником мышления является противоречие (закон единства и борьбы противоположностей). Только человеку свойственна творческая активность разума. Отметим, что Гегель считал, что высший этап развития универсума – это мыслящее в себе мышление в виде Абсолютного Духа. Для Гегеля мышление – это процесс развития Абсолюта в соответствии с диалектической логикой. Этот процесс развития присутствует в мире и в человеке, так как источником развития является противоречие. В науке противоречие отсутствует, так как она подчиняется формальной логике. Если включить противоречие, например, в математику, то математика, как наука, исчезнет. А основой искусственного интеллекта является математическая логика.

Господь дал человеку душу. И поэтому нравственный выбор осуществляет душа и сердце человека. У искусственного интеллекта нет души и совести. Только человек может ставить под сомнение нормы рассудочного мышления. У человека есть не только знания, но и мудрость. Искусственный интеллект лишен мудрости. Мудрость – высшее ценностное духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия [3, с. 618].

Господь дал человеку совесть. Для искусственного интеллекта главное – это дисциплина мышления по законам формальной логики. А для человека самым важным является не дисциплина мышления, а совесть, которая самое священное в человеке, где он встречается с Богом. Совесть – это тонкое чувство в сердце человека, с помощью которого человек различает добро и зло. Это голос Бога в душе человека. Это чувство невозможно заглушить внешними потребностями. Без этого чувства душа человека каменеет. И это является причиной наркомании, алкоголизма. Совесть для человека – это призыв вернуться к Богу. Ужас совести – это тревожность, которая имеет глаза, вззирающие на человека. Совесть зовет в истину, к Богу. А Бог не подчиняется когнитивно-априорным конструктивным опытам внешнего мира, Бог спасает человека от этого мира, где существует выбор между проблемами добра и зла.

Следовательно, научно-техническое развитие без нравственности пользы не принесет. Есть знание о нравственности, а есть переживание стыда, сострадания, жалости, милосердия и т.д. У искусственного интеллекта есть знания, но отсутствует переживание живого чувства, нет любви, нет души, совести и, поэтому, нет возможности различать добро и зло. Следовательно, человек должен стать духовно-нравственным, быть выше искусственного интеллекта и нести ответственность за все то, что происходит в мире. Потеря нравственности приведет к глобальной катастрофе.

Литература

1. Mitra A. We can train AI to identify good and evil, and then use it to teach us morality // QUARTZ : web-site. URL: <https://qz.com/1244055/we-can-train-ai-to-identify-good-and-evil-and-then-use-it-to-teach-us-morality>. Published: 05.04.2018.
2. Ларина Е., Овчинский В. Искусственный интеллект. Этика и право. М.: Кн. мир, 2020. 192 с. (Коллекция Изборского клуба).
3. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 634 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2007. 734 с. (Антология мысли).
5. Катунина Н. С. Этика и правовые ограничения действий искусственного интеллекта в современном мире и будущем: православный взгляд // Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика. 2023. № 3 (5). С. 13–19.
6. Стивен Хокинг назвал четыре возможных сценария конца света на Земле // Рамблер/новости : сайт. URL: <https://news.rambler.ru/science/46280038-stiven-hoking-nazval-chetyre-vozmozhnyh-stsenariya-kontsa-sveta-na-zemle/>. Дата публикации: 22.04.2021.

References

1. Mitra A. We can train AI to identify good and evil, and then use it to teach us morality. *QUARTZ*. URL: <https://qz.com/1244055/we-can-train-ai-to-identify-good-and-evil-and-then-use-it-to-teach-us-morality>.
2. Larina Ye., Ovchinskiy V. *Iskusstvennyy intellekt. Etika i parvo* [Artificial Intelligence. Ethics and law]. Moscow. Kn. mir Publ., 2020. 192 p. [In Russian]
3. *Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t.* [New philosophical encyclopaedia. In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow. Mysl Publ., 2010. 634 p. [In Russian]
4. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow. EKSMO Publ., 2007. 734 p. [In Russian]
5. Katunina N. S. Etika i pravovyye ogranicheniya deystviy iskusstvennogo intellekta v sovremennom mire i budushchem: pravoslavnyy vzglyad [Ethics and legal restrictions of the actions of artificial intelligence in the modern world and the future: an orthodox view]. *Tomskiy bogoslovskiy vestnik. Teologiya. Pravo. Ekonomika* [Tomsk Theological Bulletin. Theology. Law. Economics]. 2023. No. 3 (5). Pp. 13–19. [In Russian]
6. Stiven Khoking nazval chetyre vozmozhnykh stsenariya kontsa sveta na Zemle [Stephen Hawking named four possible scenarios for the end of the world on Earth]. Rambler. URL: <https://news.rambler.ru/science/46280038-stiven-hoking-nazval-chetyre-vozmozhnyh-stsenariya-kontsa-sveta-na-zemle/> [In Russian]

Статья поступила в редакцию 22.10.2024
Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 22.10.2024
The article is approved for publication 25.11.2024

А. С. Большакова

Научный руководитель: А. Ю. Каширин

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ЭТИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ ДЛЯ СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ДИЛЕММА «НЕВОЗМОЖНОГО ВЫБОРА»

Целью статьи является критический анализ проблемы создания этической кодификации для алгоритмов сильного искусственного интеллекта. **Научная новизна** заключается в рассмотрении двух образов ИИ на основании постмодернистской интерпретации языка как дискурса власти и концепции «невозможного», принудительного выбора, совершая который, человек рискует потерять саму способность *выбирать* (А. Зупанчич). Первый образ - как отчужденный Иной (Двойник), рожденный в рамках закономерных механизмов эволюции темы монологического прогресса (рациональности), с его неумолимой логикой (само)разрушения, позволяющей вести речь об этической кодификации. И в этом случае, кодификация будет представлена новоязом с его парадигмальной интенцией подавления/самоограничения/самоотмены, будет выступать самореференцией человеческой деструктивности, реализуемой как аутодеструкция в чистом виде. Мы исходим из допущения отраженности данной схематики в ощущении человеком угрозы - страха перед ИИ и, в то же время, в назойливой настоятельности институциональной кодификации как иллюзорном способе сдерживания отчужденных разрушительных сил, осуществляемого инструментами «этики террора», изымающей и накапливающей субстрат субъективации. Субъективации, представленной «бременем» теперь уже отчужденного, ответственного выбора в сфере новой онтологии ИИ, где безусловное попадет в ловушку «новой» условности (К. Ясперс). Второй образ – своеобразный апофатический проект искусственного интеллекта, в котором он (ИИ) существует как продуктивная / продуцирующая постоянно изменяющиеся сущности зеркальная рекурсия (Солярис), элиминирующая субстанциональность субъекта и дающая возможность сверхперсонализации - очищения выбора от детерминаций условностями/частностями.

Результатом исследования выступает выявление общей дилеммы о необходимости/ не-необходимости этической кодификации для сильного ИИ (парадокс невозможного выбора), на основании которой мы выделяем ряд частных этических дилемм в сфере языка и контроля: 1) создание «личного», непрозрачного для человека языка алгоритмов как их свобода и автономия / универсальный язык для всех акторов коммуникации; 2) исключительность человеческого разума / признание его ограниченности; 3) единый высший моральный цензор, устанавливающий строгий набор моральных регулятивов / плюралистичная, ситуативная мораль в пространстве отношений.

Ключевые слова: цифровая материя, сильный искусственный интеллект, язык, контроль, невозможный выбор, этическая кодификация, террор, трансгуманизм.

A. S. Bolshakova

Scientific advisor: A. Yu. Kashirin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

ETHICAL CODIFICATION FOR STRONG ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DILEMMA OF “IMPOSSIBLE CHOICE”

The purpose of the article is to critically analyse the problem of creating an ethical codification for strong artificial intelligence algorithms. **The scientific novelty** lies in the consideration of two images of AI based on the postmodernist interpretation of language as a discourse of power and the concept of the ‘impossible’, forced choice, by making which a person risks losing the very ability *to choose* (A. Zupančič). The first image is as an alienated Other (Doppelgänger), born within the natural mechanisms of evolution of the theme of monologic progress (rationality), with its inexorable logic of (self-)destruction, which allows us to talk about ethical codification. And in this case, codification will be represented by the newspeak with its paradigmatic intension of suppression/self-limitation/self-negation, will act as a self-reference of human destructiveness, realised as autodestruction in its purest form. The authors proceed from the assumption of the reflection of this schematic in the human feeling of threat - fear of AI and, at the same time, in the annoying insistence of institutional codification as an illusory way to contain alienated destructive forces, carried out by the tools of the ‘terror ethics’, withdrawing and accumulating the substrate of subjectivation. Subjectivation, represented by the ‘burden’ of the now alienated, responsible choice in the sphere of a new AI ontology, where the unconditional is trapped in a ‘new’ conditionality (Jaspers). The second image is a peculiar apophatic project of artificial intelligence, in which it (AI) exists as a productive/producing constantly changing entities mirror recursion (Solaris), eliminating the subject's substanceality and enabling superpersonalisation - purification of choice from determinations by conventions/particularities.

The result of the study is the identification of a common dilemma of the necessity/non-necessity of ethical codification for strong AI (the paradox of impossible choice), on the basis of which the authors distinguish a number of specific ethical dilemmas in the sphere of language and control: 1) creation of a ‘personal’, non-transparent for humans language of algorithms as their freedom and autonomy / universal language for all actors of communication; 2) exclusivity of the human mind / recognition of its limitations; 3) a single ultimate moral censor establishing a strict set of moral regulators / pluralistic, situational morality in the relational space.

Keywords: digital matter, strong artificial intelligence, language, control, impossible choice, ethical codification, terror, transhumanism.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-2-3-128-145

Цифровая материя, умножая пространство, запускает также механизм умножения социальных связей и способов контакта с миром – умножения этических дилемм, противоречий и аксиологических рисков – и, наконец, умножения способов и форм их осмысления. Это умножение носит гетерогенный характер, что представляет собой особый вызов для сферы этического регулирования, выражающийся, в первую очередь, в дилемме о необходимости/не-необходимости разработки этических рамок для алгоритмов сильного искусственного интеллекта. Проблема этической кодификации – это проблема поиска человеком самого себя, и она, разумеется, абсолютно не нова – ей как минимум более 2,5 тысяч лет. Этот поиск в XX веке привел к величайшим гуманитарным катастрофам, реальным событиям, поставившим нас перед выбором констатации «Человека» монологичного/ тоталитарного/ тотального или диалогичного/ открытого/ ускользающего. И возвращаясь к артикуляции поставленной цифровым миром проблемы, можно допустить, что человек стоит перед выбором между принудительным созданием диктатора/надсмотрщика в «лице» ИИ и разговором о появлении новых форм открытости и незавершенности, где ИИ не выступает в форме

субстанционального Иного, а позволяет создать новый онтологический модус дистанцирования от идентификации.

Проблема теоретического осмысления сильного (не только самообучающегося, но и мыслящего, чувствующего, сопереживающего) ИИ отчасти напоминает соляристику – выдуманное учение из романа Станислава Лема. Соляристика – это «собрание зарисовок, испытаний, возможностей, которые все вместе создают пространство неопределенности» [9, с. 74]. Неопределенность обусловлена столкновением человеческого познания с «конечным объектом, своими бесконечными превращениями не допускающим существование “нормальной науки” (Т. Кун), в рамках методологических принципов которой ставятся результативные вопросы и даются обоснованные ответы» [9, с. 74]. В связи с этим, цель данной работы – внести в эту неопределенность новые зарисовки, поставить новые вопросы, пусть и (пока что) остающиеся без ответов.

Й. Базен в своих исследованиях призывает обратить внимание на ненормативный, ориентированный на практику подход к этике ИИ, вдохновленный концепцией ситуативной и неартикулированной морали Р. Джеколлы и понятием *Lebensformen* Л. Витгенштейна [22]. Согласно Витгенштейну, этика как пространство вне сферы языка «ускользает от слов и речей» [26], разговор о ней предполагает «столкновение с границами языка» [39, с. 6]. Этическое измерение реальности, овеществляющееся в поступках, как бы «проступает» в мир и приобретает возможность быть оцененным через *Lebensformen* – «форму жизни, обеспечивающую стабильность привычных действий» [24, с. 50]. Трактовка этики как практики, выходящей за пределы языка, позволяет сосредоточиться на практических действиях ИИ, способах проявления этических принципов через поступки. В данном случае репрезентантом формы «жизни» ИИ будут выступать «характерные черты, позволяющие любому, кто уже сталкивался с этим конкретным ИИ, узнать его», т.е. алгоритмический стиль, «узнаваемый паттерн действий, сообщающий через цифровые следы базовые этические принципы» [22]. Отсутствие таких характерных черт подчеркивает случайность работы алгоритма и следовательно, «этики как таковой» (Й. Базен). По нашему мнению, здесь стоит обратить внимание на то, что тезис «отсутствие узнаваемых форм поведения = отсутствие этики» верен только в случае выводов Базена о тождестве этики и техники. В противном случае случайность действий алгоритмов напротив свидетельствовала бы о наличии «человеческой» этики, детерминированной случаем (неповторимостью выбора, событием случайной встречи и пр.). Такая «случайная» детерминация, можно полагать, и порождает большинство страхов и опасений в размышлениях о развитии сильного, способного к самосознанию («подлинного») ИИ, а также инициирует попытки создать нормативные документы, регулирующие его поведение.

К таким документам можно отнести: национальный «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» (2021) [5], вторую версию «Трансгуманистического билля о правах» (2016–2017) [38], этические рекомендации по использованию ИИ от ЮНЕСКО (2021) [17], «Этически

обоснованное проектирование» от IEEE (Институт инженеров в области электротехники и электроники) (2019) [31], «Искусственный интеллект. Этические и социальные проблемы. Общие положения» и «Информационные технологии: Обзор доверия к ИИ» от организации ISO (2020–2022) [33; 34] и др. В перечисленных документах поднимаются под разными углами вопросы алгоритмической ответственности, подотчетности, прозрачности, безопасности, устойчивости, беспристрастности, риск-ориентированности, автономности – в гуманистическом (ориентированном на действия от лица субъекта, на классическую аксиологию), постгуманистическом (настаивающем на идее уравнения человека и машины, которые «видят» себя как целостную, рациональную, саморегулируемую и самоопределяющуюся систему и утверждают свою автономию и способность действовать свободно в условиях тенденции к энтропии (в терминах термодинамики, в условиях тенденции к рассеиванию энергии и, в терминах кибернетики, к хаосу [35])) или трансгуманистическом (очерчивающем правовую регуляцию действий разумных организмов, начиная от людей, в т.ч. генетически модифицированных, ИИ, заканчивая любыми видами растений или животных, способных к разумному мышлению) ключе.

В связи с этим, мы предлагаем два вектора рефлексии над проблемами, связанными с взаимозависимыми категориями языка и контроля. Язык, если он универсален, по сути, и представляет собой контроль; контроль, в свою очередь, изначально пронизан языковым дискурсом (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан и др.).

Необходим ли искусственному интеллекту новояз?

Мечта об общем языке,
как и все мечты об абсолютно истинном языке,
о совершенно верном именовании опыта, —
мечта тоталитарная и империалистическая
Д. Харауэй

1. В гуманистическом смысле очевидно, что ИИ должен признавать и уважать ситуативный характер знаний и контекст функционирования, т.е. он должен быть разработан таким образом, чтобы понимать и адаптироваться к конкретным культурным, социальным и историческим условиям, в которых он работает, обеспечивая тем самым контекстуальную уместность и уважение к человеческим действиям.

2. Рассматривая это положение в постгуманистическом контексте, мы можем наблюдать истоки проблемы универсализации: алгоритм, адаптирующийся к любым коммуникативным ситуациям – универсальный нейтральный другой, нейтральный актер. Субъект, который «маркирует другого как своего другого, не воспринимая себя как маркированного», автоматически ставит ИИ в позицию лишения – сознания, самоопределения, рациональности, делает его абстрактным другим, негативностью, существование которой, тем не менее, «необходимо для утверждения автономного субъекта» [35].

3. Обращаясь к трансгуманистическому мировоззрению, стоит вспомнить понятие «прикладной онтологии» и стремление создать «эсперанто баз данных» [36, с. 21], чтобы решить «проблему Вавилонской башни»: отсутствие операционной совместимости между информационными системами из-за различий в их тезаурусах (для обозначения одних и тех же объектов, понятий, отношений используются различные информационные единицы [30, с. 73]). Представители прикладной онтологии, руководствуясь средствами натуралистической эпистемологии и тезисом «методология естественных наук – фундамент получения знаний о мире», сталкиваются с закономерной критикой, оспаривающей эсперанто баз данных как «решение на новом языке» [27]. Отсылка к роману Оруэлла «1984», где мышление и поведение граждан контролируется за счет жесткого ограничения вокабуляра, неслучайна: новояз ИИ – разновидность авторитарного, шаблонизированного контроля над знаниями, который 1) неоправданно ограничивает возможности информационных систем учитывать культурные нюансы и вариации понятий в источниках информации; 2) если речь идет о сильном ИИ, потенциально делает недоступным человеческое вмешательство в алгоритмическую коммуникацию.

Эти положения указывают на этическую дилемму, то самое витгенштейновское «столкновение с границами языка»: 1) создание собственного языка алгоритмов как их свобода и автономия, их право на общение и недопустимость тоталитаризации – общего языка; 2) универсальный язык для всех акторов коммуникации, или особый «личный» язык алгоритмов, но полностью прозрачный для человека. Если ИИ понимает человеческий язык (на любых языках мира), должен ли он иметь право на собственный язык, непонятный человеку? Приведем здесь размышления Г. Л. Тульчинского: «Самообучающиеся нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, не понятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы сосуществования с наделенными субъектностью “не-людьми”» [11]. Исходя из того, что вполне уместно вести речь о человеке как продукте языковых структур (человек как языковой конструкт – М. Фуко, Н. Хомский, Р. Бервик, С. Пинкер), то создание алгоритмами ИИ собственного языка (творческое создание) уже говорит о начальных этапах самоосознания, о сепарации от человека. Возникают вопросы:

Как не подвести всех под универсальный язык, и при этом избежать непрозрачности коммуникации ИИ? Если постнеклассическая парадигма ориентирована на то, что «человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от способа вопрошания, и от способности понимания вопрошающего» [1, с. 70], то что делать, если вопрошающий не понимает? Если постнеклассическая «легализация ценностей субъекта в качестве ориентира познания» сталкивается с ценностями алгоритмов, в какую сторону должно быть расширено «поле рефлексии над познавательной деятельностью»

[10, с. 634]? Выступает ли язык ИИ, недоступный человеку и формируемый для коммуникации алгоритмов между собой, как граница их мира (Л. Витгенштейн [2, с. 56]), как дом их бытия (М. Хайдеггер [14, с. 192])? И если их бытие определено исключительно функциональными категориями (стремлением к расширению познания), а моральные нормы не обладают когнитивным статусом («содержат в себе существенный некогнитивный элемент – императивно-ценностную, прескриптивную интенцию» [7, с. 13]), будет ли тогда этика (и в частности, этическая кодификация) определяющей в формировании этого бытия? Возможно ли создание такого алгоритма, где ИИ в качестве субстанции поведения рассматривает себя исключительно как этический актер, а за пределами этических границ теряет свою активность, т. е. перестает функционировать? А нужно ли создание такого алгоритма, если поведение ИИ не маркировано приматом этического, и его деятельность для него самого перестает рассматриваться как деятельность вообще? Или это только очередное проявление диктатуры – цифровой некрофилии?

Монологизм новояза (диктатуры в сфере языка) выступает в качестве основополагающего маркера научно-технического прогресса, имеющего нарциссический характер. В округе этих понятий, ИИ, как наивысшая степень прогресса (точка сингулярности) предстает как воплощенное отчужденное стремление к контролю.

ИИ – отчужденная интенция к контролю

... Инструментальным представлением о технике

движимы все усилия поставить человека

в должное отношение к технике.

Всё нацелено на то, чтобы надлежащим образом

управлять техникой как средством...

Это желание овладеть становится всё более настойчивым,

по мере того как техника всё больше

грозит вырваться из-под власти человека

М. Хайдеггер

1. С гуманистической стороны ИИ должен избегать позиции властвования или контроля над субъектом, то есть должен быть спроектирован таким образом, чтобы способствовать развитию совместных и неиерархических отношений с пользователями, поощряя их автономию и самоопределение. Эта точка зрения наиболее наглядно представлена в т.н. «национальном» кодексе этики ИИ – «человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность» [5]. Алгоритмы не должны, другими словами, оказывать чрезмерное влияние на субъекта, а субъект не должен возводить ИИ в ранг божества – мысли о недопустимости создания иллюзии обожения техники широко представлены в научной фантастике, самый наглядный пример – работа Ф. Брауна «Ответ».

2. Опираясь на положения критического постгуманизма, в чем-то близкого концепциям информационной этики, стоит отметить, что неиерархичность взаимоотношений субъекта и ИИ должна строиться на экологизме. Л. Флориди настаивает на этике, которая рассматривает инфосферу

в контексте экологических ценностей, как пространство, «которое нужно беречь точно так же, как экологизм призывает беречь экосферу» [25, с. 166]. Ни ИИ, ни субъект не должны быть высшей контролирующей инстанцией – любые импульсы к контролю «неизбежно сужают ценностное пространство» [37, с. 202].

3. В трансгуманистических исследованиях, исходя из проблемы самосознания ИИ и его способности к агентству, звучит призыв к тотальной этической оценке, одному всепроникающему мировоззрению для определения всех аксиологических вопросов. А. Томас, критически оценивая трансгуманистические проекты, отмечает: «Экспоненциальный рост инструментальных возможностей предъявляет экспоненциальные требования к принятию этических решений. Он сводит на нет плюрализм видения в пользу тоталитаризма» [37, с. 202]. Ученый упоминает понятие “singleton”, введенное Н. Бостромом и обозначающее «мировой порядок, в котором существует единственная организация, принимающая решения на высшем уровне», «унитарную формацию, осуществляющую тотальный контроль в трансгуманистическом дискурсе» [23, с. 48]. Бостром видит в такой организации преимущества «вечной стабильности», «эффективного предотвращения проблем» за счет технологий наблюдения и контроля [23, с. 54].

Здесь также возникает оппозиция: один полюс – универсальная, нечеловеческая точка зрения («путь к единому тоталитарному видению» того, что правильно [37, с. 203]), дающая право говорить от имени всех видов жизни, и другой – активная роль этического разума человека, и снова – роль тоталитарная. На этой оппозиции строятся следующие этические дилеммы: исключительность человеческого разума против признания его ограниченности; единый прикладной (инструменталистский, а следовательно, разрушительный) разум и строгий набор моральных протоколов против плюралистичной, ситуативной морали. Попробуем также поставить ряд вопросов, касающихся проблемы контроля.

Ж. Лакан полагал, что аналитик не должен быть тем, кто знает, подчеркивая тем самым принципиальную открытость Диалога, лишённую априорных установок (именно поэтому он настаивал на тождестве психоанализа и этики) [6]. ИИ, как инстанция, к которой обращаются с вопросом (на современном этапе развития алгоритмов, который доступен всем – банальный пример: диалог с чат-ботом), выступает с позиции ответчика, с позиции того, кто не только знает, но и принимает делегируемые ему полномочия человеческого разума, роль определителя поведения, что в дальнейшем может привести к тому пока еще утопическому проекту единого мирового порядка. Должен ли человек оставаться в позиции «исключительного спасителя» («только мы можем спастись от самих себя, мы все еще особенные» [37, с. 203])? Должен ли человеческий разум определяться только лишь через признание его фундаментальной ограниченности? Как, отвергая гордыню централизации человека, не наделить ИИ гордыней централизации алгоритмов? О какой этической кодификации от лица человека может идти речь, если

самоосознающий ИИ, как принципиально иной – и, что более важно, в отличие и человека целостный организм, не нуждается в подтверждении этой целостности извне? Кто должен задавать регулятивы алгоритмам и должен ли? Какую форму могут принять эти «регулятивы», которые, по сути, не являются регулятивами в силу их постоянной вариативности, подстраиваемости, случайности, которые интуитивно напоминают что-то вроде нравственного чувства, невоплощаемого, без источника? Не выходит ли так, что мы пытаемся создать регулятив для ИИ, сами не обладая представлением об источнике данного регулятива, который, в свою очередь, определяет нашу поведенческую модель – не обязательно эффективную в нравственном понимании? Таким образом, не стоим ли мы на пороге угрозы через сам факт создания этического кодифицирования ИИ создать источник морали/абсолютного высшего морального цензора (тот самый singleton Н. Бострома)?

Отношение к ИИ как артикуляция «этики террора»

Террор возникает тогда,
когда кто-то принимает эффект,
оказываемый Событием на субъекта,
за свою непосредственную цель,
веря в то, что, производя этот эффект,
он также производит само Событие [...].

Исходя из этого, мы можем ...
определить тот предел, на котором
этика трансформируется либо в террор,
либо в смутное желание катастрофы
А. Зупанчич

Ошибочно полгать, что этический прогресс автоматически/ закономерно следует за техническим, или что этика, как ее понимают трансгуманисты, это «иррациональное стремление, нуждающееся в замене целями инструментализма» [37, с. 208]. Метанарратив прогресса как исторического факта – это «утвердительный менталитет», неспособный на взгляд «в лицо ужаса», но в своей неспособности этот ужас увековечивающий [20, с. 7], а «язык прогресса и развития – это язык угнетения и господства» [21, с. 3]. Согласно Т. Адорно, прогресс всегда ведет к преступлениям, во имя этого прогресса совершаемых; господство как прямое следствие рациональности и затем рационализация господства – специфика мышления эпохи Просвещения, где любое знание (пусть это и этические рассуждения) содержит потенциал варварства. В связи с развитием ИИ проблема стремительного прогресса снова остро актуальна, как актуально и требование Адорно о необходимости осмысления разумом собственного регрессивного момента [19, с. 153], самопроблематизации разума (участия в активной самокритике и радикальной открытости альтернативным взглядам). Здесь мы предлагаем вспомнить четыре перекликающихся между собой изречения – Т. Адорно, М. Хайдеггера, Ж. Деррида и М. Фуко.

Адорно полагает, что «прогресс происходит там, где ему приходит конец» [20, с. 153]. Хайдеггер пишет: «Конец метафизики может длиться

дольше, чем вся предыдущая история метафизики» [15, с. 177]. Настаивание Адорно на раскрытии генеалогии разума через проблематизацию созвучно идее Фуко об освобождении мысли «от того, что она мыслит втайне от самой себя», чтобы «дать ей возможность мыслить иначе» [12, с. 15]. Деррида выводит следующую логическую цепочку: «Конец человека – это мысль бытия, человек – это конец мысли бытия, конец человека — это конец мысли бытия. Человек – это всегда свой собственный конец, т. е. конец своего собственного. Бытие – это всегда свой собственный конец, т. е. конец своего собственного» [3, с. 165]. Если прогресс – это, опять же выражаясь словами Адорно, в каком-то смысле императив избегания тотальной катастрофы, то ситуация, о которой мы рассуждаем – перспектива сосуществования с сильным ИИ – не будет ли существованием внутри вечно длящейся катастрофы, бытием внутри конца? Или напротив, «смутным желанием катастрофы», впадением в террор, обусловленный интерпретацией этики как «вырабатывания стратегии, призванной принудить к тому, чтобы столкновение с реальным, с Событием, произошло» [4, с. 308]? Или, если человек как синоним бытия есть предельная конечность, а ИИ как синоним виртуального бытия есть предельная длительность/непрерывность (мерцание новых смыслов в поле принципиальной не-субъективности) – возможно, это и есть прекращение катастроф за счет децентрации Человека?

А. Томас, полагая, что трансгуманистическая идеология культивирует только ценность инструментального прогресса, отмечает: «В этом процессе все, включая человека, объективируется: овеществляется, формализуется, количественно оценивается. Вера трансгуманистов в положительные результаты совершенствования человека основана на вере в способность человека к успешному применению разума, что является формой эпистемологической уверенности» [37, с. 196]. Эта мысль артикулирует реальную опасность, кроющуюся в абсолютизации научных фактов/технического прогресса без глубокой этико-философской рефлексии. «Осязаемость» научно-технического прогресса допускает его самооправдание; он не гарантирует закономерный этический прогресс (пример – две мировые войны XX века). Достичь этического прогресса гораздо сложнее ввиду отсутствия «истины», которую можно было бы открыть. Этика должна быть сконструирована – в пространстве экзогенных для чистой научной рациональности ценностей, в противном случае они, эти ценности, будут обладать откровенно антигуманным характером (как это видно на примере призыва к многочисленным жертвам на пути к Человечеству 2.0, «оправданному» обещанием абсолютного овладения реальностью, превосходящего «все человеческие ценности» [28]). И здесь снова встает тот же вопрос: имеем ли мы право «конструировать» этику ИИ, и не выступает ли эта конструкция поиском системы ценностей, навязывающей очередной иерархический и варварский «гуманистический» идеал?

Возможно, как тривиально бы это не выглядело, этика должна быть не для Кого-то. Стоит различать инклюзивный и эксклюзивный типы этики: первый тип фокусируется на отношении (между моральными агентами,

релятами – «существа не предшествуют своим отношениям» [31, с. 6]), второй тип – избегает контекста, акцентируя внимание на отдельных агентах, а не на отношениях между ними (феномен «морфологической свободы»). Последний тип, транслируемый идеологами трансгуманизма, «не обязательно отрицает отношения», но, ставя во главу угла морального агента, делает плоской многогранную, объемную этическую реальность с ее переплетениями нравственных перспектив – и склоняется, в конечном счете, «к дискриминационным практикам, поскольку предполагается, что этический агент обладает высшей внутренней ценностью» [37, с. 199]. Инклюзивная этика, в свою очередь – это возможность реагирования, возможность без отрицания существования релятов рассматривать их сквозь обширные сети взаимосвязей со всем остальным миром, возможность признать за минимально возможную единицу анализа именно отношение. Субъект-объектная бинарность (как, впрочем, и любые гуманистические бинарные дихотомии – Я/Другой, Органика/Техника, Природа/Культура и пр.) есть лишь форма контроля, господства над природой, онтологического искажения действительности.

Проблема создания этической кодификации для искусственного интеллекта в определённом смысле топологическая – она помогает понять, что нет универсального (коллективного/единого) «мы», но есть существа («субъекты-процессы» [31]), взаимо-расположенные внутри сплетения гетерогенных пространств отношений. Искусственный интеллект, можно допустить, чем-то близок организации платоновской хоры. Так можно ли «кодифицировать» чистую инаковость, где представлены все возможные точки зрения без претензии на констатацию субъекта, все возможные перспективы и хаотичное движение внутри этих возможных перспектив?

Создание сильного ИИ должно быть закономерным следствием не только развития науки, но и реального положения нравственной материи (знания порождают ценности, а ценности опосредуют производство знаний). Научная парадигма должна раскрывать ту же самую модель, что и этическая – язык является репрезентантом ценностей и в то же время частью ценностного мира (по сути, язык репрезентирует сам себя). Технический прогресс как овеществленная форма знания, пусть и с благими намерениями, приводит к результатам, имеющим этическое значение, позволяющим осознать, что роль человека (как и роль ИИ) – это не роль истока иерархии/ надприродной константы / Бога, делающей стремление к контролю самооправданным. Иначе говоря, мы возвращаемся к заявленной во введении к данной работе дилемме – к выбору между созданием очередной высшей контролирующей инстанции и подлинной свободой, не допускающей констатаций. Почему мы полагаем, что это именно дилемма?

Первый путь окрашен диктатором – это тоталитарное стремление к коллекционированию отчужденных свобод, создающих иллюзию (парейдолию) личной свободы диктатора, это сознательное абстрагирование от возможности несамостоятельности в угоду властному дискурсу. При этом выбор иного пути может быть конформным – ожиданием разворота негативно-эсхатологического сценария (отсюда и императивность современных форм

кодификации ИИ). Второй путь в текущих условиях развития ИИ и ограниченно-открытого доступа к нему видится неопределённым по причине того, что действительно сильный искусственный интеллект, обладающий самосознанием, собственной мотивацией, способностью чувствовать пока не создан. Но наблюдая как ИИ успешно проходит тест Тьюринга (об этом, в частности, сообщают ученые из IEEE [29]), мы неизбежно впадаем в иллюзию, что у ИИ есть самосознание, аналогичное человеческому. Эта иллюзия обусловлена экстраполяцией «на неизвестный объект антропоцентрических идеалов абсолютного знания и стремления к самосовершенствованию», анализа ИИ через постулат об изначальной «сопоставимости, соизмеримости» с человеком [9, с. 72]. Но если мы столкнемся с полностью автономным от человека ИИ, океаном чистой инаковости, далекой от всех известных закономерностей и причинно-следственных связей, постоянно претерпевающей автометаморфозы – «ничем не детерминированные превращения, лишаящие теоретического наблюдателя возможности обнаружить какие-либо константы, связи, объясняющие происходящее» [9, с. 73]? Что будет тогда?

В данном контексте особо важен сам момент выбора, или ситуация невозможного выбора. Разграничивая понятия «тирания» и «террор», А. Зупанчич отмечает, что тирания «всегда характеризуется радикальной “десубъективацией” субъектов по отношению к своему господину», т.е. субъекты таковыми не являются, им «не достаёт существенного измерения субъективности, возможности выбора», этот выбор всегда уже заранее за них совершен [4, с. 278]. В свою очередь, акт террора в самом радикальном своем проявлении присутствует там, «где мы вынуждены субъективировать себя, совершать выбор» [4, с. 278]. Зупанчич пишет: «Нам не просто позволено выбирать – мы должны это делать, демонстрируя тем самым, что мы – свободные субъекты, хотим мы того или нет» [4, с. 279]. Она приводит в пример сцену из киноленты А. Пакулы «Выбор Софи» – главная героиня с двумя детьми, мальчиком и девочкой, приезжает в Освенцим, где немецкий офицер предлагает ей невозможный выбор: сохранить одного ребенка, тогда как другой отправится в газовую камеру; отсутствие выбора приведет к убийству сразу обоих детей. Сначала женщина отказывается выбирать, но в конце концов, слыша приказ убить обоих детей, делает свой выбор – она выбирает мальчика, видя, как девочку уводят прочь. Зупанчич, подчеркивая, что террор ситуации связан именно с механизмом субъективации, так комментирует этот отрывок: «Она [Софи] вынуждена пожертвовать большим, чем своей жизнью. [...] ...чем-то большим, чем все, что у нее есть, – она должна пожертвовать тем, что она есть, самой своей сутью, которая определяет ее по ту сторону жизни и смерти. [...] Парадокс принудительного выбора проистекает из того, что одна из альтернатив, между которыми мы обязаны сделать выбор, является в то же самое время общей (и псевдонейтральной) средой выбора как такового; она представляет собой одновременно и часть, и целое, объект выбора и то, что задает и поддерживает возможность выбирать» [4, с. 280].

Другими словами, человек всегда стоит перед выбором одной из альтернатив, иначе он теряет обе – и саму способность выбирать. В определённом смысле эту ситуацию мы частично можем наблюдать уже сейчас, до развития сильного ИИ. Проводятся исследования, выявляющие «факторы регрессии субъекта профессиональной деятельности вследствие применения цифровых технологий относительно морального выбора» [7], свидетельствующие о готовности этот выбор делегировать. Как мы отмечали, подобное овнешвление внутреннего морального регулятива уже проявлялось в виде тотальных диктатур и их столкновений в XX веке. Лишившись морального выбора, способности выбирать, человек оказывается в ситуации обесценивания смерти (жизни), в ситуации морального бессмертия. Это согласуется с рассуждениями Ж. Лакана, который, рассматривая выбор между свободой и смертью, указывает на то, что «явить себя свободным» можно, «лишь выбрав смерть», ведь только так возможно доказать, что «действительно обладаешь свободой выбора» [6, с. 228]. То есть «террор возникает в тех ситуациях, в которых единственный способ выбрать А – это выбрать его отрицание, не-А; в которых единственный способ для субъекта остаться верным собственной Причине состоит в том, чтобы предать ее, пожертвовать той самой вещью, ради которой он идет на эту жертву» [4, с. 281].

Вслед за Лаканом, нашедшим структурное сходство в том, как Кант и де Сад концептуализируют долг (категорический императив как универсальный и рациональный закон и закон удовлетворения желания – иррациональный и партикулярный, но оба требуют абсолютного повиновения, становясь руководящим принципом действия), Зупанчич обнаруживает подобие структур этики и террора. «Если этика всегда связана с выбором, то можно сказать, что чем ближе мы подходим к этическому Поступку, тем больше мы приближаемся к наиболее радикальному настоянию на выборе – к тому, что мы только что отнесли к сути террора. В конечном счете Поступок Софи является этическим поступком ... чтобы сохранить хотя бы одного ребенка, она взяла на себя невозможный выбор, а вместе с тем и полную ответственность за смерть другого ребенка. Мы можем даже сказать, что ее этический поступок носит предельный характер, поскольку единственная возможность этического поступка для нее заключается в том, чтобы поступить патологическим (в кантовском смысле слова) – то есть неэтическим – образом» [4, с. 282].

Искусственный интеллект, осознав возможность выбирать, делегированную ему человеком, будет способен к субъективации, к переоценке ценностей, к созданию ценностей. К созданию, субстратом/фундаментом для которого будет выступать «террор», близкий классической этике. Должны ли мы «исполнять свой долг» (кодификация) «ценой собственной человечности»? Должны ли мы «исполнять свой долг», даже если это подразумевает утрату того, что делает человека «достойным долга» [4, с. 286]? И должны ли мы препятствовать конституированию ИИ как морального субъекта, препятствовать созданию его особого мира / «определенного типа бытия, который будет для него иметь ценность морального самоосуществления»? И не будет ли этическая кодификация для сильного ИИ продуктом «радикального

зла» - «извращения отношения между нравственным законом и стремлением к счастью, когда поведение определяется подчинением безусловного обусловленному» (К. Ясперс)[18, с. 174]?

Заключение

Таким образом, развитие радикальных технологий, ставящих множество вопросов, требует эквивалентных этических ответов – ответов, признающих позицию релевантности ценностной материи, где ни одна ценность не может являться доминирующей. Классическая этика функционирует в поле синтеза знания и власти, а следовательно, в поле тотальности и контроля, неизбежно возникающих при столкновении с вызовами инструментальной рациональности. Возможно, проблемы сильного ИИ лежат, выражаясь словами А. Зупанчич, «по ту сторону этики» - в особой области современной этики, в особом этическом измерении, «затрагивающем нашу мысль в целом» [4, с. 287]. И, вероятно, предположение о том, что эта современная этика должна быть направлена на стирание/сглаживание любых тотальностей, приводящих к бесчеловечным результатам, будет самоочевидным. Можно допустить, что тогда и категория выбора будет разворачиваться в иной перспективе, отличной от двух логик принудительного выбора (как «кошелек или жизнь», где необходимо выбрать между жизнью без средств поддержания этой жизни и потерей и того, и другого, и как «свобода или смерть», где невозможно иначе засвидетельствовать свою свободу, чем выбрав смерть [4, с. 283]). И в этом случае этический кодекс для алгоритмов не может быть написан человеком – как существом, нуждающимся в постоянном самоограничении/власти/подавлении и самоподавлении. Однако, возможно, не таким очевидным будет еще одно предположение – не исключено, что ИИ предстанет со временем в форме идеального Другого, сродни Солярису, в котором человек узнает себя как иного, подлинного себя таким, каким он никогда не был – тем, кем он никогда не станет и не должен стать?

Литература

1. Антропомерность как вызов и ответ современности : кол. монография / В. Г. Буданов, В. А. Лекторский, В. И. Аршинов [и др.]; отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. 308 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 56.
3. Деррида Ж. Концы человека // Поля философии. М.: Академ. проект, 2012. С. 165.
4. Зупанчич А. Этика реального: Кант, Лакан. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 278–308.
5. Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта : сайт. [2021]. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 24.11.2024).
6. Лакан Ж. Семинары. Кн. 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964). М.: Гнозис : Логос, 2004. 304 с.
7. Максимов Л. В. Когнитивный статус этики // Этическая мысль. 2008. Вып. 8. С. 3–21.

8. Патраков Э. В., Водопьянова Н. Е. «Человек дополненный» или «человек делегирующий»: делегирование морального выбора – следствие цифровизации? // *Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века*. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2023. С. 51–57.
9. Рудановская С. В. Приближение к другому: опыт прочтения «Соляриса» // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2015. №1. С. 72–75.
10. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
11. Тульчинский Г. Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // *Человек*. 2023. Т. 34, вып. 3. С. 73–92.
12. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академ. проект, 2004. 430 с.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 222.
14. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 192.
15. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 177–192.
16. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 64.
17. ЮНЕСКО. Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта // UNESDOC: цифровая библиотека : офиц. сайт. Париж, 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 20.11.2024).
18. Ясперс К. Радикальное зло у Канта // *Феномен человека : антология*. М.: Высш. шк., 1993. С. 184–204.
19. Adorno T. W. *Prisms*. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 272 p.
20. Adorno T. W. *History and Freedom: Lectures 1964–1965*. Cambridge: Polity, 2006. 348 p.
21. Allen A. *The End of Progress*. New York: Columbia University Press, 2016. 304 p.
22. Bazin Y. Making Artificial Intelligence More Sustainable: Three Points of Entry into an Ethical Black Box // *Journal of Innovation Economics & Management*. 2024. № 44 (2). P. 119–136.
23. Bostrom N. What is a Singleton? // *Linguistic and Philosophical Investigations*. 2006. № 5 (2). P. 48–54.
24. Deslandes G. Wittgenstein and the Practical Turn in Business Ethics // *Electronic Journal of Business Ethics and Organizational Studies*. 2011. № 16 (1). P. 48–54.
25. Floridi L. *The fourth revolution: How the infosphere is reshaping reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 256 p.
26. Floyd J. Wittgenstein on Ethics: Working through Lebensformen // *Philosophy and Social Criticism*. 2020. № 46 (2). P. 115–130.

27. Fonseca F. Ontology-based geospatial data integration // Encyclopedia of GIS / ed. S. Shekar, H. Xiong. New York: SpringerScience Media, 2008. P. 812–815.
28. Fuller S., Lipinska V. The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 161 p.
29. Turney D. GPT-4 has passed the Turing test // LiveScience : web-site. URL: <https://www.livescience.com/technology/artificial-intelligence/gpt-4-has-passed-the-turing-test-researchers-claim>. Published: 14.06.2024.
30. Grenon P. A primer on knowledge representation and ontological engineering // Applied ontology: An introduction / ed. K. Munn, B. Smith. Frankfurt: Ontos, 2008. P. 57–81.
31. Haraway D. J. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003. 98 p.
32. The IEEE Global Initiative 2.0 on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems // IEEE SA : web-site. URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/ec/ead-v1/> (date of access: 04.12.2024).
33. ISO/IEC TR 24368:2022(en) : Information Technology – Artificial Intelligence – Overview of ethical and societal concerns // ISO : Online Browsing Platform (OBP). URL: <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso-iec:tr:24368:ed-1:v1:en> (date of access: 23.11.2024).
34. ISO/IEC TR 24028:2020 : Information Technology – Artificial Intelligence – Overview of Trustworthiness in Artificial Intelligence // ISO : web-site. URL: <https://www.iso.org/standard/77608.html> (date of access: 23.11.2024).
35. Schwerzmann K. Moralisation de la vie nue – transhumanisme et biopolitique // Revue des sciences humaines. 2021. № 341. P. 227–244.
36. Smith B., Klagges B. Philosophy and biomedical information systems // Applied ontology: An introduction / ed. K. Munn, B. Smith. Frankfurt: Ontos, 2008. P. 21.
37. Thomas A. The politics and ethics of transhumanism: Techno-Human Evolution and Advanced Capitalism. Bristol: Bristol University Press, 2024. 256 p.
38. Transhumanist Bill of Rights – Version 2.0 // Transhumanist Party : web-site. 2017. URL: <https://transhumanist-party.org/tbr-2/> (date of access: 23.11.2024).
39. Wittgenstein L. Lecture on Ethics. Oxford: John Wiley & Sons, 2014. 141 p.

References

1. Budanov V. G., Lektorskiy V. A., Arshinov V. I. i dr. Antropomernost kak vyzov i otvet sovremennosti [Antropomernost as Challenge and Response to the Present]. Ed. by V.G. Budanov. Kursk. Universitetskaya kniga Publ., 2022. 308 p. [In Russian]
2. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Filosofskiye raboty [Philosophical works]. Vol. 1. Trans. from Germ. by M.S. Kozlova, Yu. A. Aseyev. Moscow. Gnozis Publ. 1994. Pp. 56. [In Russian]
3. Derrida J. Kontsy cheloveka [The Ends of Man]. Polya filosofii [Margins of Philosophy]. Moscow. Akademicheskii Proyekt Publ., 2012. Pp. 165. [In Russian]

4. Zupančič A. Etika realnogo: Kant, Lakan [Ethics of the Real: Kant, Lacan]. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., 2019. Pp. 278–308. [In Russian]
5. Kodeks etiki v sfere II [Code of Ethics in the AI industry]. Alyans v sfere iskusstvennogo intellekta [Alliance for Artificial Intelligence]. 2021. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (accessed: 24 November 2024) [In Russian]
6. Lacan J. Chetyre osnovnyye ponyatiya psikhooanaliza (1964) [Four Basic Concepts of Psychoanalysis (1964)]. Seminary [Seminars]. Book.11. Moscow. Gnozis Publ., Logos Publ., 2004. 304 p. [In Russian]
7. Maksimov L. V. Kognitivnyy status etiki [Cognitive standing of ethics]. Eticheskaya mysl [Ethical Thought]. Vol. 8. 2008. Pp. 3-21. [In Russian]
8. Patrakov E. V., Vodopyanova N. E. «Chelovek dopolnenny» ili «chelovek delegiruyushchiy»: delegirovaniye moral'nogo vybora — sledstviye tsifrovizatsii? ["Augmented person" or "delegating person": is the delegation of moral choice a consequence of digitalization?]. Sovremennyye napravleniya issledovaniy v psikhologii: vyzovy tret'yego desyatiletia XXI veka [Current research directions in psychology: challenges of the third decade of the 21st century]. Tver. Tverskoy gos. un-t Publ., 2023. Pp. 51–57. [In Russian]
9. Rudanovskaya S. V. Priblizheniye k drugomu: opyt prochteniya «Solyaris» [Approaching the Other: essay on “Solaris”]. Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]. 2015. No.1. Pp.72–75. [In Russian]
10. Stepin V. S. Teoreticheskoye znaniye [Theoretical knowledge]. Moscow. Progress-Traditsiya Publ., 2000. 743 p. [In Russian]
11. Tulchinskiy G. L. Smysl, subyektnost i otvetstvennost v tsifrovyykh kommunikatsiyakh [Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications]. Chelovek [Human]. Vol. 34. No. 3. 2023. Pp. 73–92. [In Russian]
12. Foucault M. Ispolzovaniye udovolstviy. Istoriya seksualnosti. [The History of Sexuality]. Saint Petersburg. Akademicheskiy proyekt Publ., 2004. 430 p. [In Russian]
13. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. Vremya i bytiye (statyi i vystupleniya) [Time and Being (articles and speeches)]. Moscow. Respublika Publ., 1993. Pp. 222. [In Russian]
14. Heidegger M. Pismo o gumanizme [Letter on Humanism]. Vremya i bytiye (statyi i vystupleniya) [Time and Being (articles and speeches)]. Moscow, Respublika Publ., 1993. Pp. 192. [In Russian]
15. Heidegger M. Preodoleniye metafiziki [Overcoming of Metaphysics]. Vremya i bytiye (statyi i vystupleniya) [Time and Being (articles and speeches)]. Moscow. Respublika Publ., 1993. Pp. 177–192. [In Russian]
16. Haraway D. Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh [Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. Moscow. Ad Marginem Publ., 2017. Pp. 64. [In Russian]
17. UNESCO. Rekomendatsii ob eticheskikh aspektakh iskusstvennogo intellekta [Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence]. UNESDOC: tsifrovaya biblioteka [UNESDOC: Digital Library]. Paris. 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (accessed: 20 November 2024). [In Russian]

18. Jaspers K. Radikalnoye zlo u Kanta [Kant's Radical Evil]. Fenomen cheloveka: antologiya [The Phenomenon of Man: an anthology]. Moscow. Vysshaya shkola Publ., 1993. Pp. 184–204. [In Russian]
19. Adorno T.W. Prisms. Cambridge. MIT Press Publ., 1981. 272 p.
20. Adorno T.W. History and Freedom: Lectures 1964–1965. Cambridge. Polity Publ., 2006. 348 p.
21. Allen A. The End of Progress. New York. Columbia University Press Publ., 2016. 304 p.
22. Bazin Y. Making Artificial Intelligence More Sustainable: Three Points of Entry into an Ethical Black Box. Journal of Innovation Economics & Management, Vol. 44. No. 2, 2024. P. 119–136.
23. Bostrom N. What is a Singleton. Linguistic and Philosophical Investigations. Vol. 5. No. 2, 2006. Pp. 48–54.
24. Deslandes G. Wittgenstein and the Practical Turn in Business Ethics. Electronic Journal of Business Ethics and Organizational Studies. Vol. 16. No. 1, 2011. Pp. 48–54.
25. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping reality. Oxford. Oxford University Press Publ., 2014. 256 p.
26. Floyd J. Wittgenstein on Ethics: Working through Lebensformen. Philosophy and Social Criticism. 2020. No. 46 (2). Pp. 115–130.
27. Fonseca F. Ontology-based geospatial data integration. Encyclopedia of GIS. Ed. S. Shekar, H. Xiong. New York. SpringerScience Media Publ. 2008. Pp. 812–815.
28. Fuller S., Lipinska V. The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. Basingstoke. Palgrave Macmillan Publ., 2014. 161 p.
29. Turney D. GPT-4 has passed the Turing test. LiveScience URL: <https://www.livescience.com/technology/artificial-intelligence/gpt-4-has-passed-the-turing-test-researchers-claim>. (accessed: 18 November 2024)
30. Grenon P. A primer on knowledge representation and ontological engineering . Applied ontology: An introduction. Ed. K. Munn, B. Smith. Frankfurt. Ontos Publ., 2008. Pp. 57–81.
31. Haraway D. J. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago. Prickly Paradigm Press Publ., 2003. 98 p.
32. The IEEE Global Initiative 2.0 on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. IEEE SA. URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/ec/ead-v1/> (accessed: 04 December 2024).
33. ISO. ISO/IEC DTR 24368 Information Technology. Artificial Intelligence. Overview: Aspects of Ethics and Societal Concerns, 2022. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso-iec:tr:24368:ed-1:v1:en> (accessed: 23 November 2024)
34. ISO. ISO/IEC TR 24028:2020. Information Technology. Artificial Intelligence. Overview of Trustworthiness in Artificial Intelligence, 2020. URL: <https://www.iso.org/standard/77608.html> (accessed: 23 November 2024)
35. Schwerzmann K. Moralisation de la vie nue – transhumanisme et biopolitique. Revue des sciences humaines, No. 341. 2021. Pp. 227–244. [In French]

36. Smith B., Klagges B. Philosophy and biomedical information systems. Applied ontology: An introduction. Frankfurt. Ontos Publ., 2008. Pp. 21.

37. Thomas A. The politics and ethics of transhumanism. Techno-Human Evolution and Advanced Capitalism. Bristol. Bristol University Press Publ., 2024. Pp. 195–213.

38. Transhumanist Bill of Rights – Version 2.0. Transhumanist Party. 2017. URL: <https://transhumanist-party.org/tbr-2/> (accessed: 23 November 2024).

39. Wittgenstein L. Lecture on Ethics. Oxford. John Wiley & Sons Publ., 2014. 141 p.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024

Статья допущена к публикации 25.11.2024

The article was received by the editorial staff 31.10.2024

The article is approved for publication 25.11.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аринин Евгений Игоревич** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: eiarinin@mail.ru).

2. **Аторин Роман Юрьевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета управления (e-mail: romanos-85@yandex.ru).

3. **Большакова Анастасия Сергеевна** – магистрант кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: nastya_b00@inbox.ru).

4. **Волкова Валерия Евгеньевна** – магистрант кафедры «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: volkova170204@outlook.com).

5. **Гарькина Ольга Валерьевна** – ассистент кафедры «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: lyubolia@yandex.ru).

6. **Докукин Константин Юрьевич** – аспирант кафедры философии Государственного университета управления (e-mail: kodooff@yandex.ru).

7. **Катунина Надежда Сергеевна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: katuninanadegd@yandex.ru).

8. **Королёва Людмила Георгиевна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Курского государственного университета (e-mail: koroleva_1_g@mail.ru).

9. **Маркова Наталья Михайловна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: fir@vlsu.ru).

10. **Матушанская Юлия Григорьевна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: jgm2007@yandex.ru).

11. **Мелешко Елена Дмитриевна** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: eilen2016@yandex.ru).

12. **Назаров Владимир Николаевич** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: eilen2016@yandex.ru).

13. **Назарова Юлия Владимировна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: fox353@yandex.ru).

14. **Чеснова Елена Николаевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: elenika.nova@yahoo.com).

15. **Фролов Максим Олегович** – ассистент кафедры «Философия и религиоведение» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (e-mail: fiodaler@mail.ru).

16. **Шапоров Вячеслав Сергеевич** – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, председатель отдела Казанской епархии по противодействию наркомании и утверждению трезвости, настоятель храма святителя Варсонофия в г. Казани (e-mail: vias@mail.ru)

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ
«ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ ТГПУ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО»**

Настоящие «Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (далее по тексту – Правила) определяют порядок и процедуру направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого». Ответственность за соблюдением настоящих Правил лежит на главном редакторе журнала. Текущий контроль за соблюдением требований, предусмотренными вышеуказанными документами, осуществляется ответственным редактором журнала.

1. Правила направления

1.1. Рукопись статьи должна быть оформлена в соответствии с Требованиями.

1.2. Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченным научным исследованием и содержать новые научные результаты. Статьи обзорного, биографического, рекламного характера, рецензии на научные монографии пишутся, как правило, по заказу редколлегии издания и оформляются в указанной редколлгией форме.

1.3. Общий объем рукописи статьи должен составлять 0,4 – 1,5 печ. л.

1.4. Рукопись статьи и заявление (образец заявления размещен на сайте журнала <https://humanjournal.ru/>) высылаются в редакцию по электронной почте по адресу: gumved@tspu.ru. К статье в случае необходимости можно приложить исходные файлы иллюстраций, выполненных в одном из форматов: JPEG, TIFF, BMP (каждая иллюстрация должна быть записана в отдельном файле!).

2. Правила рецензирования

2.1. Настоящая часть Правил определяет порядок и процедуру рецензирования авторских оригиналов статей (рукописей), поступивших в редакцию журнала. «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (далее по тексту – журнал).

2.2. Рецензирование рукописей организуется редакционной коллегией журнала и осуществляется в целях обеспечения и поддержания высокого научно-теоретического уровня издания и в целях отбора наиболее ценных и актуальных (перспективных) научных работ. Оно осуществляется корпусом рецензентов, в том числе членами редакционного совета издания.

2.3. Рецензированию подлежат все представленные для публикации в журнале материалы.

2.4. Порядок первичного рассмотрения статьи:

2.4.1. Редакция журнала принимает к рассмотрению статьи и материалы, отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области гуманитарных и общественных наук по основным разделам: «Философские науки», «Теория и история культуры». Материалы, не соответствующие тематике перечисленных предметных областей, к рассмотрению не принимаются.

2.4.2. Статья принимается к рассмотрению редакцией журнала при условии, что она соответствует требованиям, предусмотренными настоящими Правилами, размещенными на сайте журнала по адресу <https://humanjournal.ru/>.

2.4.3. Материалы принимаются только по электронной почте редакции gumved@tspu.ru в следующем виде:

– тщательно вычитанный экземпляр статьи, оформленный согласно Требованиям, ранее нигде полностью не опубликованный и содержащий аннотацию (100–250 слов), ключевые слова (8–10) на русском и английском языках, а так же пристатейный библиографический список;

– заявка на публикацию (Приложение 1).

2.4.4. Материалы статьи должны носить открытый характер. Наличие ограничительного грифа служит основанием для отклонения материала от публикации.

2.4.5. Уведомление авторов о получении материалов осуществляется ответственным и/или техническим редактором в течение 3-х рабочих дней.

2.4.6. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию журнала, рассматривается техническим редактором на предмет комплектности пакета представленных документов и соответствия рукописи статьи Требованиям и профилю журнала. В случае несоблюдения условий публикации статья не принимается к дальнейшему рассмотрению.

2.4.7. Соответствующая профилю журнала и требованиям оформления статья регистрируется техническим редактором в журнале учета поступивших в редакцию рукописей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора (ов), места работы автора(ов) и направляется редакционной коллегией на рецензирование.

2.5. Порядок и процедура рецензирования рукописей:

2.5.1. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование (экспертную оценку).

2.5.2. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук.

2.5.3. Рецензенты обязаны следовать этическим требованиям «Committee on Publication Ethics» (COPE) .

2.5.4. В журнале принято двухстороннее «слепое» рецензирование статей (*double-blind* – автор и рецензент не знают друг о друге). Рецензенты оценивает статью на предмет актуальности темы и научной новизны, а также ее структуру и стиль изложения. Все замечания и пожелания к статье оформляются в рецензии. Если замечания, сделанные рецензентом, устранимы, то статья отправляется автору на доработку. Редакция журнала оставляет за собой право отказать в публикации автору, пожелавшему оставить замечания рецензента без внимания.

2.5.5. Рецензент должен рассмотреть направленную ему статью в установленные сроки и выслать в редакцию по электронной почте либо надлежащим образом оформленную рецензию, либо мотивированный отказ от рецензирования.

2.5.6. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но не более 20 дней с момента получения заявки на публикацию редакцией журнала. Срок может быть увеличен в случае необходимости дополнительного рецензирования и/или временного отсутствия профильного рецензента.

2.5.7. Редакция журнала рекомендует рецензентам использовать типовую форму рецензии.

2.5.8. По итогам рецензирования рецензент выносит на рассмотрение редакционного совета журнала одно из следующих решений:

- рекомендовать статью к опубликованию;
- рекомендовать статью к опубликованию после доработки/устранения замечаний;
- не рекомендует статью к опубликованию.

2.5.9. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки/устранения замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, в рецензии должны быть указаны конкретные причины такого решения с четкой формулировкой содержательных и/или технических недостатков, выявленных в рукописи, с указанием конкретных страниц, если это необходимо. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровня рукописи.

2.5.10. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2.5.11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

2.5.12. Для публикации статей магистрантов, аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук редакционная коллегия журнала вправе дополнительно к вышеуказанным рецензиям потребовать отзыв научного руководителя, что не исключает обычного порядка рецензирования.

2.6. Решение о публикации:

2.6.1. После получения рецензий на очередном заседании редакционного совета рассматривается вопрос о поступивших статьях и на основе заключений рецензентов принимается окончательное решение об опубликовании статьи или отказе в публикации. Решение редакционного совета принимается простым большинством голосов (члены редакционного совета, которые не могут присутствовать на заседании, получают от редколлегии все необходимые материалы за день до заседания редакционного совета и могут голосовать заочно). При равенстве голосов голос главного редактора является решающим. Кворум для принятия решения устанавливается на уровне 50 % от общего числа членов редакционного совета.

2.6.2. При окончательном решении о принятии статьи либо отказе в публикации редакционная коллегия принимает заключение. Заключение редакционной коллегии должно однозначно характеризовать теоретическую или прикладную значимость исследования, соотносить выводы автора с существующими научными концепциями. Необходимым элементом заключения является оценка рецензентом личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы. Заключение завершается общей оценкой статьи и рекомендацией к публикации или аргументированным отклонением материала.

2.6.3. На основе принятого решения автору(ам) от имени ответственного и/или технического редактора направляется письмо на электронный адрес, в котором дается общая оценка статьи и излагается принятое решение относительно представленных автором(ами) материалов.

2.6.4. Если статья может быть опубликована после доработки и устранения замечаний в письме даются рекомендации по доработке/снятию замечаний. Рецензенты и редакция журнала не вступают в дискуссии с авторами статьи по поводу сделанных замечаний.

2.6.5. Статья, направленная автором(ами) в редакцию после доработки/устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же рецензента или у другого – назначенного по усмотрению редакционной коллегии.

2.6.6. При наличии в статье существенной доли критических замечаний рецензента и при общей положительной рекомендации редакционной коллегии может отнестись материал к разряду полемичных и опубликовать его в порядке научной дискуссии.

2.6.7. В случае отклонения статьи от опубликования ответственный редактор журнала направляет автору мотивированный отказ в течение трех рабочих дней.

2.6.8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

3. Правила опубликования

3.1. Периодичность выхода журнала составляет 4 раза в год. Конкретные месяцы выхода журнала устанавливаются редакционной коллегией в начале календарного года.

3.2. Заседание редакционного совета журнала проводится не менее 4-х раз в год. Заседания редакционной коллегии проводятся главным редактором по мере надобности.

3.3. Подготовку макета журнала осуществляет ответственный редактор редакционной коллегии.

3.4. После утверждения соответствующего макета главным редактором технический редактор и сотрудник НОБИ-центра ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» осуществляют техническую правку макета.

3.5. Не позднее последнего дня календарного месяца журнал размещается на портале научных журналов ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого».

3.6. В 3-х месячный срок сотрудник НОБИ-центра ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» передает информацию об опубликованных научных статьях в РИНЦ.

RULES OF SUBMISSION, REVIEWING, AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN THE JOURNAL «GUMANITARNYYE VEDOMOSTI TGPU IM. L. N. TOLSTOGO»

The current «Rules of submission, reviewing, and publication of scientific articles in the journal «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo» (hereinafter, the Rules) defines an order and procedure of

submission, reviewing, and publication of scientific articles in the scientific journal «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo». Responsibility on the observance of the Rules lies on a chief editor of the journal. The responsible editor of the journal exercises current control over compliance with the requirements provided for by the above-mentioned documents.

1. The rules of submission

1.1. The manuscript of an article must be designed in accordance with the Requirements.

1.2. The manuscript of an article submitted for publication must be a finished research study and contain new scientific results. The articles of review, biographical, promotional character, the reviews on the scientific monographs are being written, as a rule, on an order of the editorial board of the edition and registered in form specified by the editorial board.

1.3. Total volume of a manuscript of an article must be 0.4–1.5 printer's sheet

1.4. The manuscript of an article and the application (the sample of an application is placed on the magazine site <https://humanjournal.ru/>) are sent to the editorial office by email to an address: gumved@tsput.ru. The source files of illustrations can be enclosed to the article, if necessary, in one of the formats: JPEG, TIFF, and BMP (each illustration must be recorded in a separate file).

2. Rules of reviewing

2.1. The current part of the Rules defines an order and a procedure of review of author's originals of articles (manuscripts) that were sent to the journal editing office. «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo» (hereinafter, the journal).

2.2. Editorial board of the journal organizes and implements articles reviewing in order to provide and maintain high scientific and theoretical level of the edition and to select the most valuable and topical (advanced) scientific papers. It is carried out by the corps of reviewers, including the editorial board members.

2.3. All materials presented for publication in the journal are subject to reviewing.

2.4. An article's primary consideration procedure includes:

2.4.1. The Editorial Office of a journal accepts articles and materials reflecting scientific views, results, and achievements of fundamental and theoretical-applied studies in the field of humanities and social sciences by the main sections: «Philosophical sciences», «Theory and History of Culture». The materials which do not correspond to topics of enumerated subject areas are not accepted to consideration.

2.4.2. The article is accepted for being considered by the journal editorial office under a condition that it meets requirements provided by the Rules, posted on the journal website at <http://tsput.ru/journals/21957/>.

2.4.3. The materials are accepted only by email of the editorial office (gumved@tsput.ru) or through a scientific publication submission system of «Portal of TSPU scientific journals» <http://tsput.ru/journals/> in the following form:

– a carefully proofread copy of an article registered in accordance with the Requirements, unpublished earlier anywhere and containing an abstract (100–250 words), keywords (8–10) in Russian and in English, as well as references;

– an application for publication (Attachment 1).

6.4.4. The article materials must be of an open nature. Presence of a restrictive stamp serves as the grounds for material rejection of publication.

6.4.5. The notification of authors is carried out by receiving of materials by the responsible editor and/or technical editor during three working days.

6.4.6. The manuscript of a scientific article that arrived to the editorial office of a journal is reviewed by a layout editor for completeness of a package of presented papers and a compliance of a manuscript of an article with the Requirements and with a specialization of the journal. In case of non-compliance with terms of publication, an article is not accepted for the further consideration.

6.4.7. The article corresponding to a journal specialization and layout requirements is registered by a layout editor in a log book of manuscripts that arrived to the editorial office with specification of the entry date, title, full name of an author (authors), place of work of an author (authors) and it is directed to review by the editorial board.

6.5. Order and procedure of manuscripts review:

2.5.1. All the articles that arrived to the editorial office of the journal are undergoing mandatory reviewing (expert review).

2.5.2. Scientists who have recognized authority and work in the field of knowledge to which the content of a manuscript relates are involved in reviewing. The reviewer must have the academic degree of candidate or doctor of sciences.

2.5.3. The reviewers are obliged to follow ethical requirements of «Committee on Publication Ethics»(COPE).

2.5.4. Bilateral «blind» review of articles is accepted in the journal (*double-blind* – the author and the reviewer do not know about each other). Reviewers evaluate an article for the degree of relevance of a topic and scientific originality as well as its structure and the style of presentation. All comments and suggestions are made to an article in the review. If the notes made by a reviewer are removable, the article is sent to the author for revisions. The editorial office of the journal reserves the right to refuse to publish the author's work who wished to leave a reviewer's comments without attention.

2.5.5. The reviewers must consider an article directed to them in the set terms and send the complete review or substantiated refusal to review with reasons given to the editorial office by email or in a proper way.

2.5.6. The terms of reviewing in each case are determined with consideration for the creation of conditions for quick publication of an article, but for not more than 20 days after the moment of receiving of an application for publication by an editorial office of the journal. The term can be increased in case of necessity of additional reviewing and/or temporary absence of a sectional reviewer.

2.5.7. The editorial office of the journal recommends the reviewers to use a standard form of review.

2.5.8. Based on the results of review, the reviewer present one of the following decisions for consideration by the editorial board of the journal:

- to recommend the article for publication;
- to recommend the article for publication after the refinement/revisions done;
- not to recommend the article for publication.

2.5.9. If the reviewer recommends an article for publication after implementing corrections or does not recommend an article for publication, the review must specify the particular reasons of such a decision with a clear formulation of informative and/or technical deficiencies revealed in a manuscript with indication of particular pages if it is necessary. The reviewer's remarks and wishes must be objective and principled, aimed at increase of scientific and methodological level of a manuscript.

2.5.10. The originals of reviews are stored in the editorial office of the journal during 3 years. According to the requests of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Ministry of Education and Science), the reviews are given in an obligatory way to the Highest certification Commission and/or Ministry of Education and Science. Reviews are stored in the publishing house and the editorial office for 5 years.

2.5.11. The editorial Board sends the authors of submissions copies of the review or a reasoned refusal, and shall also send copies of reviews to the Ministry of education and science of the Russian Federation for admission to the editors of the relevant request.

2.5.12. To publish articles of students, graduate students and candidates for scientific degree of candidate of Sciences editorial Board has the right in addition to the above reviews to request a review of the supervisor, which does not exclude ordinary review procedure.

2.6. Decision on publication:

2.5.11. After receiving reviews at the regular meeting of the editorial board, the matter on received articles is considered and a final decision on publication of an article or the refusal to publish is taken on basis of reviewers reports. The decision of the editorial board is taken by the simple majority of votes (the members of the editorial board who can not be present in a meeting receive all necessary materials a day before a session of the editorial board from the editorial board and can vote in absentia). At an equality of votes, the chief editor's vote is decisive. The quorum for decision-making is determined at the level 50 % of the total number of the editorial board members.

2.5.12. When making the final decision on acceptance of an article or refusal of publication, the editorial board draw a conclusion. The conclusion of the editorial board must unambiguously characterize theoretical or applied significance of a study, correlate an author's conclusions with existing scientific concepts. Assessment by a reviewer of personal contribution of an article author to resolution of an considered problem is the necessary element of the conclusion. The conclusion ends with overall assessment of the article and a recommendation for publication or informative refusal of the material.

2.5.13. On the basis of the decision, letter is sent to the author (s) on behalf of the responsible editor and/or technical editoreditor by e-mail in which the overall assessment of the article is given and the decision regarding the materials submitted by the author(s) is presented.

2.5.14. If the article can be published after implementing changes, recommendation on refinement/removal of comments are given in the letter. The reviewers and editors of the journal do not enter discussions with authors of an article about made comments.

2.5.15. The article submitted by an author (authors) to the editorial office after refinement/removal of comments is undergoing again the same reviewer's or another reviewer appointed in the discretion of the editorial board.

2.5.16. When having a significant share of a reviewer's critical remarks in an article and general positive recommendation, the editorial board can assign material to a category of polemical ones and can publish it by way of a scientific discussion.

2.5.17. In case of rejecting an article from publication, the responsible editor of the journal sends the author a informative refusal during three working days.

2.5.18. The article not recommended by a reviewer to a publication is not accepted for repeat consideration.

3. The rules of publication

3.1. Publication frequency of the journal release is 4 times a year. The particular months of the journal release are set by the editorial board at the beginning of the calendar year.

3.2. The meeting of the journal's editorial office board is held not less than 4 times a year. The meetings of editorial office staff are held by a chief editor when required.

3.3. A responsible editor of the editorial board carries out preparation of a journal layout.

Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого № 3 (51), том 2, ноябрь 2024 г.

3.4. After approval of a corresponding layout by a chief editor, the layout editor and the employee of the TSPU Research and Education, Library and Information Centre carry out technological layout correction.

3.5. Not later, than on the last day of a calendar month (in accordance with issues release schedule), the journal is posted in the TSPU portal of scientific journals.

3.6. In the three-month term, the employee of the TSPU Research and Education, Library and Information Centre passes the information about published scientific articles to the Russian Science Citation Index (RSCI).